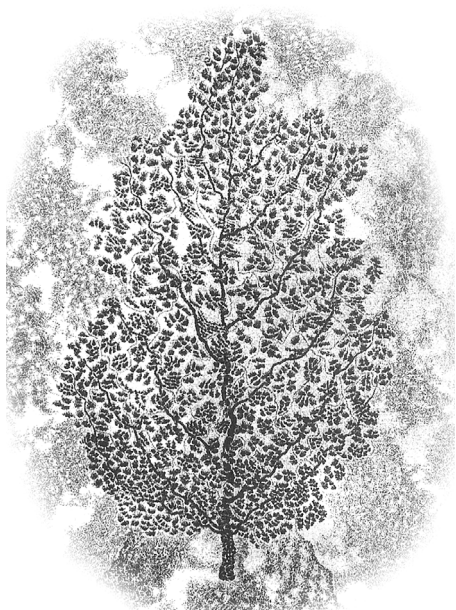

Геннадий Иванов

Надо жить

*Избранные
стихотворения*

Москва
«Вече»

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос)-5
Г20

Иванов, Г.В.

Г20 Надо жить. Избранные стихотворения / Геннадий Иванов. — М. : Вече, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-9533-5857-6

Знак информационной продукции 12+

Новая книга известного московского поэта Геннадия Иванова, которую он подготовил к своему 70-летию, выходит в год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Сборник открывают стихи, связанные именно с этим историческим событием в истории страны.

Как и в предыдущих книгах, центральное место занимает здесь образ поэта, ищущего выход из современного нигилистического отношения к жизни и стране, которое преобладает нынче в обществе. Лирику автора можно назвать философской, но это прежде всего желание обрести подлинный смысл и подлинную веру. Поэзия Геннадия Иванова многогранна и своеобразна по настрою: ей доступны и строгая серьезность, и добродушная улыбка, и неожиданный эмоциональный взлёт. Творчеству этого поэта присуща художественная простота, выражающая отнюдь не простую внутреннюю жизнь, стремление к подлинной поэтической новизне.

**УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос)-5**

ISBN 978-5-9533-5857-6

© Иванов Г.В., 2020
© ООО «Издательский дом «Вече», 2020

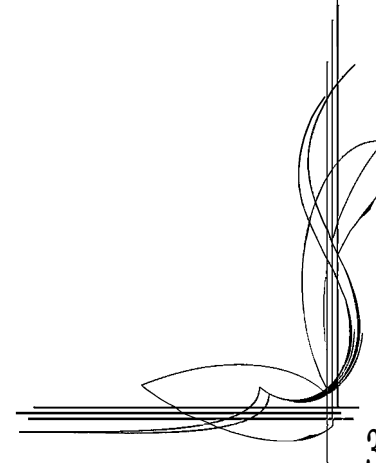
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

* * *

В этом мире хорошо и плохо,
В этом мире грустно и светло.
Но какая б ни была эпоха,
А зимой за окнами бело.

Снег идет так чисто, благодатно,
Делает пушистым все кругом,
Черные закрашивает пятна,
На стекло садится мотыльком.

Снежный воздух радостен для внучки!
Мы пойдем по снегу погулять.
«Дедушка, возьми меня на ручки».
Снег, Россия, внучка — благодать!

* * *

Из жизни нашей стали исчезать
Слова: присяга, подвиг, верность...
Мы стали в межеумье зависать.
Какой-то низкой стала современность.

России быть расхлябанной нельзя.
Со всех сторон, со всех границ набеги.
Не расслабляйтесь, русские князья, —
В покое не оставят печенеги.

Они нам никакие не друзья
И не партнёры — что вы лебезите?
Не расслабляйтесь, русские князья,
И в сердце верность Родине носите.

Солдат

Пехота заснеженным склоном
Ушла на метельный закат,
А в поле ночном и холодном
Остался упавший солдат.

Он умер не сразу, он долго
Лежал на горячей крови.
Он думал для жизни и долга
Собрать еще силы свои.

Когда понемногу стемнело,
Спокойные звезды взошли,
Хотел он разбитое тело
Поднять от земли.

Но видел лишь ворон летевший,
Скосивший на воина глаз,
Как жадно и как безутешно
Локтями он взламывал наст.

Ветеран

Русланову слушает старый солдат,
И вольно в душе, как в долине.
Да, он консерватор, и он ретроград,
Но был в сорок пятом в Берлине.

И песня, как ветер, летит сквозь года
Из дали поверженной прусской —
Русланова пела в Рейхстаге тогда
С великою удалью русской.

Шумите, витии, не знавшие бед,
В герои себя возводите.
Не знали ни бед, ни великих побед,
Что вам остаётся — шумите.

* * *

И всё же за нас умирали
В Отечественную войну.
За нас в самолётах сгорали,
За нас пропадали в плену.

Вставал из цепи кто-то первым
И падал —
Совсем не за тем,
Чтоб мы на великие жертвы
Ответствовали: «А зачем?»

* * *

Не русский я, но — россиянин...

Мустай Карим

Я русский, да. Но россиянин тоже.
Как россиянин был Мустай Карим.
Единства и любви, о, дай нам, Боже,
Тогда мы в испытаньях устоим...

Я россиянин. Как башкир, татарин,
Аварец друг мой, и мой друг якут...
Я русский. Но не старший брат, не барин.
Я просто русский, так меня зовут.

Мы братья все, мы братья-россияне:
Ренат, Хаджи, Камиль и Магомед...
И в этом мире, в этом океане,
Мы пережили вместе много бед.

И выстояли вместе. И прониклись
Судьбой друг друга. Мы теперь одно.
Башкирский богатырь и русский витязь
Плечом к плечу стоят давным-давно.

Писал Мустай о братстве всех народов,
Писал Расул об этом и Кайсын...
Нам всем в земных скитаньях — по дороге.
Россия — мать, и каждый её сын.

Я русский, да. Но россиянин тоже.
И говорю, и повторяю вновь:
Единства и любви, о, дай нам, Боже!
Нам суждены единство и любовь.

* * *

Со мною разговаривает рожь.
Колосья шепчут, что уходит лето,
Что скоро поле всё пойдёт под нож...
И вспомнилось из Нового Завета —

Что мы колосья тоже, и придёт
Великий срок последней самой жатвы,
Снопы свезут на Божий Обмолот,
И будет всё, о чём читали жадно.

И будет всё, о чём читали впрок,
Что страшно, и таинственно, и дивно.
Но так должно быть. Милосерден Бог.
Мука и му́ка — это неразрывно.

Со мною разговаривает рожь.
Колосья шепчут, что уходит лето.
По сердцу зябко пробегает дрожь —
То дрожь любви из Нового Завета.

* * *

Вот и Волги берег молчаливый —
Никого сейчас на берегу:
Холод, ветер, катер торопливый,
Небо, словно в зимнюю пургу.

Против ветра в небе бьётся птица,
Медленно летит она. Куда?
Что сейчас в душе её творится?
Холод. Ветер. Зыбкая вода.

...Надо жить, хотя так трудно верить
В лучший смысл земного бытия,
Надо приходить на этот берег,
Чтоб тоска развеялась твоя.

Ведь уже не раз такое было:
Так же сердце от неверья стыло,
А потом, откуда ни возьмись,
Начиналась, продолжалась жизнь.

* * *

Куда бегут все эти «мерседесы»,
Все эти дорогие катаfalки?
Они везут покойников духовных —
А я живой, а я иду пешком...

Конечно, всё не так прямолинейно,
И всё не так, наверно, безнадежно,
Но всё-таки никак я не поверю,
Что вот они Россию и спасут.

Монах спасёт Россию и священник,
Спасут Россию воин и крестьянин,
Спасут Россию тихие молитвы,
И громкие орудия спасут.

* * *

Я был ракетчиком когда-то.
Сержантом был и старшиной.
Я был за Родину, ребята,
Тогда — и нынче не иной.

«За что вы любите Россию?»
«А что такое патриот?..»
Как много всяческих усилий,
Чтобы запутался народ.

Вопросы эти — заморочка.
Кто патриот — тот патриот.
Да ни за что. Люблю — и точка.
Душа о Родине поёт!

* * *

Мне вспомнилась вдруг почему-то пилотка.
Красивая, в линиях плавных, пилотка.
Такая удобная эта пилотка...
Я рад, что пилотку застал.

Она как привет из далёкой Победы.
Отцы в ней служили и славные деды.
В ней есть окрылённость, в чудесной пилотке, —
И в ней хорошо на плацу и в подлодке.

На смену фуражки пришли и береты.
А я про пилотку. Пилоточка, где ты?
И звёздочка так хорошо красовалась,
Что в памяти многих и многих осталась.

* * *

Америка — мерзкая, мерзкая.
Бомбит, убивает, грозит...
И ложь её самая дерзкая.
И ложью Европа мерзит.

Россия, бываешь ты разная,
Но нынче ты снова одна
От истинной правды прекрасная.
Стоящая в правде страна!

2014

* * *

В Германии хотелось мне увидеть один Рейхстаг.
И я его увидел.

Пусть нет на нём АВТОГРАФОВ ПОБЕДЫ,
Их стёрли, перестроили Рейхстаг,
Но он остался несомненным знаком
Победы нашей самой колоссальной,
Кровавой самой, жертвенной, народной...
Победы радостной, счастливой навсегда!

Всё изменилось, но Рейхстаг напомнил
Мне о солдатах наших, командирах —
Они прошли четыре вечных года,
Дошли и знамя водрузили здесь!

Теперь другие флаги на Рейхстаге.
Но слышу я салют Победы нашей
И вижу победителей родных!

.....
Храни, храни, Германия, Рейхстаг
И вспоминай о знамени Победы —
Чтоб больше вас не стравливали с нами.

2013

Майское кино

Почему-то я люблю автоматы.
Почему-то я люблю пулемёты.
Я люблю, когда наши солдаты
подавляют немецкие дзоты.

Я люблю наши быстрые танки
И «катюши», «катюши», «катюши»...
Мы должны быть сильнее, чем янки,
В небесах, на морях и на суше.

2013

* * *

Кресты, кресты...
Их тысячи в музее.
Кресты врага поверженно лежат.
Христос кресты, как семена, посеял —
«Крестом спасемся!..»
Но вмешался ад.

Был впрыснут яд
Во многие посевы...
Промчалась полем чёрная пурга.
Вот потому я говорю в музее:
«Есть Божий крест, а есть кресты врага...»

* * *

Не фрицы нынче сбрасывают бомбы,
И люди убегают в катакомбы.
И наступают на Славянск не немцы,
А смерть несут сегодня западенцы...

Они вдвойне сегодня западенцы —
За ними янки, англичане, немцы...
А у Славянска только ополченцы.
России надо что-то совершить,

Чтобы потом не мучиться, а жить
И твёрдо знать, что мы не отступили,
Не предали, себя не обхитрили,
Святой порыв не дали задушить.

14.07.2014

* * *

Опять о мире и войне...И кто-то плачет.
А для кого-то всё кругом так мало значит.
И то и это, и проблем в России масса.
Но всё идёт на задний план в виду Донбасса.

По крайней мере, так должно быть в эти годы.
Иначе жизни там конец, а не свободы.

Там наша русская душа.
Там наши братья...
И мы должны их заключить
в свои объятия!

18.08.2017

* * *

Рок событий несёт нас к войне.
Словно льдину несёт к порогу...
Победим ли, сгорим ли в огне —
Я не знаю, предателей много.

Не готова, я вижу, страна —
Расслоенье людей вопиюще.
Мстит жестоко за это война.
Отвернётся Господь всемогущий.

Кто лукавил — служил сатане.
Помогла ли Руси заграница?
Рок событий несёт нас к войне.
Жизнь в России должна измениться.

2015

* * *

Донбасские Паблы Неруды
Стихов пишут целые груды.

Война — это тема такая,
Где нет ни конца и ни края.
Война эта ноет занозой...
Стихи пишут в рифму и прозой.

Война — это тема живая,
Снарядная и ножевая...
Никак не пройдёшь её мимо,
Душа там войною палима.

Там пишут размашисто, смело —
Война там за правое дело.

Вот в Киеве так не напишут.
Там власть антирусскую лижут...

2017

* * *

Восходы! Закаты! Восходы! Закаты!..
О, как на земле мы безмерно богаты!
Богаты полями, богаты лесами,
Богаты мы так, что не знаем и сами.

Насколько богаты и чем так богаты —
Об этом расскажут нам только закаты,
И только восходы, и вольные птицы...
И это богатство продлится, продлится...

И детям, и внукам, и всем его хватит...
Но враг если Родину нашу захватит,
Тогда и восходы, тогда и закаты
Не будут красивы, не будут крылаты...

Чтоб нашему счастью опять воплотиться —
За это придётся и гибнуть, и биться.

22.06.2018

* * *

Я твержу себе снова и снова,
Что уж было написано «Слово
о гибели Русской земли»,
Но ведь выжили,
П р е в о з м о г л и.

* * *

Держитесь, люди русские, держитесь!
Друг другу помогайте, не ленитесь.
Нам надо выжить, выстоять, подняться,
Чтоб никого на свете не бояться.

Чтоб не грозили нам, не унижали,
Чтоб наконец-то мы соображали —
Кто друг, кто враг, что в нас самих спасение.
Тогда и будет наше Воскресение!

СТИХИ 2015–2019

Мой трилистник

1.

Я люблю деревенские улицы,
Где гуляют заботливо курицы,
Где окошки глядят друг на друга
И всё близко — до речки, до луга.

Как же мне не любить эти улицы,
Как же сердце не заволнуется,
Если знаю я брёвнышки эти
С моего появления на свете.

2.

Я люблю побережье поморское,
Хоть оно серовато, неброское,
Но водица по-дружески плещется,
И душа так спокойна, не мечется.

Кандалакша мне ведома с юности.
Ночи белые, сполохи, лунности...
Море Белое плещется, плещется,
И душа тут на месте, не мечется.

3.

Я люблю твою силу победную,
Твой, столица, размах и полёт...
Москвичи за Россию, за Родину,
Москвичи — это тоже народ.

И когда супостаты надменные
Будут биты опять и опять,
Их знамёна на площади Красной
Будут хламом под ноги кидать.

6.01.2016

* * *

Кремлёвская стена кому-то плача стена,
и я сочувствую таким.
Но для меня — восторга, не иначе!
Стена восторга, я охвачен им.

Она красива очень, а по жизни
она твердыня и она оплот
моей страны, моей в веках Отчизны!
И потому к ней тянется народ.

3.06.2019

* * *

Мы всем должны — и бабочкам, и пчёлам...
Мы всем должны — и травам, и цветам...
Всему земному — городам и сёлам...
И вечности, сопутствующей нам.

Мы должники — и как же расплатиться?
Кто красками, кто словом, кто числом...
Но главное, но главное — смириться,
что Божье всё, а не твоё кругом.

* * *

Для России открылся Господь в эти годы.
Может быть, потому, что стучится война...
Перебрали, как водки, мы нашей свободы,
Вопиёт наша совесть и наша вина.

Времена наступают трезветь и собраться.
Времена наступают молиться — и в бой.
Мы для Бога ещё не потеряны, братцы.
Поднимайтесь, рязанский мужик и тверской...

Впереди будут битвы не олимпийские.
Не потешные будут бои и полки.
Поднимайтесь, уральские люди, сибирские...
И Поволжье, и казаки...

И Кавказ, и московские люди, и питерцы.
Поднимайтесь и Север, и Дальний Восток...
Мне суровым и грозным грядущее видится.
Наступает безжалостный срок.

27.12.2015

* * *

Всю ночь когда-то слушал Верстакова —
Его гитару и его тоску...
Он пел о падшей Родине сурово.
Хоть пистолет пристраивай к виску.

Он пел о том, как предали, продали...
Как резали ракеты, корабли...
Всю ночь его мы слушали, не спали,
Но Родине помочь мы не могли.

Могли мы только верить, что вернётся
Страна на свой обетованный путь,
Что наше знамя гордо развернётся,
Вселяя радость человеку в грудь.

Тоску былую песней не измерить...
Печально и теперь гляжу окрест.
Но всё же, всё же продолжаю верить,
Что Бог не выдаст и свинья не съест.

19.07.2015

* * *

Там крестьянки лён прядут,
Прялки на небо кладут...

П. Ершов «Конёк-Горбунок»

Где крестьянки лён прядут?..
Только в памяти придут
Из какого-нибудь года,
Где в избе полно народа...
Там крестьянки лён прядут.
Там и пляшут, и поют.
Пашни там благоухают.
В сени ласточки летают.

Там их гнёзда, там их детки...
Там и я сидел на ветке.
Там всё рядом, там всё близко.
Там луна сияла низко.
Там и гуси, там и галки...
Где же, где же эти прялки?
Так уж было суждено —
Прялки на небе давно...

15.03.2019

Привыкаем жить без Украины

Привыкаем жить без Украины.
И теперь, быть может, навсегда
нам чужие степи и долины
и Днепра широкого вода.

Так бывало в мире, так бывает.
Братья тоже ссорятся навек.
Киев золотой наш уплывает,
на враждебный уплывает брег.

Как хочу я в этом ошибиться:
наважденье, бес попутал — вот
перебесятся, и устремится
снова к нам украинский народ...

Но покуда вижу: всё сильнее
там вражда к России, и всё злей
молодёжь — безжалостней, наглее,
и Россия ненавистна ей.

Там у нас у многих пуповины.
Там святых истоков благодать.
Привыкаем жить без Украины...
Не хочу, не буду привыкать.

2017

* * *

За Днепр обидно.

И. Северянин

Да, больше нету той страны,
того единства.
И в свете киевской луны
творится свинство.

Там объявляют нам войну,
за Русь пытаются...
Они днепровскую луну
От нас скрывают.

За храмы на душе тоска,
за Днепр обидно.
И этой дикости пока
конца не видно.

2018

* * *

Да, другие времена.
Не застоя-сонности.
Как теперь живёт страна?
Больше стало совести?

Меньше подлости вокруг?
Вот они критерии.
...Всё иллюзии, мой друг.
Всё, мой друг, мистерии.

* * *

Почему-то тянет, тянет
вдаль глядеть с откоса —
здесь душе ответ приходит
даже без вопроса...

Что метаться и тужить,
если столько света!
Надо верить, надо жить —
это суть ответа.

11.06.2017.

Иртыш у Абалакского монастыря

* * *

Много в мире всего симпатичного...
Но потом понимаешь, в пути,
что несёшь ты зерно горчичное —
до конца бы его
донести.

Миру чудному и воспетому
надо должное отдавать,
но вниманье особое
к э т о м у
поручению
устремлять...

* * *

На пороге вечности, на Севере,
я стоял когда-то на скале.
Было ощущение такое,
что лечу у птицы на крыле.

И что эта птица — это вечность.
Улечу неведомо куда.
А в душе отвага и беспечность...
Навсегда?
Пусть будет навсегда!

* * *

Что такое стихи, забываю...
А потом вспоминаю опять —
и в каком-то краю пребываю,
где отратно душе пребывать.

А потом — и порою надолго —
западаю в молчанье, как в сон...
Этот край и не Крым, и не Волга...
Но родной, словно родина, он!

* * *

Икона неба не всегда лучиста,
сегодня в тучах, словно в забыты.
Да и в душе сегодня как-то мглисто,
и все молитвы спутались мои.

Да, надо жить, как все живут на свете,
и, стиснув зубы, многое терпеть.
Но трудно быть невдумчивым, как дети,
по-детски плакать и по-детски петь...

* * *

Листья падают, и корчатся,
И становятся трухой...
Эта жизнь однажды кончится
С бесконечной чепухой.

Чепуха-то чепуховина,
Но по полю вот идёшь,
И тебя, как от Бетховена,
Вдруг охватывает дрожь!

16.11.2017

Тимониха

На свете на белом, на небе ли —
Отрада в душе и покой!
Тимониха. Белые лебеди
Летят над беловской избой!

Чудесные лебеди белые!
Откуда в конце октября?
Догадки являются смелые:
Мол, лебеди — это не зря.

Мол, это Василий Иванович
Приветствует добрых гостей...
Родной наш Василий Иванович,
Стою у калитки твоей!

Окрестные дали завьюжены.
Снежок налетает, снежок!
А лебеди быстро и дружно так
Уходят на юго-восток.

Прекрасные лебеди белые!
Двенадцать в клину лебедей.
Окрестности осиротелые...
Большие дома — без людей...

А что впереди — нам неведомо.
Воскреснет ли наша земля,
Наполнятся ль новыми бедами
Родные леса и поля?

Привычны, конечно, нам горести,
Но может быть, лебеди — знак,
Что жизнь повернётся по совести,
Что будет всё как-то не так,

Как нынче... Тимонихе, родине,
И кладбищу низкий поклон,
И жерди любой в огородине...
А клин удалившийся, он

Навеял надежды. Красиво тут.
Озёра, леса — благодать!
И птицы летели, как символы:
Здесь жизнь не должна умирать!

27.10.2017

Ольге Александровне
Фокиной

Последний классик вологодский.
Явилась — из лесной глуши.
Живёт негромко и неброско.
Поэт от Бога, от души.

Она от Севера, от вьюги,
От русской печки, от реки...
От целой песенной округи,
Где много помнят старики.

В стихах с землёй родною сродство —
Не самый современный тренд, —
Но в них патент на благородство.
Без всяких примесей патент.

Дороги мои

1.

На Байкал, на Байкал, на Байкал!
За Байкал поднимаю бокал!
За Сибирь поднимаю бокал!
И — прощайте — лечу на Байкал!
И — прощайте — лечу я в Сибирь,
Где великие дали и ширь!

Где хорошие люди живут
И меня они в гости зовут.

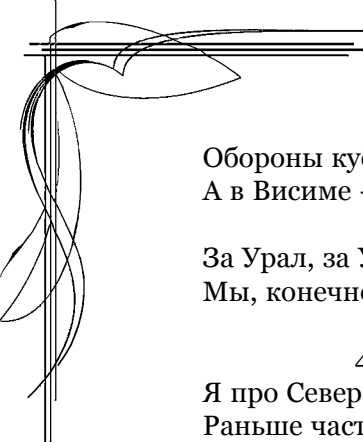
2.

На Кавказ, на Кавказ, на Кавказ!
На Кавказ прилетал я не раз.
И бокал, и стакан, и фужер
Поднимал я не как лицемер.
За Кайсына, Расула в Цаде...
За поэтов всегда и везде!

Там хорошие люди живут,
И меня они в гости зовут.

3.

А потом полечу на Урал.
Саша Кердан душевно позвал.
Мы поедем с ним в Нижний Тагил —
Средоточие танковых сил!

Обороны куётся там меч!
А в Висиме — о Мамине речь...

За Урал, за Урал, за Урал
Мы, конечно, поднимем бокал!

4.

Я про Север ещё не сказал.
Раньше часто спешил на вокзал,
И на поезде «Арктика» я
В заполярные ехал края.
У меня там заветный причал,
Друг меня там недавно встречал...

Заполярье, Поморье, за вас
Поднимали бокал мы не раз!

5.

А теперь за деревню мою,
Что погибла в неравном бою...
За родные тверские поля,
Где дичает, немеет земля.
За неё, за неё, за неё,
Где, наверное, м е с т о моё!

Там хорошие люди живут.
Там родные могилы зовут...

14.10.2017

Воспоминанье о Хибинах

Лыжня в лесу — таинственное что-то.
Я позабыл, что в мире есть лыжня.
Что через горы снежные, болота
Она вела когда-то и меня...

Мне вспомнились бамбуковые палки.
Мне вспомнилось, как я летел с горы...
И много было силы и смекалки,
И много было всяческой игры.

Мелькали ёлки, валуны мелькали —
Лыжня меня восторженно вела...
Потом куда-то лыжи запропали.
Пришли заботы, мысли и дела.

Стремился к знаниям и стремился к Богу,
Работал много и любил страну.
Теперь иду к какому-то итогу.
И не скажу, что я иду ко дну...

А всё равно — лыжня вот взволновала,
Напомнила о молодой поре...
И мне всего-всего вдруг стало мало
В сравненье с той лыжнёю на горе.

18.03.2018

Так нельзя...

Девяностолетняя старуха,
Страшная, безумная, больная,
Говорит напористо и глухо,
Что-то объясняя, вспоминая...

У неё всё падает и льётся —
Бесконечны стирка, подтиранье...
Невпопад и плачет, и смеётся.
Это ей такое наказание?

Наказанье? Или испытанье
Её близким? По ночам она
Ходит-бродит с громким причитаньем,
Нет ей ни покоя и ни сна.

Дочь не спит, ложиться убеждает.
Днём и ночью при старухе дочь.
Может, раньше матери истаёт...
Как тут поступить и как помочь?

Достучаться до небесной тверди...
Я молитву посылаю в ночь.
Так нельзя... Господь, Ты милосерден!
И старуху пожалей, и дочь.

13.09.2017

* * *

Листья падают сами собой,
Так легко, как созревшие строки.
И созрел небосклон голубой,
И созрели для треска сороки...

Осень ходит хозяйкой родной.
Как-то всё по-домашнему ладно.
И сарай деревянный сенной
Нынче выглядит как-то парадно.

И последние избы как рай!
Огородов последних щедроты...
Вот ещё бы вдохнуть в этот край
Государевой доброй заботы.

* * *

Были чудом слова и улыбки,
были чудом лыжня и каток...
Но теперь чудеса эти зыбки —
под ногами опасный ледок.

Годы, годы...
Вы пыл охладили.
Но хочу до последнего дня,
чтобы ангелы радости были
на земле и в душе у меня.

22.11.2016

* * *

Россия с нами говорит пейзажем,
Пушистыми сугробами, ручьями...
А мы стихами ей сегодня скажем,
Что любим её в радости, в печали.

Мы любим её реки и просторы,
Мы любим её песни и заветы,
Мы слышим её тихие укоры,
Мы видим все печальные приметы...

Прости, Россия, слабых сыновей,
Но есть сыны достойные вовеки.
Мы что-то значим лишь в судьбе твоей,
Любя твои поля, просторы, реки...

30.01.2016

Россия погибла, Россия в обвале...
Россия в дыму и огне...
Россия в безверье,
Россия в опале,
во мраке и бездны на дне...

Но нет — не погибла.
Но нет — не в обвале.
В безверии? Было. Но Бог
путём испытаний,
тоски и печали
подняться России помог.

Россия — мессия?
Не знаю.
Не знаю
и что впереди там грядёт...
Я только молюсь
и в душе уповаю
на Бога и русский народ.

20.07.2016.

Много, много бабочек летает!
Много, много и цветов, и трав!
В этой жизни кто не унывает,
тот и прав.

Тот, кто верит в неизбежность чуда,
даже если слёзы и печаль...
В чудо не от мира,
а оттуда,
где нас ждёт
без горизонтов даль.

18.07.2016

Кот Васька ест осоку,
а я пью чай.
Сидим.
Житейскую мороку
оставили мы с ним.

Над нами солнце ходит,
а вечером луна...
Ничем не занят вроде,
а жизнь полным-полна.

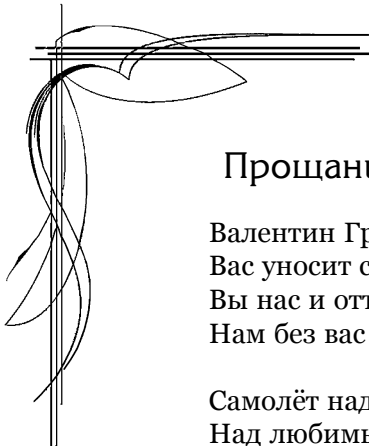
20.07.2016

В День Павла и Петра
пойду бродить с утра
по милой стороне,
по травяной стерне.

По милым по холмам
да по тропе вдоль речки —
молиться буду там,
смиранный, как овечки...

Душа моя, постись,
не требуй слишком много.
И буду я пастись
в полях весь день у Бога.

12.07.2016

Прощание с Распутиным

Валентин Григорьевич, прощайте.
Вас уносит самолёт в века...
Вы нас и оттуда выручайте.
Нам без вас унынье и тоска.

Самолёт над Волгой, над тайгою,
Над любимым краем полетит...
Слёзы набежавшие не скрою.
Вас живым душа моя хранит.

Валентин Григорьевич, прощайте.
Тёплый, светлый, мудрый и родной...
Над Байкалом вскрикивают чайки,
Кто-то тихо плачет над страной.

19.03.2015

Воспоминание о Совещании молодых писателей Крайнего Севера и Дальнего Востока в Магадане

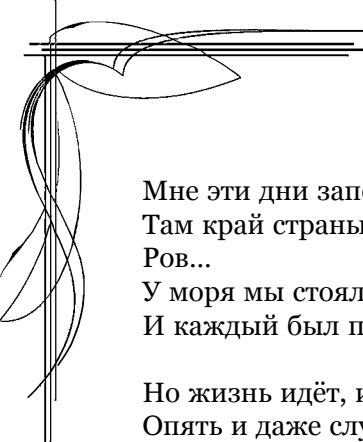
Мы с Кузнецовым были в Магадане.
Его моложе десятью годами,
Я при знакомстве бегал в магазин...
Ничем я Кузнецова не грузил.

Ещё был Роберт Винонен, весёлый
Такой поэт и переводчик, финн.
А Кузнецов был твёрдый и тяжёлый.
В кампании, а всё равно — один.

Был человек под псевдонимом Чуев,
Он расшифровывал: чукотский, мол, еврей.
Была там строганина просто чудо,
Муксун там был от окон до дверей!

Там был Санги Владимир, нивх великий,
Чукчанка Антонина Кымытваль...
Многонациональный, многоликий
Туда народ добрался, в эту даль.

Мы там стихи читали, говорили.
В Охотском море видели припай.
Там безымянные могила на могиле...
Шаламов всё сказал про этот край.

Мне эти дни запомнились особо.
Там край страны. Там будто некий
Ров...

У моря мы стояли как у гроба,
И каждый был потерян и суров.

Но жизнь идёт, и мы стихи читали
Опять и даже слушали певцов...
Младым указывал на важные детали
Поэт великий Юрий Кузнецов.

5.03.2016

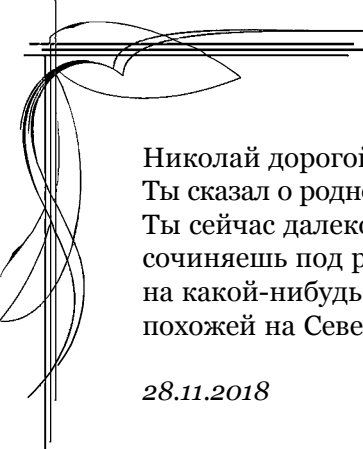
Памяти Николая Колычева

В это время звонят только сукины дети,
и друзья, если срочно,
среди ночи звонят.
Позвонили, что нет тебя больше на свете,
только слово осталось, и песня, и взгляд...

Вот залив твой
и лес твой с большими груздями,
и везде валуны, валуны, валуны...
Ты навеки прибит золотыми гвоздями
к этим северным далям и плеску волны.

«Я за речку пойду...
Там кончается город деревню.
Я за речку пойду. Там всегда хорошо, за рекой...»
Я тут жил, приходил я к поморскому кладбищу
древнему,
Где свиваются ветры — лесной и морской.

Ты о Севере так нам сказал душевно.
Ты о жизни печально писал и светло.
Неуютно и хрупко ты жил,
но напевно.
Мурманчанам с тобой повезло.

Николай дорогой, я овеян твоими напевами.
Ты сказал о родном, ты напел о земной красоте!
Ты сейчас далеко —
сочиняешь под райскими древами
на какой-нибудь, может,
похожей на Север звезде.

28.11.2018

Молодым поэтам

Стихи пишу, как будто подбираюсь.
Строку мне бросят... и ещё строку...
Сижу, сижу, пишу и жду — и маюсь.
Впадаю в некий ступор и тоску.

Твардовский говорил когда-то: лодку,
Зачем её, мол, посуху тащить...
Но вот мелькнула, кажется, находка.
Ещё немного, и мы будем плыть...

Бывало же. Не всё так однозначно.
Трудиться надо, мало я тружусь.
Бывает, что и посуху удачно.
Ждать только вдохновения — боюсь.

Работать надо, да, работать надо.
А там уж как пойдёт, как поплывёт...
Конечно, это праздник и отрада,
Когда само стремительно идёт.

Да что идёт. Летит само, поётся!..
Но всё ж нередко нужен этот труд,
Когда, как в стену, твой порыв упрётся —
Не строчки, а часы и дни идут...

5.01.2018

Николаю Тряпкину

Кончились стихи и все напитки...
Кончилась земная благодать.
Ты лежишь на кладбище «Ракитки»,
И тебе, Поэту, исполать!

На тверской земле ты был рождённый,
На земле московской проживал...
С конницею слов ты, как Будённый,
На окопы вражьи налетал.

За любовь ты бился и за славу
Родины, земли своей родной.
Отвергал ты всякую отраву,
Не любил заслуженный покой.

И стихи — как золотые слитки,
Ты оставил русским паренькам.
Ты лежишь на кладбище «Ракитки»,
А стихи достанутся векам!

Будут звать за Родину сражаться!
Будут звать любить и горевать!
Именем твоим да будут клясться.
Николай Иваныч, исполать!

И вовек светла твоя светлица!
И вовек звенит оркестров медь!
И гагара — северная птица —
Будет всё над Родиной лететь!

27.01.2019

На похоронах Н.Л.

Мне стыдно будет в храме отпеваться,
Под сводами старинными лежать,
Коль буду слабым в жизни оставаться
И в Божьем храме изредка бывать.

10.01.2019

* * *

Порой мне кажется — кругом идёт творенье.
Земля творит, и небо, и река...
В любом кусте живёт стихотворенье,
Ещё для нас неясное пока.

И музыка творится, и движенье,
Поэма и картина — в каждый миг.
И райское объёмлет землю пенье...
И вычитал я это не из книг.

Я это слышу в роще, вижу в поле,
В цветах и травах, в солнечном огне,
Во всей земной красе, в небесной воле...
Творится в мире, в слове и во мне.

4.07.2016

* * *

Я не могу без родины моей.
Опять приеду, и опять, и снова.
Есть что-то для меня среди полей —
Как бы весь мир вмещающее слово.

А так, посмотришь, ничего и нет —
Пейзаж неброский, бедность и разруха...
Но есть какой-то изначальный свет
И та земля, что многим стала пухом.

14.11.2015

Жизнь дарит многими дарами,
лишь были б мы к ней не глухи.
Я выступал перед горами —
читал им новые стихи.

Стоял над пропастью, волнуясь.
Вдали была гора Седло.
Я, настроенью повинуюсь,
читал про русское село.

Соединял родные дали
и эти горы всей душой,
чтоб никогда не воевали,
чтоб мы единой силой стали —
Кавказ и мой народ родной.

Читал стихи перед горами...
Смешно, наверно, Магомед.
Но ты читал перед полями.
Тут ничего смешного нет.

И даже это всё не ново.
Стихи читают и мирам.
Я верю в искреннее слово,
оно понятно и горам.

15.10.2018

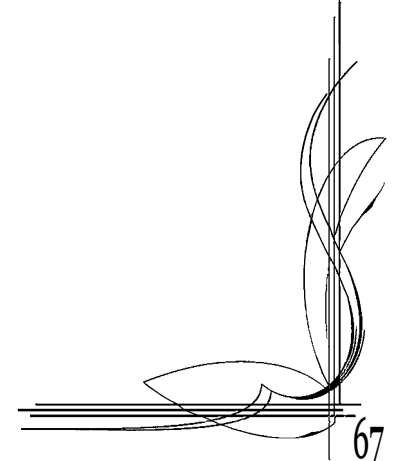
С горы Седло шла туча на Хунзах.
Шла туча на Хунзах и на аул.
К дождю менялось небо на глазах.
К нам приближался небосвода гул...

Но поднимал за дружбу я бокал.
За братство и единство всей страны.
И напоследок я ещё сказал:
«За то, чтоб больше не было войны!»

Со мной согласны были Магомед,
и друг Мухуч, и все, кто за столом.
Пускай нам туча застилала свет,
пускай гремел над нашей крышей гром...

И ливень лил, и небосвод гремел,
основы сотрясая бытия,
но песню, что один из нас запел,
все подхватили, как одна семья.

29.09.2018

* * *

Друг Магомед, сложилось в жизни так,
Что, несмотря на всяческий бардак,
Нас в сентябре водою не разлей —
С тобой мы встретим Белых Журавлей.

Какое чудо — Дагестан, Хунзах...
Когда душа купается в стихах!
Когда с небес приветствует Расул!
Когда нас ждёт его родной аул!

08.09.2018

* * *

Словно горец на крыше сакли,
на скворечнике мой скворец.
Что-то думает: так, не так ли...
А потом запел.
Молодец!

И весь мир вокруг словно ожил
и пролился на душу мою.
Вот и я, что б ни думал, всё же
оживаю — когда пою.

11.04.2017

* * *

В Гунибе — на небе!
На небе — в Цаде!
В горах Дагестана
на небе — везде.

Там люди — на небе.
На небе — дома.
Там лето — на небе.
На небе — зима.

Стоять на скале — упоенье и страх.
Как, видимо, будет потом —
в Небесах.

13.04.2017

* * *

Когда настанет время умирать,
когда исчезну в вечности, в пространстве,
уже не буду рифму подбирать,
шепча: убранстве, пьянстве, постоянстве...

«Я буду среди долин, где нежатся поэты», —
писал Ронсар. Теперь не пишут так.
Где буду я, не знаю — буду где-то...
Господь, я верю, милостив и благ.

Мне есть за что в раю быть и в аду.
О нас, о всех, есть замысел гигантский...
«Уходит каждый на свою звезду»* —
так говорил другой поэт, испанский.

Что фантазировать про свой небесный дом...
Нам заповедано смиряться и смиряться.
Куда мы денемся. Конечно, мы придём
Туда, где будет нечего бояться.

11.01.2019

* Х.Р. Хименес.

* * *

Друзья звонить мне стали из больниц.
Мы достигаем неких рубежей.
Гляжу в окошко я на зимних птиц.
Как мало птиц, как много этажей...

Гляжу в окошко я на белый свет.
Друзья мои, я обнимаю вас.
Примите мой молитвенный привет.
Дай Бог ещё увидеться не раз.

Чем я могу в печали им помочь,
моим друзьям? Ну чем я помогу?
Я помолюсь за них в глухую ночь —
я помолюсь за них
не на бегу.

03.01.2019

* * *

Где Чёрная речка впадает в Осинку...

Николай Старченко

Где Чёрная речка впадает в Осинку,
Мой друг уронил вспоминанья слезинку.
Он мальчиком светлым тут плавал и рос...
Потом он уехал под стуки колёс.

Сюда приезжал он опять и опять...
Стучали колёса — пора уезжать.
Шли годы и годы — с седой головой
Сегодня стоит над речною водой.

Он многое видел, и много узнал,
И многое понял, но жить не устал.
Эх, Чёрная речка и речка Осинка!
Слеза на листке или это росинка?..

Наверное, тут, где начало начал,
Быть должен последний вокзал и причал...
Где Чёрная речка впадает в Осинку,
Так хочется снова поставить пластинку —

Всё снова и снова прожить, пережить,
На воду глядеть... И — остаться решить.
Хотя невозможно уже никогда
Вернуться для жизни — для жизни — сюда.

30.06.2016

* * *

Наталье

Жили мы тяжело и горестно,
Но и радостно жили мы.
Мы не по полю шли, а по лесу —
И порой было много тьмы.

Никакая ты не богиня.
Никакая ты не звезда.
Ты жена моя, берегиня.
И судьба моя навсегда.

Всё мы вместе с тобою встретили.
И Господь нам даёт понять,
Что, идя испытаньями этими,
Заслужили Его благодать.

1.12.2018

* * *

Я в гостях у Гумилёва,
У Ахматовой в гостях!
Их живительное слово
В позаброшенных полях...

Здесь оно всегда витает,
Здесь оно всегда звучит
Для того, кто понимает,
Кто ему душой внимает,
Кто живёт, а не ворчит.

На холме вдали Слепнёво,
Там и роща, и река...
Навсегда родное слово
Нас порадовать готово,
Нас и новые века!

6.04.2019

* * *

У тебя миллионы просмотров.
У меня миллионы несмотров.
Миллионы кругом, миллионы —
«Звёзды» шоу, бандиты, шпионы...

Но не всё же идёт на потребу.
Кое-что устремляется к небу.
Не зову я закручивать гайки,
Я и сам отвлекаюсь на лайки.

Только много уж всякого шума,
У народа сбивается дума.

31.03.2019

Народ

А есть ли он теперь — народ?
Или мы все поодиночке?
Но теплится ещё, живёт
Его душа не только в строчке...

Она и плачет, и скорбит,
Но знает — будут испытанья,
И будет ей не до обид,
И все закончатся метанья.

Ещё, быть может, не пора...
А может быть, мне только мнится,
Что в жажде правды и добра
Тогда народ соединится.

30.03.2019

Котлеты на стол подавали тазами.
И рыбу на рынок возили возами...
Когда это было?
Куда это сплыло?
Я детскими всё это видел глазами.

Немного застал я пиры избяные.
Застал я стога и сараи сенные.
Застал многолюдье
И песни народа...
Сейчас от народа осталась природа.

Я краешек видел того, что угасло.
В деревне сбивали чудесное масло.
И лошади были, и были коровы,
И все земляки были живы-здоровы.

Давай до конца уж придумаем счастье
И внучке подарим, любимейшей Насте.
Да, было, Настюша, блаженное лето,
Которое нынче неведомо где-то.

И всё колосилось, и пело, и жило —
И всё было празднично, дружно и мило!
Художника Пластова знаешь картины?
На них эти люди, земля и овины...

Крестьяне, народ наш и праздники жизни,
И труд как подарок любимой Отчизне.

30.03.2019

Опять, опять пошли мы не к Отцу.
Мир переполнен язвами, изъянами...
Похоже, снова всё идёт к концу,
И люди снова станут обезьянами.

16.03.2019

Распевы
Васина-Макарова

Музыка льётся!
О жизни поётся
Всё претерпевшей сполна.
Родине светлой в любви он клянётся.
Вот кого слушай, страна!

Над суетой, над разрухой и ложью
Песня летит над страной!
Васин-Макаров поёт с молодёжью
Словно бы перед войной.

Воинский дух в его песнях-распевах,
Мужества дух и побед...
Нету для Васина правых и левых,
Есть только Родины свет!

27.01.2019

* * *

Пряный запах флоксов увядающих...
Небосвода выгоревший цвет.
В этом мире много унывающих,
а счастливых вроде бы и нет.

Но счастливых много, уповающих
на любовь, на свет, на красоту...
Эту жизнь с восторгом принимающих.
Эту принимающих
и ту...

4.09.2018

В поезде
Владивосток – Москва

В соседнем купе китайки,
Довольные жизнью, как янки.

Победно шумят китайки.
А будем ли мы, словно янки?

Мы будем шуметь и смеяться,
Размашисто всем улыбаться?..

Сегодня в купе наших тихо —
По нам прокатилось лихо...

Лишь дети смеются, как дети, —
И вроде всё славно на свете.

12.06.2018

* * *

Самолёт, как рыбка,
в небе серебрится.
Неохота думать,
неохота бриться...

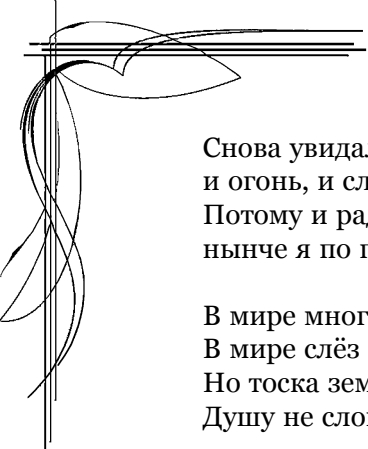
И зачем же думать
и зачем же бриться,
если всё понятно,
что вокруг творится.

А вокруг ручьями
залиты просёлки,
и между грачами
разговоры-толки...

И тепло от пашен
маревом клубится...
Мир, конечно, страшен —
Бога не боится.

Но весна сегодня!
Пасхи свет и ласка!
Потому на сердце
и любовь, и сказка...

Я гляжу на небо,
и гляжу я в дали...
Вот мы и дождались —
Пасху увидали!

Снова увидали
и огонь, и славу!
Потому и радуюсь
нынче я по праву!

В мире много боли,
В мире слёз немало...
Но тоска земная
Душу не сломала.

Хорошо ли, плохо,
но творится чудо.
Очень даже ясно,
что я жив покуда.

Что жива планета
и страна родная.
В мире много света!
В мире много рая!

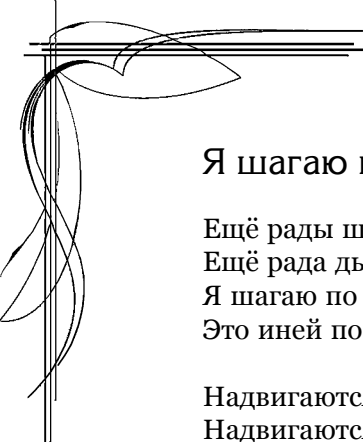
8.04.2018

* * *

Поэзия неотменима.
Да, многое мимо и мимо...
Но вдруг открывается строчка!
Как будто весенняя почка!

Поэзии вечный поборник,
Прощаю посредственный сборник,
Коль есть в нём строфа или строчка —
Как чудо живого цветочка.

2.02.2018

Я шагаю по белой дороге

Ещё рады шагать мои ноги.
Ещё рада дышать моя грудь.
Я шагаю по белой дороге,
Это иней покрыл мой путь...

Надвигаются белые сроки,
Надвигаются холод и мгла...
Время старческой всякой мороки.
Но — навстречу горят купола!

Но навстречу горят ещё зори!
Но навстречу летят снегири!
Но навстречу — и поле, и море!
И — смотри! И — живи! И — твори!

16.11.2017

Стихи, навеянные Верхним Чегемом

Горит звезда над саклею Кайсына,
Мерцает снег, в камнях течёт река...
Балкария не забывает сына.
И не забудет, хоть пройдут века.

Он для балкарцев больше, чем писатель.
Им в утешенье дал его Создатель.
Он словно клятва, их родной поэт.
Он для балкарцев символ их побед.

Гори, звезда, и торжествуй, природа!
Горит очаг у моего лица...
Когда такой поэт есть у народа,
Тогда живут надеждою сердца!

7.11.2017

Этой сакле много лет

Этой сакле много лет.
Кажется, семьсот.
И родился в ней поэт
тоже в давний год.

У подножья диких скал
сакля та стоит.
Здесь теперь мемориал —
мрамор и гранит!

А моей избушки нет,
Просто нет как нет.
Будто не рождался там
никогда поэт.

И моей деревни нет.
Голая земля.
Словно здесь не жил никто.
Заросли поля.

Ну да ладно, ничего.
Дело ведь не в том.
Просто хорошо, когда
Есть твой первый дом.

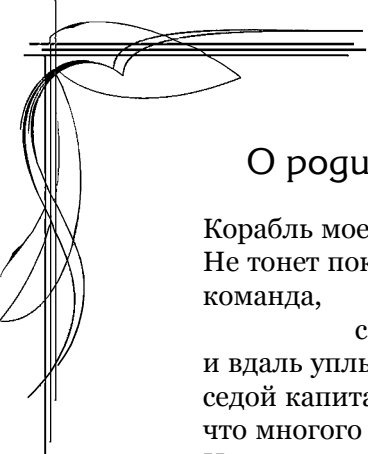
Сакля, хижина, изба...
Есть где побывать.
Где твой мир, твоя судьба,
Божья благодать.

18.11.2017

* * *

Какая мягкая трава
На родине моей.
Какие жаркие дрова
На родине моей.
Какие древние холмы
На родине моей.
Какие светлые умы
На родине моей.
Талантов столько, как цветов,
На родине моей...
Всегда, всегда мне будет кров
На родине моей.

18.09.2017

О родине моей

Корабль моей родины тонет?
Не тонет пока что, но стонет
команда,
 садится на шлюпки
и вдаль уплывает... А в рубке
седой капитан лишь храбрится,
что многого может добиться...
Но он ничего не добьётся,
с наваром к жене лишь вернётся.

Другой капитан будет в рубке,
дымок будет виться из трубки...
Но он ничего не изменит,
словами немного лишь вспенит
волну за кормой, но по сути
ни он не изменит, ни Путин.

Такая нам вышла планида —
в душе и печаль, и обида.

Всё меньше родного народа,
и нет моей родине хода.

Ну что ж, пусть цветут хоть другие края.
Но здесь до конца будет песня моя.

*7.08.2017
Бежецкий район,
Тверская область*

* * *

Никуда пробиваться не надо —
то ли к истине, то ли к мечте...
Полнота удивленья и лада —
травы в поле,
лучи в высоте!

Надо только вполне согласиться,
что прекрасен дарованный миг.
Что пройдёт он,
а счастье продлится —
в мире трав и людей, в мире книг...

2.05.2017

* * *

Лес без ветра шумит к дождю,
без печали душа печалится...
Я ещё умирать подожду,
ещё радость во мне
не кончается.

Вот опять прилетел скворец!
Машет крылышками по-ангельски!
...И поеду я наконец
в этот год на берег
архангельский!

Посмотрю, где жил Казаков,
где рассказы писал чудесные!
И поеду ещё во Псков —
там, как войны,
храмы местные.

Радость — родина, радость — свет!
Радость — ближних родные лица!
Не последняя песня, нет!
В небесах не последняя птица!

19.03.2017

* * *

Чёрно-белая пашня предзимняя,
Над землёю летает снежок.
Будет много и снега, и инея,
Будет белою горкой стожок.

Будет всё, будет всё как положено.
И морозные ночи, и лёд...
Но душа будет не заморожена,
И порой вдохновенье придёт.

Кто-то греться поедет в Италию,
Будет там и творить, и парить.
Ну а мы будем дома и далее
Тишину свою боготворить.

19.03.2017

* * *

Нотные волны на берег судьбы набегают,
Музыка, музыка что-то душе говорит...
Много печалей, и дни наши тают и тают,
Но впереди что-то светит, мерцает, горит.

Что впереди — только музыка дивная знает.
И говорит, говорит, навевает душе.
А человек — понимает и не понимает,
Но эту музыку он не отпустит уже.

27.01.2017

* * *

Всё равно победят демагоги,
Резонёры и подлецы,
Всевозможные гоги-магоги,
По борьбе за кормушки спецы...

Но они победят не навеки.
Ну а главное: нет, не они
Пробуждают любовь в человеке,
В темноте зажигают огни!

25.01.2017

От слов пора бы к делу перейти.
А это значит: надо причаститься.
Всего-то и дорогу перейти
и в нашем русском храме очутиться.

А вот не шёл на исповедь давно.
Давно пора.

Пора настала.

Хлеб совести и чистоты вино —
всё там... И якорь, и покой причала.

6.11.2016

Прожить всю жизнь, чтоб попросить прощенья
в конце концов у женщины родной
за все её догадки и мученья,
за все твои порывы, увлеченья,
за невнимание, за всё без исключенья
и — стать землёй,
стать памяти волной...

В конце концов, ты понимаешь ясно,
что мог бы жить и строже, и честней.
Покаяться пред Богом — не напрасно.
А перед женщиной...
Зачем всё это ей?

Нужны ей в жизни, что ещё осталась,
тепло и ласка.
Что прощанья миг?
Пока душа твоя не заметалась —
последний вздох или последний вскрик, —
будь с ней, с которой искренне венчалось.

11.11.2016

* * *

Жёлтые листья, зелёная ряска.
Осень приходит, как добрая сказка.

Дождички льют, наплывают туманы,
Птицы летят в африканские страны...

Птицам остаться бы где-нибудь тут —
Там убивают, взрывают и жгут.

Там громяют война за войной...
Только у нас уже веет зимой.

Выхода нет, и лететь уже надо...
Всем на земле где-нибудь да преграда.

Жёлтые листья, зелёная ряска...
Но всё равно будет добрая сказка.

Птицы вернуться, конечно, вернуться.
Многие счастливо им улыбнутся.

16.10.2016

* * *

Облака словно белые кочки...
Жизнь моя — удивленья и строчки.
Где-то ангелы там обитают —
И летают, летают, летают!

Всё, конечно, сложнее и суровой,
Но не будем нахмуривать брови.
Всё равно эта жизнь — удивленье,
Дарование и вдохновенье!

27.06.2016

* * *

В Луховицах есть поэт,
Есть поэт в Калязине.
Если где-то его нет —
Значит, город сглазили.

* * *

Над миром свист летит разбойничий,
И где-то весь в слезах опять
Есть рынок страшный и невольничий...
И как всё это нам понять?

Как нам понять все извращения,
Понять всю мировую ложь,
Детей — и слёзы, и мучения?..
Господь, приди!
И уничтожь!

23.01.2016

* * *

Я люблю эти горы Кавказские,
С их камнями суровыми, красками...
С их изломанными ущельями
И возвышенными плато...
Этих горцев люблю я с их сказками,
С их гортанными криками, плясками!
Вышло так, что мы стали братьями,
И мы братья уже лет сто.

Даже больше. И, верю, в будущем
Эти горы стоять будут тут ещё —
Через двести лет, через тысячу.
И мы будем едины.
А то?!

8.01.2016

* * *

Была отрада — выйти в поле!
И от забот вдали и дел,
Как зачарованный, я, что ли,
На дали дальние глядел.

Была отрада — печку слушать,
И слушать вьюгу за стеной...
И топором поленья рушить,
И мокнуть в дождик проливной...

Всего-всего так много было!
И по всему душа грустит...
Всё это не вместит могила.
А небо... Небо всё вместит.

8.01.2016

* * *

Когда-то на корме высокой
Стоял я и глядел вокруг.
От запада и до востока
Был океан, как брат, как друг!

Меня приветствовал он блеском,
Покоем, яркостью небес...
Бывало, что и с рёвом, с треском
Валились волны, словно лес.

Порой стоял в солёных брызгах,
Чуть было не накрыт волной...
И жизнь, и смерть — всё было близко,
И выбор, выбор был за мной.

Порой хотелось — привязаться
К фальшборту и отважно ждать,
Когда волна начнёт кидаться
На палубу — и увлекать

Меня с собой за борт, в пучину...
А ты стоишь! Ты терпишь! Ты
Берёшь, конечно, не по чину.
Нептун грозит из темноты.

Порой хотелось, да, хотелось
Всё испытать, преодолеть...
В душе и грезилось, и пелось,
И силы надо было деть

Куда-то.

Были и дороги,
Свиданья, встречи, кутежи...
У старости я на пороге,
Теперь другие рубежи.

Я принял их вполне спокойно.
Был некий праздник, круговерть...
Теперь пройти бы мне достойно
Труды, религию и смерть.

80-е; 8.01.2016

* * *

Много Родиной прожито-пройдено...
Нам горит и сияет звезда.
И горжусь я судьбой моей Родины —
Быть удерживающей всегда.

накануне Рождества Христова
2016

Сибирь

А.Г. Елфимову

Здесь тоже Русь, и здесь такая ширь,
Что даже как-то вся страна виднее,
Вся полнота России!
О Сибирь,
Мы без тебя погибельно беднее.

Покуда есть у нас и даль, и ширь,
Мы можем уповать на возрожденье.
И нам себя самих дала Сибирь —
Дала душе России воплощенье.

* * *

Сиреневые камни Каламона
теперь в крови...
Разрушен монастырь...
Святая Фёкла, где твои монашки?
Опять повсюду гонят христиан.

Теперь ИГИЛ... Потом другие бесы
придут, возникнут, как из-под земли.
Так до конца до самого и будет
испытываться верность христиан...

2015

Церковь Спаса в Бежецке

В этой церкви меня крестили.
Здесь мои земляки уповали...
Рядом с церковью мама в могиле.
В этом храме её отпевали.

В этой церкви уютно и просто.
С ней отрадно могилам погоста.
В этом храме икона Иисуса —
Как живой он глядит с убруса.

То тепло Он глядит, то с укором,
То меня покрывает позором
За грехи мои.
Грустно душе:
Ну когда я исправлюсь уже?..

В этом храме меня крестили,
Мне бесценное поручили...
Что же вера моя мала?
Что же куцы мои дела?

Но порою столько тепла
Вижу я, когда ставлю свечу!
Как бессмертья душа отпила!
Словно я уже в рай лечу!

4.04.2015,
Лазарева суббота

* * *

Мы стихи почитали,
а нас покормили за это.
Даже рюмку налили.
И честно скажу, не одну...
В наше время не слышно,
не видно пророка-поэта.
Мы вполне понимаем
и чувствуем эту вину.

Только что же нам делать?
Конечно, писать и трудиться.
По велению Божию
будет когда-то пророк...
Наше дело работать
и сердцем к народу стремиться.
Нас не знает народ,
но он ждёт неминуемых строк!

21.08.2019

Осень и китайцы

Вот уже к зиме белеют зайцы,
о зиме заводим разговор,
но стоят деревья, как китайцы, —
жёлтые стоят, как на подбор...

Осень холодит немного пальцы,
осень отражается в реке...
Нынче уважаемы китайцы,
вот и у меня они в строке.

2019

О, сколько сёл и городов мелькнуло...
А сколько встреч, приветливых людей...
До самого далёкого аула
я добирался до моих друзей.
Душа с годами вроде бы устала,
но удивляться жизни я хочу.
Я много видел, но как будто мало.
И скоро на Камчатку полечу!

18.08.2019

Сергею Откидычеву

В закате облако плывёт подводной лодкой...
И сразу вспомнилась мне лодка наяву:
Камчатка и подводники в пилотках,
Подводный чёрный крейсер на плаву.

Покрыт резиной корпус стометровый,
Внутри — у техники приоритет,
А человек, на подвиги готовый,
Десятки дней не видит белый свет.

Там люди героического склада,
Их героизм описан и воспет...
Там пессимист увидит образ ада,
Но пессимистов на подлодке нет.

Влетают в сон ваш и дожди, и вьюги,
Любимые приходят, как мираж...
Храни Господь вас, дорогие друзья!
Храни Господь подводный экипаж!

14.10.2019

* * *

Во время поста начинает меня колбасить —
случайные встречи, какие-то выпивки, ссоры...
Всё выровнять хочешь и всю суету погасить,
но вдруг начинают куда-то деваться опоры.

Куда-то относит — а надо стоять на своём,
в себе не терять сокровенный испытанный компас.
Какие бы вихри ни вились во мне и кругом,
Тебя не терять, животворный Спасителя образ!

30.03.2019

* * *

В той молитве говорится:
«Господи, явись!
Научи меня молиться.
Сам во мне молись».

На Тебя моя надежда
каждый миг земной.
И гордец я, и невежда...
Не подрезгуй мной.

6.04.2019

* * *

Как много теперь подозрительных
аварий, пожаров, смертей...
Запуганных много и мнительных
от этих ужасных вестей.

И что-то враждебное включено
в ход жизни великой страны...
Всё спутано и взбаламучено —
Мы терпим войну без войны.

3.05.2019

* * *

Стоят леса в заснеженных тулупах.
А снег метёт, и жизнь моя идёт...
И тосковать по лету как-то глупо,
Но слишком долго и снега, и лёд.

А лето — что же? Промелькнёт, и снова
Придёт зима, опять снега и лёд...
Терпенье — да. Оно всему основа.
И мне пошёл семидесятый год.

2019

* * *

Всё проблемы, проблемы да лица...
Сколько много суровых лиц.
Муза, муза... Наверно, ты птица.
Я люблю самых разных птиц!

Потому и от лиц надсадных,
от житейской всей чехарды
я ищу в небе птиц отрадных.
Как спасения от беды...

3.01.2019

В Башкортостан!

Я люблю собираться в дорогу...
Будто в стремя вставляю ногу —
и куда-нибудь поскачу...
Собираюсь я, хлопочу.

В этот раз дорога к башкирам —
и притягивает не пиром.
Не вино манит, не салат...
Там над Белою — Салават!

Там велик и неповторим
юбилейный Мустай Карим!
Сёла с песнями, плясуны!
Ну а мёд там течёт с луны!

А Мустаю Кариму — 100!
Так глубок он, что даже Кусто
не достигнет его глубин...
Да, Мустай Карим исполин!

Будет царственный юбилей
и в Уфе, и среди полей.
Собираюсь в дорогу я,
чувства добрые не тая!

2019

* * *

В. Будакову

Идти с утра на древний берег Дона!
Водой умыться — как святой водой!
Земля — в цветах! И небо — так бездонно!
Всё тот же я, хотя уже седой...
Люблю всё то же, что любил когда-то:
Цветы и травы, музыку, слова...
Душа нередко и теперь крылата.
А жизнь, она совсем не виновата,
Что сильно поседела голова.

23.05.2019

* * *

Я знал, что будет старость, но не знал,
что это, в общем, неплохое время,
что это даже некий пьедестал
или, допустим, это — стремя...
Ты как бы поднят над самим собой,
над жизнью прошлой, над своей дорогой...
Мудрей глядишь на жизненный прибой,
удачею доволен и немногой.

Я знал, что будет старость — и узнал
теперь её обличье и приметы.
Она пришла не как девятый вал,
она не заслонила мне рассветы.
Не заслонила дивные поля,
не поглотила книги с отвращеньем.
Мне ближе стала родина, земля —
они наполнены возвышенным значеньем.

19.07.2019

* * *

В мире этом плещут волны.
Волны плещут через край...
Мир, тоски и счастья полный,
мир земной, не умирай!

Столько много злобы дышит
против жизни, красоты.
Адский жар, он так и пышет —
гибнут люди и мечты...

Новый век — не лучше, хуже.
Лживый век, холодный, злой.
Дух он сдавливают туже.
Совесь и любовь — долой!

«Стадо малое, не бойся! —
говорит христианин.
Настоящий.
Он спасётся.
Из ста тысяч он один.

6.04.2019

* * *

В высших слоях атмосферы,
Там, где хранилища веры,
Ангелы кружат- витают,
К нам по веленью слетают,
Словно птенцов, нас питают
Верой, надеждой, любовью.

Здесь, на земле, виноваты
Все мы, грехами богаты.
Только надежда на сферы,
Там, где хранилища веры.
И через все расстоянья
Наши летят покаянья.

Три посвящения Батыраю

1.

Читал сегодня Батырая.
Из поэтического рая
поэт даргинский...
Он поэт,
который излучает свет.
Он излучает жизнь и чудо,
он всей душою за народ.
Иуде говорит: иуда —
и ставит красоту вперёд!

2.

Всю жизнь поэтов я читаю.
Поэтов лучших разных стран...
Дань уваженья к Батыраю
принёс тебе я, Дагестан.

Такой поэт мне близок очень —
крестьянин и певец любви!
Мне хорошо от многих строчек,
и у меня восторг в крови.

Его я сердцем выбираю.
Лечу к его родным местам.
Дань уваженья к Батыраю
принёс тебе я, Дагестан!

3.

На хуторе Аямахи
лежит он сам, а не стихи.

Его стихи летят по миру,
его читают и поют...
Твою, поэт, я тронул лиру —
тебе привет, тебе салют!

И сердце защемило сладко...
Какой чудесный, чистый звук!
О Батырай! — скажу я кратко:
ты Пушкину и брат, и друг!

8.11.2018

Опять перечитал «Из Пиндемонти»:
Иные, лучшие мне дороги права.
Морская даль, корабль на горизонте,
деревьев шум, и дождик, и трава...

Конечно, лучше всех сует на свете
природа, книги, музыка, музей...
Да, хорошо на свете жить как дети.
Я буду жить так в старости моей,
даст Бог.

13.10.2019

* * *

Всё начиналось очень просто —
Как будто лодка мне дана:
Качнулся борт,
Качнулся остров,
Кивнули дальние дома.

Никто не ждал меня на моле —
Но разве в том была нужда?
Ладонь, опущенная в море,
Вела неведомо куда!..

Далёкое

Г. Фролову

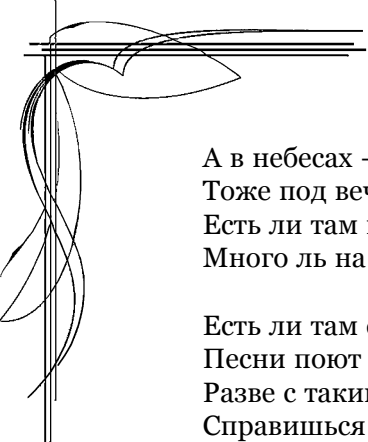
Полосы снега метельного
Ветер пронесит по льду.
Над занесёнными елями
Первую вижу звезду.

Краткая радость открытия...
Вот и другая горит!
Господи, что за события —
Только душа их хранит.

Бабушка часто в раздумии
Учит, чтоб я уповал:
Люди, что жили, не умерли —
На небе век их настал.

Пруд с ледянистой осокою,
Горки соломенных крыш...
Небо такое высокое —
Как до него долетишь?

Здесь на деревне всё ясно мне —
Эта позёмка и мгла,
Вон вековуха Настасья
В горнице лампу зажгла.

А в небесах — уж не лампу ли
Тоже под вечер зажгли?
Есть ли там избы с полатами?
Много ль на звёздах земли?..

Есть ли там снежные россыпи?
Песни поют ли? О чём?
Разве с такими вопросами
Справишься с детским умом.

И по тропе припорошенной
Я возвращаюсь домой —
Светит изба мне окошками,
Греет дымком над трубой.

Ночной разговор

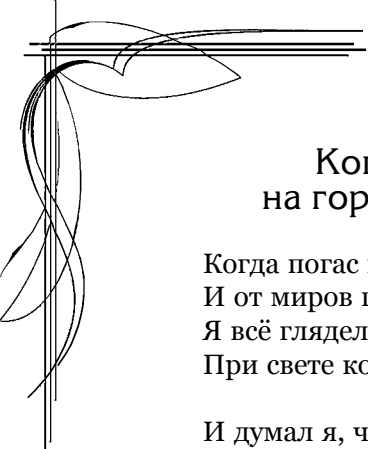
У ворона чёрные перья,
У ворона чёрная грудь —
В минуты тоски и доверья
Летит он ко мне отдохнуть.

Летит и садится напротив,
На гору прочитанных книг —
Я делаю отдых в работе
И слушаю вредный язык.

А ворон лишь клювом склонённым
Коснётся любого листа —
И голосом хриплым и сонным
Одно говорит: «Суета».

У ворона чёрные перья,
У ворона чёрная грудь.
Но есть ещё ветер за дверью,
И есть неизведанный путь...

Ты слышишь ли, птица ночная, —
Не только там плач или стон,
Там вечные силы без края!..
«Попробуй!» — отвечает он.

Когда погас на горизонте свет

Когда погас на горизонте свет
И от миров повеяло кочевьем,
Я всё глядел на уходящий след
При свете кормового освещения.

И думал я, что жизнь, как этот след,
Недолго вьётся, мчится и играет,
Что чуть подальше — и его уж нет,
И он в волнах бесследно исчезает.

Но всё хотелось на него смотреть...
Работал винт, поток воды толкая,
И нёсся след — исчезнуть, умереть,
И смысл, и очертания теряя.

* * *

Как в тёмный лес отец своё дитя
Увёз и там под деревом оставил
По приказанью мачехи-злодейки,
Так, может быть, и мы все на земле
Оставлены давно.

В лесу живём.
И свыклись, и находим поневоле
Себе тут игры, счастье и друзей.

Но никуда не деться от вопросов,
Которые питает наша память:
Кто мы, откуда, здесь ли дом родимый,
А если нет, то где его искать?
И грезится, что где-то есть опушка,
Зимой и летом солнцем залитая,
И от неё идёт дорога к дому...
Но чем нас встретит долгожданный дом?

* * *

Смотрю лубок с изображеньем рая:
Цветы диковинные, солнце, терема —
Все старшие поют, а дети все играют...
Здесь, кажется, ликует жизнь сама.

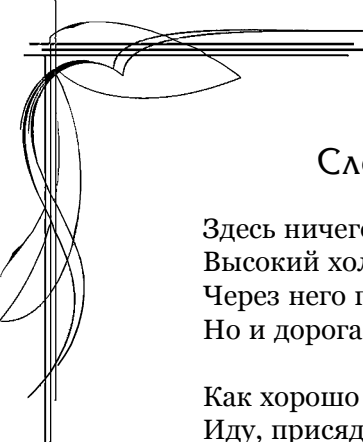
Нигде ни слёз, ни жалоб, ни истерик —
У всех единый благодарный взгляд!
Но есть стена — высокая — и двери,
И двое в них с трезубцами стоят.

С веток падают светлые капли

С веток падают светлые капли
В запорошенный листьями пруд.
Постою элегической цаплей
И пойду приниматься за труд.

Только всё ещё жалко забыться
И по глине размокшей уйти,
Где-то в угол надолго забиться
Да из памяти сети плести.

Как уйти! Облака дождевые
Так свободно, так живо летят!
И немногие листья живые
Всё ещё на ветру шелестят.

Слепнёво*

Здесь ничего, по сути дела, нет —
Высокий холм, овейанный забвеньем,
Через него пролег тележный след,
Но и дорога веет запусеньем.

Как хорошо мне в этой тишине!
Иду, присяду где-нибудь на кочке
И слушаю — слова идут ко мне,
Как будто здесь таинственный источник.

Струится тихо доблестная речь,
Мне слышится высокое моление...
Не надо никаких музейных свеч,
Пусть будет вечно это запусенье.

Вот этот холм, трава и облака,
Благодаренье Богу, что остались.
О, как картина эта глубока!
Какие чувства перед ней рождались!

* Слепнёво — имение матери Николая Гумилёва в Бежецком уезде Тверской губернии, где жена Гумилёва Анна Ахматова написала многие свои прекрасные стихи.

* * *

...И не надо никакой награды
В деле непростом —
Говорить кому-то только правду
О себе самом.

Да о жизни — как бы ни давалась —
Говорить светло,
Что пройдут страданья и усталость
И отступит зло.

* * *

Когда-нибудь останутся стихи
Уже одни, без суеты моей,
Как зёрнышки уже без шелухи,
В них будет всё точнее и ясней.

Я не увижу ясности такой
И не узнаю, кто стихам помог —
Дополнил их покоем ли, тоской —
И что потом в них будет между строк.

Песня утренней волны

«На влажном солнце я плещу,
Свечусь, ласкаю птичьей стаю,
И к берегу я, как к плечу
Доверчивому, припадаю...»

Люблю приблизиться к волне
И чутко слушать это пенье —
Она бежит навстречу мне
В рассветной розовой пене.

«На влажном солнце я плещу,
Свечусь, ласкаю птичьей стаю,
И к берегу я, как к плечу
Доверчивому, припадаю...»

Играй, волна, играй и пой,
Пока душа веселью верит,
Не ходят тучи над тобой,
И не разбил тебя прибой
О тот же берег.

* * *

...Когда ты вышла из волны,
Ты шумно, весело дышала.
Вода с волос и со спины
В песок белеющий бежала.

Волна катилась за волной,
Ты мило что-то лепетала,
Глядела так на шар земной,
Как будто только что узнала.

Переливающийся свет,
Он позади уже остался:
Ты шла, и на песке твой след
Так нежно в лунки осыпался!

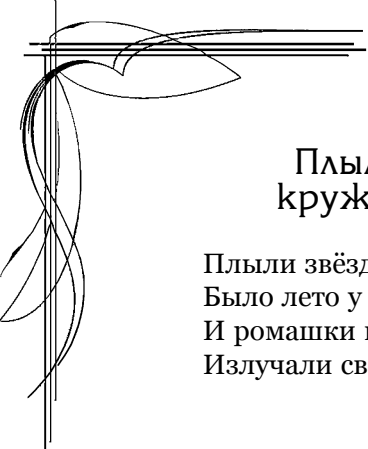
А над тобой огонь блистал,
И ты была полна сиянья!
...И я тогда ещё не знал,
Что принесу тебе страданья.

Счастливая

Смеялась и пела, смеялась и пела —
Стирать, и готовить, и шить не умела.

Но это до срока, потом то и дело
Стирала, готовила, шила — и пела.

И счастья другого вовек не хотела!

Плыли звезды, кружила дорога

Плыли звёзды, кружила дорога,
Было лето у всех на виду,
И ромашки из сонного лога
Излучали свой свет в темноту.

Из кино возвращались ватагой,
И смеялись, и пели легко.
В погребах покрывалось сметаной
Днём надоенное молоко.

Было лето. Да было ли это?
Я ли дом проходил стороной?
В ярко-красных промоченных кедах
Возвращался под утро домой...

И уже на холодной подушке
Я ли слышал тогда в полусне,
Как весёлая ранняя мушка
Всё о счастье трезвонила мне!

Мотив

Ходила девка веник мыть на пруд —
В тот день узнал я, как её зовут.

Потом случайно встретил за селом —
Узнал, что не тоскует ни о ком.

А в третий раз, при звёздах, при луне,
Узнал, что будет плакать обо мне.

* * *

Поля зелёные, коричневые пашни,
В душе любовь и к небу, и к земле —
И оттого немного даже страшно,
Что ничего не надо больше мне.

Иду пешком из Ханино в Слепнёво,
Иду тележной узкой колеёй,
Я знаю жизнь и горькой, и суровой,
Но нынче это в недрах, под землёй.

Всё где-то там до времени таится
И жутко машет острою косой.
А здесь — ромашки, ветер на пшенице,
И я иду в рубашке и босой!..

* * *

Сиреневый клевер, сиреневый клевер!
И туча под солнцем — в синих лучах!
Я полю родному всю душу доверил
И слушаю в клевере птах.

Прошедшую тучу они провожают,
Взвиваются выше и звонче поют!..
И звуки заботливо так подбирают,
Что каждую песню, как гнёздышко, выют!

На родине

Зачем надо пробовать клевер на сладость?
Зачем нам нужна эта малая радость?
Зачем это надо —
ходить целый день,
И слушать, и слушать тоску деревень?..

Рубцов

Одних поэтов лепят, создают...
Находят сложным их нестройный лепет.
Им шумных споров праздничный салют,
Им — молодёжи трепет.
Но ты другой, тут незачем л е п и т ь.
Ты есть как есть — глубокий и от Бога.
И кто стихи твои пытается хулить —
Перед стихами выглядит убого.

* * *

Выйдет луна — всё светло до опушки,
Снежные горы блестят.
В нашей избе соберутся старушки
И допоздна говорят.

В их разговорах: колдуньи да бесы,
Сказки, догадки о снах —
Всё о таинственном, всё о чудесном,
Мало о тяжких трудах.

И над испугом моим посмеются...
Снова я слушать их рад;
Чай подливают в уютные блюдца,
Долго, легко говорят.

Отрывок

Теперь зимой я часто вспоминаю
Зиму в деревне. Словно бы вчера:
Я просыпаюсь — на столе два зайца
Пушистые, усатые лежат.
Отец морозный — только что с охоты —
Рассказывает матери, как глупо
Один попался, как хитрил другой...
Собака Дружка видит, я проснулся,
Ко мне бежит и — прыг — на одеяло,
Хвостом виляет, лижется, играет
И поскорей зовёт меня вставать.
Отец прикрикнет, и она отходит
И ждёт, когда я встану, чтобы прыгнуть
Ко мне опять и рассказать, что было
И как отец хвалил её в лесу.

В углу стоит ружьё, отпотевает.
Мать ставит щи отцу, они дымятся.
Зайдёт соседка, скажет: «Серафима,
Что делала бы ты без мужика!..»

Нигде не засветит окошко

Кусты придорожной канавы,
В канаве мерцает вода,
И жёлтой головкой купавы
В воде отразилась звезда.
И близко, за полем отлогим,
Деревня стоит на холме.
Зачем к этим избам немногим
Иду я не днём, а во тьме?

Нигде не засветит окошко:
Деревня давно умерла.
Жила тут какая-то кошка
И тоже, наверно, ушла.

Мне ночью спокойнее как-то,
И можно себе представлять,
Что люди уснули до завтра —
Ведь завтра им рано вставать.

Знакомые вижу деревья,
А вон и родная ветла.
Из сказки ты вышла, деревня,
И в дивную сказку ушла.

Прощальное

Ничейные избы косятся,
Не выйдет никто из сеней,
И утки уже не боятся
Лететь над деревней моей.

И ласточкам словно сказали,
Что все эти избы снесут, —
Чтоб времени зря не теряли,
Другой бы искали приют.

Пустынно чернеют картины,
Пустынна в колодце вода...
Осталось и мне — поклониться
И больше не ездить сюда.

Осень

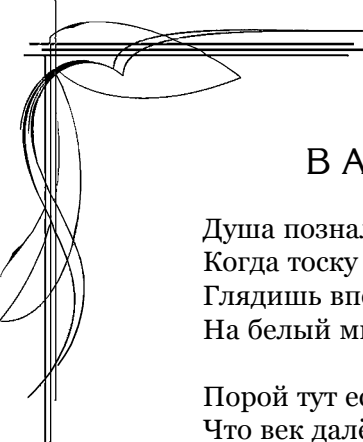
Мягкие, женские голоса галок
В прозрачном тумане слышу.
На поле корзины с последней картошкой,
Пахнет холодной ботвой.

Без удовольствия гуляет стадо —
По мокрой земле, без сочной травы.
Пастух размышлял о зимнем покое,
И стадо почуяло: стал он добрей.

Не надо печали, волнения не надо —
Пусть спокойно кончится праздник...
Мягкие, женские голоса галок
Просят об этом.

* * *

Желтоклювые чайки кружат над зелёной водой.
Солнце дымчато всходит, и палуба чисто блестит!
Я, как раннее утро, сегодня такой молодой!
Я вернусь — и любимая женщина всё мне простит.
А теперь ухожу.
Под ногами машины стучат.
Впереди много миль — и опасны они, и грозны.
Но машины стучат, и голодные чайки кричат,
И ожившее сердце томительно ждёт новизны!

В Арктике

Душа познала, что это такое,
Когда тоску восторгом утоля,
Глядишь вперёд, на поле ледяное,
На белый мир с надстройки корабля!

Порой тут есть такое ощущение,
Что век далёк, что в вечной тишине
Ещё не начиналось исчисленье.
О, как душа возвысилась во мне!

Ещё часы не пущены как будто,
Ещё творенье мира предстоит.
Ещё душа не знает о минутах —
От брэнность гнетущей не болит.

Ещё тут всё свежо и незнакомо,
Ещё не искупались мы в крови —
Ещё как будто можно по-другому
Устроить мир — по правде и любви.

* * *

«Или в ноздри песок, или деньги в карман» —
Так помор говорил, выходя на пугину.
Уплывал в неизвестность, во мрак и туман,
И смотрела жена ему в спину.

Беломорский песок под ногами скрипит.
Нынче время настало другое —
Пароходов огромных один только вид
В сердце чувство внушает покоя.

Но покуда есть море и есть небеса,
Реет, реет меж ними тревога,
Отражаясь тоской у матросов в глазах,
Возникая в домах, у порога...

* * *

Свистит, свистит норд-ост,
Ночная зыбь корабли качает.
За тех, кто в море, поднимем тост,
Кто в час полночный беды не чаёт.

За тех, кто верит в свою звезду,
Кто очарован незримой далью...
И я поверил, и я иду:
В душе — с любовью, в глазах — с печалью.

Ревун кричит, разрывая тьму.
В такую непогоду скалы отвесней.
Свистит норд-ост! Не мне одному
Понятна такая песня!

Мурманск

В лунном свете

На море вылилась луна.
И ясно видеть я могу,
Как всё кругом переменялось
На этом древнем берегу.
Как будто музыка явилась!

Как будто где-то в стороне,
При полном штиле, в лунном свете,
Все рыбаки былых столетий
Плывут ко мне...

* * *

Серые обветренные тоны,
Мокрый бело-пепельный песок.
Солнце в тучах беломорских тонет,
Бурю предвещает ветерок.

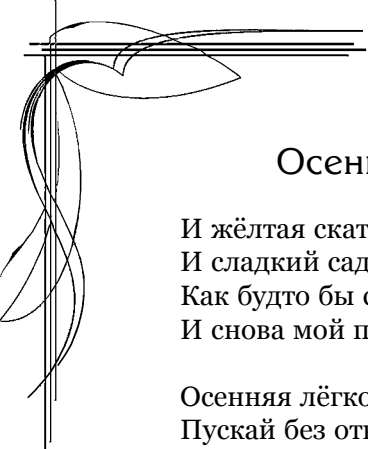
На волнах поигрывает пена,
Всё черней и ближе небосклон.
Тяжелеют вековые стены,
И тоскливей чаек стон.

Всё кругом готовится к отпору
Шторма, подошедшего уже.
И стоит маяк, как непокорный
Воин на последнем рубеже.

На маяке

Уютно спать на маяке.
Но мне не спится.
Представляю,
Как с парохода вдалеке
Сюда глядит душа живая.

Она устала в шуме вод,
Ей так же нужен берег встречный,
Как мне — тот дальний пароход,
И чтобы плыл он бесконечно.

Осенняя песня

И жёлтая скатерть осеннего леса,
И сладкий садовый настой —
Как будто бы с глаз моих спала завеса
И снова мой праздник со мной.

Осенняя лёгкость в природе и в чувствах —
Пускай без отваги хмельной,
Но всё же не пусто, но всё же не пусто,
И, значит, мой праздник со мной!

Иду ли жнивьём или слышу из дома,
Как ветер грозитя зимой, —
Какая-то сладкая в сердце истома
И праздник какой-то со мной!..

Горит костёр

Горит костёр на тёмном побережье,
Горит вдали от дома моего.
Я стал другим. Ну разве мог я прежде
На расстоянье греться от него.

* * *

Это Север замёл все дороги,
Это Север морозом хрустит.
Это он за спиной на пороге
В шубе белого пара стоит.

Это он на рассвете засвищет
И погонит куда-то ветра.
И снежинок несметные тыщи
Провожать его выйдут с утра.

* * *

Наш полуостров так качается,
Как в пенном море поплавок,
Погода — главная начальница
И всех забот, и всех тревог.

Берёзы малые, как венички,
Совсем заносятся пургой —
Лишь избы в стёганках бревенчатых
Дают тепло нам и покой.

Поморские мотивы

1.

Лодка спала на песке.
Ранняя дымка текла.
Лодка спала на песке,
Словно без вёсел плыла.

Берегом девушка шла.
Грустно ей было одной.
Берегом девушка шла,
Встретилась с лодкой-сестрой.

«Милый забыл про меня,
Нынче гуляет с другой.
Милый забыл про меня,
Стал обходить стороной».

Слёзы ручьями бегут,
Падают в белый песок.
Слёзы ручьями бегут —
«Как он забыть меня мог?»

2.

Расступались волны синие?
Расступались!
Поднималось солнце красное?
Поднималось!

Уплывали лодки за море?
Уплывали!
Тосковали жёны юные?
Тосковали!

Обрацались жёны птицами?
Обрацались!
На ладони
мужей
опускались!

* * *

Костёр горит, и варится уха
Из выловленной нам на ужин сёмги
В ведре эмалированном. Дымок
Над берегом летит от моря к лесу.
Там крикнет ворон, чайка пролетит
Над головами — зло и дико пискнет,
Ей что-то бросят в волны, и она
Безумно рада — бросится, ныряет...
Другие подлетят, начнётся драка.

Старик помор нам за вино дал рыбу,
К столу нас пригласил — и всё молчит:
Туристов ушлых здесь бывает много,
Он их не любит, хоть вино берёт.

Мы уходили утром. На лесинах,
Давно на берег выброшенных бурей,
Роса лежала. Холодил туман.
Стояло солнце, но ещё не грело,
И к лодке шёл с помощником помор.
Мы попрощались: он кивнул — и только,
И вышел в море сети выбирать.

* * *

Жара. Твоё влажное тело
Неистойвой страстью томит.
Тропа в одуванчиках белых
Босые ступни холодит.

И ветру не хочется дунуть,
И птицы не тянутся ввысь.
Жара не даёт мне додумать
Какую-то сложную мысль.

Какое горячее лето...
Ушла — и кричишь мне: «Сюда!»
Да надо ли думать. Тут где-то
Нетронутой речки вода...

* * *

Всё это быт, гнетущий и любимый, —
Над синим газом сохнут ползунки...
Но в этот вечер, леденящий, зимний,
Меня мой быт спасает от тоски.

Как будто где-то в пропасти, в лесу ли —
Такая темень, мёртвые огни.
Жена и сын, они уже уснули,
Как хорошо, что рядом есть они!

Они мой страх ночной не понимают,
А по утрам играют у окна,
Кусочки хлеба в форточку бросают,
И с ними стайка серая дружна.

Они меня так весело разбудят!
И буду я смотреть на них светло,
И радоваться буду я, как путник,
Которому с ночлегом повезло.

* * *

Пять лет прошло. Как будто снег согнало
И вновь весна. И я хочу опять
Тебя не по-семейному устало,
А с первым страхом вдруг поцеловать.

Спит сын, а мы, столкнувшись в коридоре,
Так и стоим, обнялись в темноте,
Как в первый год, у свежести, у моря, —
На приливной волнующей черте.

* * *

Сонным полуденным зноем
Взрыхлена белая пыль —
Девушка ходит босою,
Слушает давнюю былль.

Как этой летней дорогой,
В жарких покосах и льнах,
Вдаль мы пошли от порога,
Ветер горел на губах!

Как ты, по-русски простая,
Плакала, счастья боясь...
Может, пролётная стая
Где-нибудь помнит про нас.

Слушай в орешнике птицу,
Плачь над разбитым мостом —
Только в слезах и продлится
Всё, что случится потом...

Шаровая молния

Однажды ко мне в дверь
Залетела маленькая шаровая молния —
Она искрилась, пульсировала, смеялась...
По идее, она должна была вылететь
В форточку, ведь был сквозняк.
Но она осталась.
И даже сделалась хозяйкой дома.

До сих пор она искрится,
Пульсирует, смеётся...
Но ещё она научилась плакать.
Что будет дальше? Не знаю.
Шаровая молния — это не шутка.
С ней нелегко.
Но и ей нелегко,
Не сумевшей мгновенно иссякнуть —
Превратиться в привычное нечто,
Что есть и чего как бы нет.

* * *

Давай, шаман, погромче в бубен бей
И лодки провожай до поворота —
Стучи в свой бубен, убеждай людей,
Что будет благодатная охота.

А если лодку в море разобьёт
Волна иль зверь —
опять иди на берег,
Стучи в свой бубен, убеждай народ
В высоком смысле гибельной потери.

* * *

То здесь, то там моя лопата
Копает, в камень бьёт кирка...
Я до сих пор искатель клада,
Хоть нет его наверняка.

Но иногда в воображенье
Мне видится издалека
Так зримо местоположенье
Того, что нет наверняка.

Уйдёт желанное виденье,
И видишь — на твоём столе
Ещё одно стихотворенье
О невозможном на земле.

* * *

Денису

Больше, чем покупные игрушки,
Любит мальчик дощечки да стружки,
Любит гвозди да старые ручки...
Самодельные всякие штучки
Мастерит и подолгу играет —
Что-то видит он в них, представляет.

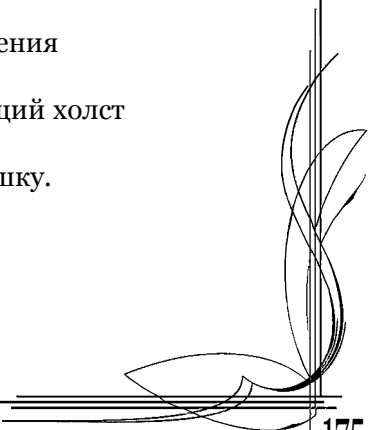
Как художник, дорогою торной
Не идёт, ищет новые формы.
Как блещут покупные игрушки!
Но какой-то в них нет завитушки.
А вот в этом куске пенопласта
Ему образы видятся часто.

То корабль, а то замок чудесный,
Никому на земле не известный,
То в мирах беспредельных планета —
И летит к той планете ракета.
...И взросленье придёт, и усталость,
Но хочу, чтобы э т о осталось.

Истинные ценности

Казалось бы, всё перепуталось
Самым искуснейшим образом,
И этот клубок никому не распутать:
Человек с мелкой душой
Занимает океанское место,
А человек среднего ума
Делает вид, что блистает, как гений.
А этот, воплощение всех пороков,
Втёрся в доверие и стал специалистом
По нравственным вопросам...
И вроде всё это удаётся,
И никто не возмущается путаницей —
Мир играет в странную игру.

Но все вместе и каждый в отдельности
Знают,
По крайней мере, догадываются,
Что это только игра,
А Истинные Ценности надёжны —
Что девы судьбы
Без малейшего затруднения
Ткут из этого клубка
Каждому соответствующий холст
И шьют каждому
Соответствующую рубашку.

* * *

Жизнь прекрасна, удивительна,
Упоительна подчас.
Но летит она стремительно
И легко минует нас.

Умоляюще, зависимо
Ловим блеск её волны.
...Поперёк ложимся жизни мы,
Как на речке валуны.

Трагедия

Когда я думаю о «Гамлете»,
Я вижу войско Фортинбраса —
Проходит пушечное мясо,
И горько Гамлету.

Он говорит о разуме, он хочет
Стать королём, чтобы спасти весь мир,
Но кто-то за кулисами хохочет —
И затевается кровавый пир.

Всё неразумно движется куда-то...
Страдает, глупо гибнет человек.
Проходят Фортинбрасовы солдаты
Из века в век,
из века в век...

* * *

Нехлюдов Книгу открывает снова.
Сегодня снова верится ему,
Что в этой Книге не простое слово,
Что эта Книга раздвигает тьму.

Что так и надо жить — по этой правде.
В душе восторг рождается опять.
Не так он жил — чего не зная ради.
Теперь он будет, будет, будет знать!

Но трудно, трудно всей душою верить,
Ещё труднее исполнять завет,
И прошлое — всегда стоит за дверью.
То прошлое, в котором веры нет.

* * *

В той комнате, где на заре столетья
Ахматова сидела у окна
И вдаль глядела на поля и церкви,
Потом сидели школьниками мы
И выводили: «Мама мыла раму».
Там, где стихи Ахматова писала...
В ту комнату в имении Слепнёво
Входил к ней муж влюбленный — Гумилёв.

Как это странно, даже бестолково,
Но в наше время школьное ни слова
Никто нам не сказал, что два поэта
Здесь жили. Не читали их стихов.
.....
Давно известно, что поэта можно
Травить и запретить или убить,
Но если это истинное слово,
Оно пробьется к людям все равно.
Вот я теперь Ахматову читаю,
Вот я теперь читаю Гумилёва.
Ахматова в Слепнёве написала:
«Была с тобой мне сладостна земля!»

Старинный дом многооконный
В сирени весь, внутри темно,
Мансарда с небольшим балконом —
Все просто, все затаено.
Дом этот выстроили баре.
В нем, говорят, живал поэт —
Играл помногу на гитаре,
Любил коня и пистолет.
И в нём жена его живала —
Гулять любила у пруда
И тоже все стихи читала...
Но это было-то когда!
Я этот дом, как школу, знаю —
Сюда пошёл я в первый класс,
Здесь в пионеры к Первомаю
Когда-то принимали нас.
Теперь читаю тех поэтов
И даже верится с трудом,
Что жили они в доме этом,
Куда и мы вошли потом.
Здесь, под тверскими небесами,
В поре блистательной своей
Поэты жили и писали,
И мне от этого светлей.
Дом этот как стихотворенье,
Уже знакомое давно,
В строках ни капли запустенья —
Все для любви затаено.

Уже темно, а жаворонок звонкий
Ещё поёт и славит бывший день.
Вот так и я от времени в сторонке
Припомнил славу этих деревень:
Борки, Горелки, Горни да Высока,
Присеки, Осень, Высочёк да Спас...
Их было много, очень, очень много,
Как разноцветий на лугах у нас.
Где этот мир, и дружный, и весёлый,
Порой хмельной, бедовый и крутой?
Где на холмах деревни эти, сёла?
Одни деревья машут головой.
Нет ничего, лишь кое-где, понишки,
Две-три избы под вёслами стоят,
И в них так тихо, что нельзя уж тише...
Но, как к цветам, к ним тянется мой взгляд.
Не знаю, что там нам откроют дали,
Пусть разноцветья на полях увяли,
Но не умрут под снегом семена:
Есть для всего хорошего — весна!

Волны Охотского моря
Плавно качают припай,
Будто бы всё говорят мне:
«Было, ушло, забывай...»

Сопковый берег колымский,
Мёрзлый, обветренный кряж...
Многие, многие люди
Прокляли этот пейзаж.

Я представляю их взгляды
В мутно-туманную даль.
Вижу в глазах за слезами
Гнев, перешедший в печаль.

Где-то здесь есть Провиденья
Бухта, но даже и тут
Будто затмение было —
И не на десять минут...

Волны Охотского моря
Плавно качают припай,
Будто бы всё говорят мне:
«Было, шло, забывай...»

Долго ещё в этом небе
Будет опять и опять
Что-то нам душу тревожить,
Что-то как пепел витать.

Магадан

Верхом на Пегасе юноша Беллерофонт
пытается штурмовать небо,
но боги сбрасывают его на землю.

Греческий миф

Поэзия принадлежит земле —
Полям и рощам, ветру и прибою,
Глазам девичьим, женской доброте,
Первопроходцам, мудрецам, влюблённым...
Поэзия принадлежит земле.

И сколько б мы ни поднимались в небо
И как бы дерзко или же смиренно
Богам ни заявляли о себе,
Нам не откроются глубины неба —
И снова скачет по земле Пегас.

Богам как будто очень интересно
Знать наше мнение о земной юдоли:
Мы знаем этот мир, а что до неба —
То что же можем мы сказать о нём? —
Как муравей о жизни человека...

Поэзия принадлежит земле —
Беллерофонт напрасно рвётся в небо.

...Но если он не будет рваться в небо,
Крылатый конь угрюмой клячей станет —
Брюзгливым будет, злым Беллерофонт.
И что же он расскажет о земле?..

Ожидание

Тёмный ларь. В нём разные одёжи.
Среди старых лоскутов, белья
Есть обновы — в них её положат,
Чтобы любо приняла земля.

Восемьдесят лет ей миновало,
Дочка с мужем ждут похоронить —
И она сама уже устала
По избе да у крыльца ходить.

Всё же что-то радость доставляет —
Лучик солнца или печка в хмарь,
Но всего ей радостней бывает
Открывать на гроб похожий ларь.

Память

Тёплый ветер прогибает поле —
По цветам бежит и по пшенице.
Годы... годы... я уже без боли
Вспоминаю канувшие лица.

В мире зримом стёрты их морщины,
В мире зримом стёрты их улыбки.
То, что было жизнью и кручиной,
Стало где-то новым полем зыбким.

И в незримом мареве и свете
Что-то и цветёт, и колосится.
Наша память — это тёплый ветер,
По цветам бежит и по пшенице...

* * *

«Судьба — суд Бога». Пересвет
с Темир-Мурзой на суд предстали.
Но Бог неясный дал ответ —
И оба в поединке пали.

Исход решила не судьба,
А брань и битва, бой и сеча.
Ревела не одна труба,
И от мечей немели плечи.

Таран ордынский шёл вперёд —
И гибли русские дружины.
Но у Боброка был расчёт,
Сжимался полк его пружиной.

Ударил в нужный час Боброк,
Во фланг и в тыл врагу ударил.
Боброк ударил, а не рок,
Не от судьбы бежал татарин.

* * *

Говорят, за звёздными огнями
День и ночь гремит военный гром:
Михаил-архистратиг с воями
Против князя тьмы с его числом...

Я о том доподлинно не знаю —
Знаю только: здесь вот, на земле,
Тьма на свет идёт, на знамя знамя, —
И сверкают молнии во мгле.

...Как они рассеяны печально,
Силы света. Но за ними — Свет!
Он их соберёт и не случайно
Им дарует торжество побед.

* * *

«Безбожество будет разбито», —
Напутствовал князя монах.
Безбожество будет разбито
И проклято будет в веках.

Сбылось предсказанье монаха.
Вернулся прославленный князь
И кланялся низко монаху,
С победой домой воротясь.

Обычай

Последний русский человек,
Когда входил — хотя бы к князю, —
Вначале кланялся святыне,
Лишь потом
Отвешивал хозяину поклон.
Прекрасный,
Очень русский был обычай.

Как измельчали мы. Как суетимся.
Князей земных боготворим лукаво.
Себя при них так унижать готовы,
Что если б жили мы в волшебном мире,
То превращались каждый раз то в птичку,
То в мышь пугливую, то в гибкую траву...
А зачастую — в тряпку у дверей.

Диво

Подошёл мужик к ердани*.
Что такое? Словно в бане,
Дева в проруби сидит,
У неё бесстыжий вид.

Это, видимо, «моржиха».
Но откуда это лихо
В нашей тихой стороне.
«Не знакома она мне».

— Ты б хотя чего надела.
Гольшом — ну разве дело? —
А ему в ответ:
— Полезай купаться, дед!

Ртом пускает пар девица,
Шумно плещет. Дед дивится:
— Вот настали времена,
Не понятно ни хрена.

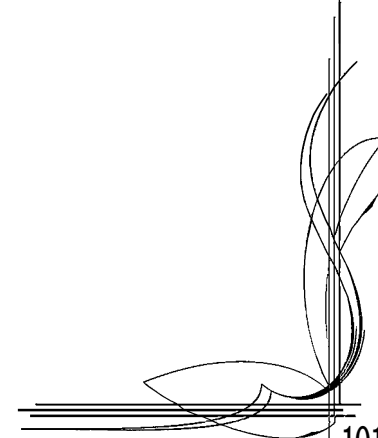
* Ердань (иордань) — прорубь.

* * *

Снег вышел в полшестого и пошёл.
Куда пойдёт, он сам ещё не знал.
Он взглядом зданья серые обвёл,
Поток машин... И как-то заскучал.

Сейчас бы в поле! С неба, как с холма,
Идти легко в долину и в деревню.
Там где-то настоящая зима —
Просторнее, и чище, и напевней.

Но далеко отсюда до полей.
Идёт он по обочине дороги.
И где идёт — там улица светлей.
Хотя в грязи, в бензине его ноги.

* * *

Опять твердишь Екклезиаста:
«Всё суета сует» — и баста.

Но мудро говорить горазд —
Ещё сказал Екклезиаст:

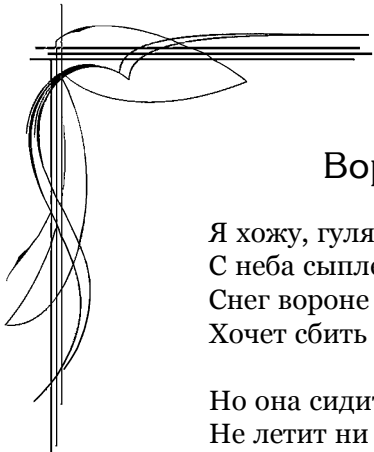
Что нету лучшего веселья,
Чем делать добрые дела —
В глухой пещере, или в келье,
Или средь торжища и зла.

* * *

Подстроенная радость — это глупо,
Когда ты просишь похвалить себя.
Пусть промолчат, пусть упомянут скупю,
Чем щедро хвалят, в сердце не любя.

Зато какая истинная радость,
Когда не плёл заботливо интриг,
А слово твоё на глаза попало —
И человек душой к нему приник.

Подстроенная радость — это вредно:
Поэт теряет первородный свет.
И сердце — сердце не стучит победно
От загодя подстроенных побед.

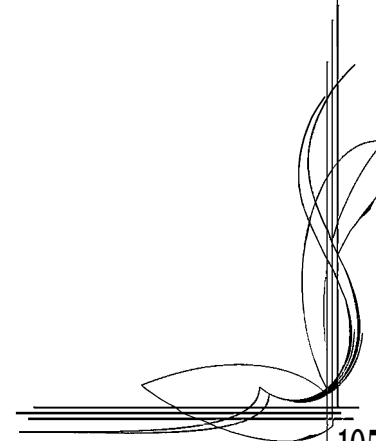
Ворона

Я хожу, гуляю по откосу,
С неба сыплет снежная крупа —
Снег вороне щёлкает по носу,
Хочет сбить ворону со столба.

Но она сидит, не улетает —
Не летит ни в лес, ни под навес.
Потому она и вызывает
У меня особый интерес.

Старик

Трудно дышать
Застоявшимся воздухом осени,
Пылью и прелью
Сухих тополей.
Нет, он не ждёт,
Чтоб метели года ему сбросили —
Ждёт, чтоб дышалось,
Хотя бы дышалось
Полней.

Строка

Я на дворец глядел вельможи,
На золотой его дворец —
Как пламень, в темноте окошек
Светился осени багрец.

В них отражались липы, клёны
И солнце за Москвой-рекой.
Хранили окна, как иконы,
В себе торжественный покой.

А в парке — гроты и пещеры,
Скульптуры, лестницы, мостки,
Блистала белая Венера
В закрытой нише у реки!

Какая церковь над рекою!
Какая чистая река!
И Пушкина живой строкою
Дворец отмечен на века!

Она всю красоту венчает.
Хоть что, казалось бы, в строке?..
Но было б без неё печальней
Скульптурам этим и реке.

* * *

Как пойду я по тем по лужочкам,
Как пойду я по тем по лугам —
Разнесу свою скуку по кочкам
И не дам залениться ногам.

Надо мной будут ласточки виться,
На меня будет ворон глядеть:
Это кто же такой из столицы
Начал песни весёлые петь?

Похожу, попою, пострадаю,
Погляжу на родимый простор.
В этот край, как река, я впадаю
Много лет с незапамятных пор.

Деды-прадеды русло пробили —
Зашумела тут жизнь, потекла.
Деды-прадеды нынче в могиле,
Пьют-едят у другого стола.

...Я брожу по полям, по дорогам,
Под деревьями долго стою.
Может, я виноват перед Богом,
Что оставил равнину свою.

Ты прости меня, Боже, за это
Но прошу я Тебя всё равно:
Не оставь этот край без привета,
Он и так прозябает давно.

* * *

Как пустынно без церкви кладбище,
Без деревни пустынно поля.
Я теперь прохожу, будто нищий,
Там, где жизнь начиналась моя.

Зарастают деревни бурьяном.
Кто-то выглянет в редком окне.
Басовитые песни баянов
Только в памяти слышатся мне.

И теперь лишь на чудо надейся.
Что же стало с тобой, человек?
Люди русские, словно индейцы,
Доживают в бурьянах свой век.

* * *

Луна, то белая, как снег,
То красная, как кровь...
Нас разметал жестокий век,
И не собратъся вновь.

И потому сегодня нас —
Не тьмы, и тьмы, и тьмы...
И видимо, ещё не раз
Свой крест оплачем мы.

* * *

Родина... Свет за окошком.
Родина... Вьюга впотьмах.
И на болоте морошка,
И на просторе — размах.

Родина... Лист придорожный
Родина... В беге времён.
Родина... Замысел Божий,
Что ото всех угаён.

Русский философ

Он думал: народ — богоносец,
Что миру он явит Христа...
Народ захватил броненосец,
Отрёкся народ от креста.

Он думал, что Царствие Божье
Наступит вот-вот на земле.
Но вдруг началось бездорожье —
В крови, и в слезах, и во зле.

«Народ не число, а идея.
Пусть в ком-нибудь только в одном
Она выживает, светлея, —
Откроется миру потом.

Пускай перепутаны сроки,
Но вера во многих жива,
Что кончатся эти уроки
И эти пустые слова...»

Не знаю, не знаю, но вижу,
Что в мире не много любви,
Страдает от ближнего ближний
И мы — по колени в крови.

* * *

На усадьбе присяду на камень
И, как древний старик, посижу...
Погляжу — как глядели веками,
Погляжу — ничего не решу.

В стоге сено — сухое до треска.
Волокнистый дымок над избой.
Даль туманная — как занавеска
Перед новой какой-то судьбой...

Лунь болотный свистит в поднебесье,
А на пашне чернеют грачи.
Ветер тянет протяжные песни —
Вот о песнях и ты хлопочи.

Что мы знаем о большем? Не знаем
Ничего мы о жизни другой.
Знаем — что вот за этим сараем,
Что за полем и что за рекой...

Логку

Под навесом серых зимних туч,
Проплывающих угрюмо и весомо,
Старые натруженные лодки
Глубоко уткнулись в берег сонный.
Будто ничего им и не надо,
Только снег на высохшей корме.
Но я слышу дальний, хриплый голос,
С ветром долетающий ко мне:
«Мы еще подышим этим морем,
Мы ещё подержим верно снасти.
Только лёд сойдёт, и мы, как прежде,
Поплывём за нашим древним счастьем».
...Вечереет. Снег поднял крыло,
Полетел по белому заливу.
Я смотрю — заснеженные лодки
Ждут свою волну нетерпеливо.

* * *

Горячий полдень, в полной силе
Сплошное щёлканье цикад.
Над морем золотисто-синим
Летит восторженный твой взгляд.

Мы на скале с тобой, мы птицы.
Так много солнечных путей!
Нам никогда не воплотиться
В уснувших на земле людей!

Мы поднялись, мы вольно дышим,
Благодарим судьбу свою,
Где ветер зазывает выше —
На высоте и на краю!

Стрекоза

Бирюзовыми глазами
Поглядела стрекоза.
Поглядела,
Полетела —
И летала с полчаса.

А потом напротив села
На листок передо мной,
Затрещала,
Зазвенела
Перетянутой струной.

И трещала не напрасно.
Я взглянул в её глаза
И сказал:
«А ты прекрасна,
Ты прекрасна, стрекоза!»

* * *

Столбы телеграфные будто распяты стоят,
Позёмка метёт, и гудят провода торопливо.
Ты хочешь парить, но ты тоже, ты тоже распят
Со всем этим краем, глядящим — куда? — сиротливо.

Позёмка метёт, и подмёрзшая пашня пылит,
И пыль, как зола, полосами по снегу ложится...
У каждой избы здесь душа несказанно болит,
И смерть равнодушно над каждой избою кружится.

В буграх и мозолях крестьянские руки, они
Мне машут из темени в страшной какой-то печали.
Не надо амбиций, не надо, не надо возни —
С креста надо снять и оплакать, оплакать вначале.

Река текла...

Река текла, склоняя по течению
Кувшинок стебли. Я поплыл по ней
С каким-то безоглядным увлечением!
Внизу был холод ила и корней.

На берегу траву щипали козы,
И собиралась вдалеке гроза,
Летели рядом бабочки, стрекозы,
Заглядывали ласточки в глаза...

Была такая лёгкость и беспечность,
И к сердцу не примешивался страх.
Река текла. И жизнь текла. И вечность
Текла куда-то в Божьих берегах.

Впервые

Я и сейчас не больше о судьбе,
Чем в день тот давний и печальный, знаю...
Я не шумел игрушками в избе —
В избе лежала бабушка больная.

Она в тот день была уже без сил,
И в полдень что-то доброе сказала —
И умерла. Никто не уходил,
Но понял я, что вдруг её не стало.

А через день: телеги скрип и гроб,
И люди все притихшие стояли,
И у неё был плотно стиснут рот,
Как будто слёзы к горлу подступали...

* * *

О разрухе... Опять о разрухе.
А о чём же ещё говорить,
Тут живут-доживают старухи,
А потом будет некому жить.

Тут живут-доживают старухи,
Дотлевают, как угли в золе.
О разрухе... Опять о разрухе,
О поруганной нашей земле.

* * *

Нет, они ни в чём не виноваты,
Кто уехал из родимых мест, —
Ехали не в царские палаты,
Был у них безрадостным отъезд.

Раскидало нас по белу свету
От земель курляндских до Курил.
Но нигде такой отрады нету,
Как среди отеческих могил.

Потому и тянемся, как птицы,
В свой холмистый малолюдный край,
Потому светлеют наши лица —
Будто не разруха здесь, а рай.

* * *

Ты говоришь о вечном и простом:
Спасти Россию можно лишь терпением —
Ты говоришь: молитвой и постом!
Но я добавлю: волей и служеньем!

Не просто жить — как по теченью плыть.
Не просто жить — как лебеда и тополь...
Служить России, «рваться ей служить»,
Как в «Выбранных местах...» заметил Гоголь.

* * *

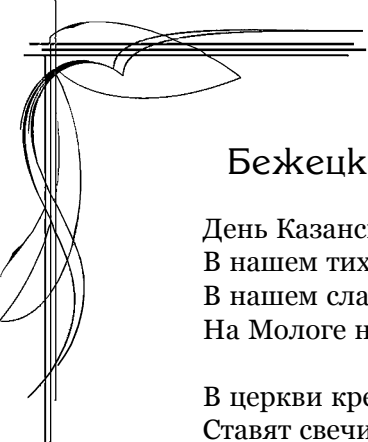
Соблазнили народ, соблазнили,
Заглушили сознание греха —
А потом же его и казнили...
И донине в крови лемеха.
И в крови борозда и дорога,
И брусчатка, и стены в крови...

И теперь соблазнительей много,
Уводящих от горней любви.
Процветающих целою кликой,
Уводящих от праведных дней,
От России, донине великой,
От забот сокровенных о ней.

* * *

Небо русское в инее звёздном,
На равнине уснули стога...
Нам хватиться России не поздно
И вернуться в свои берега.

Этот век нас вполне заморочил,
Но ведь должен развеяться мрак —
И поэт Кузнецов напрозорчил,
Что «родное сожмётся в кулак».

Бежецк. Из детства

День Казанской Божьей Матери
В нашем тихом городке,
В нашем славном городке
На Мологе на реке.

В церкви крестятся да молятся,
Ставят свечи, строго думают.
Видя, как перекрестился я,
Мне сказали: «Молодец!»

Похвалила меня бабушка
Круглолицая и светлая...
День Казанской Божьей Матери
Долго помнился потом.

На Николу

Ещё горит иконная лампада
В избе приземистой, источенной, как пень.
Великий праздник! И хозяйка рада,
Что Бог послал ей гостя в этот день.

Дымится чай. С полатей смотрит кошка.
Хозяйка жизнь рассказывает мне —
Она стара, как тополь за окошком,
Что посадили с веком наравне.

Мы говорим о прадедах и дедах,
О старых бедах и о новых бедах...
Гори, лампада ясная, мерцай,
Спаситель с нами, с нами Николай.

На Пасху

Храм обошли — и вот минута близко:
Мы засвидетельствуем чудо из чудес.
«Христос воскрес!» — произнесёт епископ,
Народ как выдохнет: «Воистину воскрес!»

Идут с хоругвями, звон колокольный льётся,
Уже открыли Царские врата...
— Христос воскрес! — громко раздаётся,
Мы празднуем бессмертие Христа!

С высоким духом примирился разум.
Разрушен ад, и дьявол посрамлён.
Христос воскрес — и путь душе указан!
Вот наш оплот среди земных времён.

* * *

Денису

Все наши дни куда-то канут
И отзовутся в той дали,
Где строго ангелы восстанут
На четырёх углах земли.

Об этом, сын мой, помнить надо,
Хотя и вдалбливали нам,
Что нет ни рая,
Нет ни ада
И обезьяной был Адам.

* * *

Опять всё смутною затянуто.
Темно над отческими кровлями.
Судьба народа — быть обманутым.
Судьба властителя — быть проклятым.

Куда ведут нас в этой темени?
Чем новый кончится прогресс?
Как будто мы без роду-племени,
Как будто нет у нас очес...

Опять трагедией и драмою
Вся эта кончится любовь?
Опять поставят перед ямою,
Куда польётся наша кровь?..

* * *

Стекло иконы лобызает
Старушка, лёгкая, как пух.
Она Писанье смутно знает,
Но в ней — неистребимый дух.
Она всем сердцем верит в Бога,
Нет у неё других надежд.
Господь с неё не взыщет строго —
Как с начитавшихся невежд.
Господь с неё вообще не взыщет,
А взыщет с тех, кто всё читал,
Преполнен был духовной пищей,
Но Бога часто забывал.

* * *

В моей родимой стороне
Не приживаются узбеки:
Арык им видится во сне,
Не наши северные реки.

В моей родимой стороне
Не приживаются таджики:
Им горы видятся во сне,
Памирские под небом пики.

В моей родимой стороне
Не приживаются грузины:
Им тоже видятся во сне
Не наши чахлые низины.

В моей родимой стороне
Не приживаются литовцы:
Им Запад видится во сне,
А не трухлявые колодцы.

В моей родимой стороне
Все понемногу побывали...
Кому же видятся во сне
Вот эти брошенные дали?

Я вижу ясно земляка,
Который где-нибудь под Кушкой...
Ему-то снится и река,
И лес берёзовый с кукушкой.

Я вижу ясно земляка —
Как он глядит издалека.
Он всё глядит издалека.
А здесь — разруха и тоска.

* * *

Эх, тверские, брянские, рязанские,
Земляки родимые мои!
Наши избы — башенки пизанские
Посреди порушенной земли.

Полосу мы пережили скверную,
От безлюдья начали дичать.
Нам сейчас бы передышку верную
Эдак лет на восемьдесят пять.

Чтобы жёны нарожали детушек,
Полюднее стало на селе,
Чтоб, как раньше, много было девушек
И парней — пускай навеселе.

Чтобы церкви красотой украсились,
И по всей родимой стороне
Избы ставились, да квасы квасились,
И скакалось в поле на коне.

Чтобы шли мы светлыми аллеями
В добрую хозяйственную жизнь:
Чтоб машины всякие с дисплеями,
Чистенькие фермы завелись...

Эх, тверские, брянские, рязанские,
Земляки родимые мои!
Наши избы — башенки пизанские
Посреди порушенной земли.

* * *

Одни говорят, что антихрист идёт,
Другие: идёт возрожденье.
Но пашет, и сеет, и строит народ
Уже на пределе терпенья.

Такая сумятица, нервная мгла,
И так перекошены лица...
А кони кусают, жуют удила,
Закат уже кровью сочится.

Россия, Россия, очнись наконец.
Пропашую, горькую смуту
Отринь от униженных наших сердец
В последнюю, может, минуту.

* * *

Бог на земле — не только в небесах:
В густой траве и в луговой гвоздике,
В струях воды и в лиственных лесах,
В тропинке нежной и в девичьем лике...

У многих в душах Божья благодать.
Здесь, на земле, Он ходит между нами:
Идти за Ним или Его предать —
Должны решать мы ежедневно сами.

* * *

С утра благодарю я утро,
А днём благодарю я день,
А вечером благодарю я вечер,
А перед сном — ночную тень.

И надо всем благодареньем
И дню, и ночи, и всему
Живёт во мне благодаренье
Всё сотворившему Ему.

* * *

Бежал за светлой колесницей
Один наёмный клеветник.

М.Ю. Лермонтов

О, если бы один, а то большая свора —
Клевещут, и плюют, и в дерзости горды,
И с каждым днём всё больше ора,
И ядовитей их труды.

Россия, снова на тебя клевещут.
В борьбе всемирной ты им в горле кость.
Они в душе перед тобой трепещут,
И потому — такая злость.

Всё для того, чтоб ты не возродилась,
Не отвела химеры от лица,
Чтоб с отведённой участью смирилась —
Чтоб апокалипсис твой длился без конца.

* * *

Предтеча спасенья — русское Знамя...

Ф.И. Тютчев

Россия — не та, никого не спасёт и себя не спасёт.
Россия — не та, никому не оплот и себе не оплот.
Как трудно подняться, как трудно себя обрести,
Когда здесь и там к возрожденью закрыты пути.
Как будто открыты, а глянешь — заграда, завал,
А русский народ — обескровлен, унижен, устал.

И власть — о России совсем не печётся она,
Интригами чуждыми, тайнами окружена.
От власти и мог бы пойти ободряющий свет,
Но там о России и слова сердечного нет.
Надежда на Бога, на время, на цепь перемен —
Какой-то погигельно-липкий закончится плен.
Россия сама по себе будет в мире стоять,
И русское Знамя — предтечей спасенья опять...

* * *

Россия много насолила
И тем и этим на веку:
Француза била, турка била,
Вгоняла пруссака в тоску...

Победы те в архивной пыли
Должны уж были бы лежать,
Но их в Европе не забыли,
Хоть и не любят вспоминать.
Вот только стань Россия слабой,
Откуда что тогда возмись —
Повалят жадною оравой,
Припомнят всё тебе, держись.

* * *

Была Россия — нет России.
Потом Советский был Союз.
Но после доблестных усилий
И он — шестёрка, а не туз.
И он уже ни то, ни это,
А только некий ф е н о м е н.
И с удивленьем ждёт планета
Дальнейших диких перемен.

* * *

Понять, что происходит,
Невозможно.
Возможно — ничего не понимать
И жить безропотно,
Бессмысленно и тошно,
Но жить
И жизнью смуту изживать.

Так и живём.
Безмолвствуем и терпим.
Оскорблены так,
Что прощать нельзя...
Но мы прощаем —
И в венце из терний
Идём, по крови
Собственной скользя.

Молебен

Над площадью с молебными звуками,
Над небольшой толпой, как будто встарь,
На чёрном стяге золотыми буквами
Сияет ярко: БОГ, РОССИЯ, ЦАРЬ.

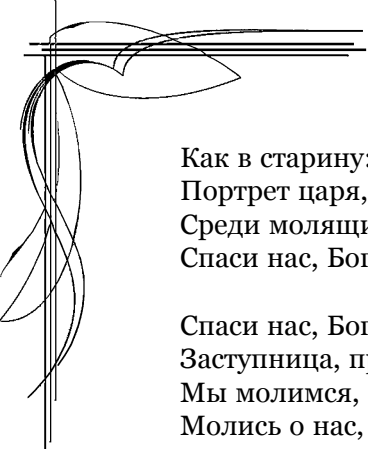
Сегодня день рожденья Николая:
Май, девятнадцатое по календарю.
Нет на царя хулы теперь и лая,
Но мало тех, кто тянется к царю.

Людей немного, просто даже мало
Перед крестом на камне закладном.
Во всём Россия выдохлась, устала,
Измучилась, изверилась во всём.

Ото всего ей хочется укрыться,
Собраться с духом, с силами, понять:
Куда стремиться и зачем стремиться,
Чтоб не попасть в трагедию опять.

Дадут ли ей укрыться? И возможно ль
Такой стране, открытой всем ветрам,
Сбежать в какое-нибудь запорожье
И за порогами укрыться там?

На что надежда? Как всегда, на чудо
Да вот на этих молодых людей,
Явившихся неведомо откуда
С молитвами и с выправкой своей.

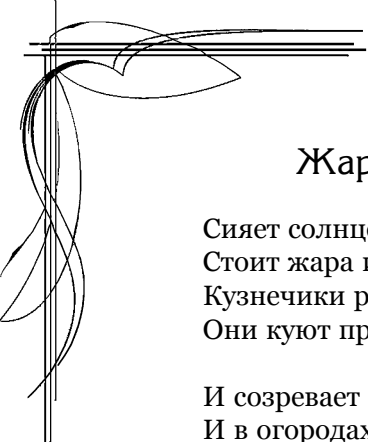

Как в старину: и стяги, и хоругви,
Портрет царя, погоны казаков...
Среди молящихся стою в казачьем круге,
Спаси нас, Бог, от адовых кругов.

Спаси нас, Бог, мы молим, Пресвятая
Заступница, пропасть стране не дай!
Мы молимся, прося и заклиная.
Молись о нас, убитый Николай.

* * *

Унынье — грех... Не лучше ли очнуться?
И сколько мы в унынье ни тони,
Но жизнь идёт,
И люди п о з н а ю т с я...
И смотрит Бог острее в эти дни.

Жаркие дни

Сияет солнце — прогревает стены.
Стоит жара и днём и ввечеру.
Кузнечики работают в три смены —
Они куют прекрасную жару.

И созревает золото пшеницы,
И в огородах зреют кабачки,
И детвора купается, и птицы,
И вдохновеньем веет от реки.

Шевелят сено милые старушки
В платочках белых. Зной и тишина.
Парное молоко в огромной кружке
Подносит мужу юная жена.

* * *

О чем писать, когда достигнешь рая?
Сияет солнце много дней подряд —
Лучи в реке искрятся и горят,
А я брожу, от счастья замирая,
То у воды, то в роще, то в цветах...
О чём писать? О том, что жизнь прекрасна?
О том, как чудны песни райских птах?
О чём писать, когда тебе всё ясно...
Да ни о чём. Напишем ни о чём —
Что рай кругом, и клевер, и ромашки,
Что ласточка порхнула над плечом
И по воде скользнула без промашки.

* * *

Васильки ещё есть, ещё есть колокольчики,
И улыбчивы лица, светлы и добры.
Среди нив и полян пробегают вагончики —
Будто мир не летит нынче в тартарары.

Вот проехали Кашин, до милого Бежеца
Остаётся немного. А там уж, а там,
Хоть недолго, в лучах буду радостных нежиться,
Признаваться в любви буду многим цветам.

Признаваться в любви буду стареньким бабушкам,
Облакам и дорогам, пшенице и ржи...
На знакомые церкви глядеть буду набожно
И молиться на них по веленью души.

* * *

Дикие голуби сыто рокочат во ржи,
Зоб набивая отменным зерном.
Будто бы мне говорят: не тужи,
Рожь ещё сеют, и, значит, не пусто кругом.

Жизнь ещё теплится, вижу, но всё же не так —
Это у нас на Руси называют бедой,
Если такая разруха, а сверху бардак,
Коль вымирают село за селом чередой.

Сыплются беды одна за другой чередой,
И неизвестно, что завтра страну мою ждёт.
Это у нас на Руси называют бедой,
Если так много согласных, что Русь отомрёт.

* * *

Днём по полям я брожу, где тропинки как нити...
Ночью порой — как теперь — выхожу подышать.
Небо ночное — как будто в разобранном виде
Что-то такое, что надо однажды собрать.

Собраны будут все звуки разрозненной жизни,
Собраны будут все краски и все лепестки...
Ну а пока мы в земной этой краткой отчизне,
Где очень много житейской гнетущей тоски.

Этого много, но, право, немало и чуда.
Утром проснёшься — а птицы поют и звенят!
И вдохновенье приходит незнамо откуда —
Дудка играет для сонных овец и ягнят...

Первый Спас

Сегодня Первый Спас. Святили воду
И мёд святили, крестным ходом шли...
И проплывала песнь по небосводу
Во славу этой горестной земли.

Она горька от слёз, горька от пота,
Но есть и тут благословенье нам.
Есть красота и поля, и болота,
Мы тут близки и к птицам, и к цветам!

Кругом природа ходит хороводом,
Бог всё-таки не забывает нас.
Мёд освятили — выпьем чаю с мёдом.
А впереди — Второй и Третий Спас.

* * *

Сегодня стрекозы устроили тушинский праздник:
Летают попарно, по три, по четыре, по пять...
Вообще тут какой-то в полях стрекозиный заказник:
Их столько, что долго, наверно, придётся считать.

И бабочек много, и много цветов, и простора;
Мелькают стрижи — успевай только взглядом лови!
Встают облака из-за дальнего синего бора...
Здесь родины много и много на сердце любви!

* * *

Окропи меня, батюшка, грешника,
Намолённой водою святой —
Разных бесов большого приспешника.
Окропи меня, батюшка, грешника,
И спасительных тайн удостой.

Я в грехах бесконечных покаялся
И мечтаю быть чистым, как свет.
Я в грехах бесконечных измаялся,
Дни и ночи похожи на бред.

Знаю, знаю, что грязь поналипшая
Долго будет меня тяжелить,
Но душа моя — нет, не погибшая,
И хочу я её сохранить.

Окропи меня, батюшка, грешника
Намолённой водою святой.
Не хочу я быть больше приспешником
Этой похоти мира пустой.

* * *

Ткацкие фабрики осени трудятся —
Часто над полем летит волокно.
Ткутся предания: лучшее сбудется,
Нам не напрасно терпенье дано.

Как не терпеть, если пашня подсохшая
Терпит и терпят осока и лес,
Даже угрюмая лошадь оглохшая
Щиплет траву в ожиданье чудес.

Как разряжена, как нарумянена
Красная осень стоит на холме!..
Как не терпеть мне — душою крестьянина,
Как не держать мне надежду в уме.

* * *

Октябрь с золотым чемоданом
Стоит на перроне и ждёт,
Когда подойдёт его поезд.
Он скоро уже подойдёт.

Останутся дождик и слякоть
О всех остающихся плакать.

Рождество

Снег сверкает в саду и на крыше,
И сверкают поля и леса.
Мчится лыжник, и вжикают лыжи,
Словно в утренних травах коса.

Вдруг весной повеяло, что ли?
После сумрачных дней декабря
Так отраден в заснеженном поле
Торжествующий свет января!

Светит солнце как будто на Пасху.
Но и в эти январские дни
Не случайно и блеска, и ласки
Столько много в лучах — ведь они

Отмечают Младенца рожденье,
Светоносней которого нет!
От которого миру спасенье
Вот уже на две тысячи лет.

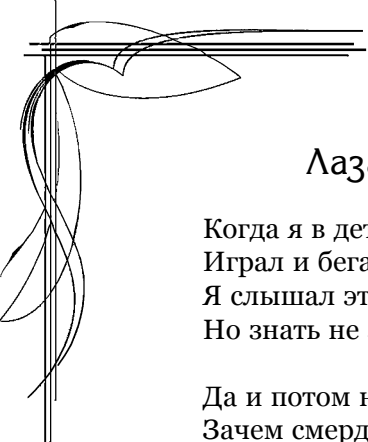
Вечер в январе

(Свято-Данилов монастырь)

Святая Троица — в хитонах, босиком...
А снег идёт — пушистый, освещённый
Подсветками мозаики на храме.
Святая Троица, Россия, монастырь.

Душа моя, тебе здесь хорошо.
Летят, кружат снежинки лепестками
Цветов далёких, неземных цветов —
И всё вокруг сегодня неземное.

И кажется, что могут со стены
Сойти три ангела в такой чудесный вечер
И могут по сугробам босиком
Легко пойти — сугробов не сминая!..

Лазарева суббота

Когда я в детстве по деревьям лазил,
Играл и бегал по полям родным,
Я слышал это имя — Лазарь,
Но знать не знал, что связывалось с ним.

Да и потом не отдавал отчёта —
Зачем смердящий Лазарь воскрешён,
Зачем Господь — для Божьего почёта? —
Сказал у гроба: «Лазарь! Иди вон».

Я жил и жил — всё углубляясь в чашу.
Блуждая в ней, я и теперь живу.
Зато теперь, когда я сам смердящий,
Я вижу Лазаря как будто наяву...

* * *

Вот и осталась неделя,
Только неделя — а там
В синюю полночь апреля
Пасха пожалует к нам.

Да, на исходе недели,
Что там ни говори,
Самые тёмные ели
Будут сиять изнутри!

19.04.1997

Началась неделя Страстная.
Неделя страданий Христа.
Апрель. Дорога лесная.
Ещё нет ни одного листа.

Вот Христос пронесёт свой крест тяжёлый
На место казни, на кресте умрёт,
А потом воскреснет — и лес весёлой
Жизнью наполнится, оживёт.

И всё в России наполнится светом,
Верой в доброе торжество.
Повеет победой, повеет летом,
И Господь не забудет никого.

Только надо пройти эту неделю Страстную,
Пройти, прося прощенья у Бога.
На Пасху мы все сидим у Господа одесную,
Это потом будет грозно и строго.

20.04.1997

Я не могу как следует поститься
И каждую неделю в храм ходить —
И это мне, конечно, не простится,
Но всё-таки прошу меня простить.

Я знаю, что не отмолить стихами
Грехов, но всё тревожусь о стихах.
А надо просыпаться с петухами,
Читать каноны, думать о грехах...

И так, наверно, будет до могилы,
Хоть это мучает сознание моё.
Прости меня, Господь, и дай мне силы
Творить во имя светлое Твоё.

20.04.1997

* * *

Завтра Пасха, завтра Воскресение,
Завтра радость мира без границ.
А сегодня, значит, освящение
Куличей да крашенных яиц.

Завтра православное веселье,
Я его со всеми разделю.
А теперь в московском подземелье
Еду в храм, который я люблю.

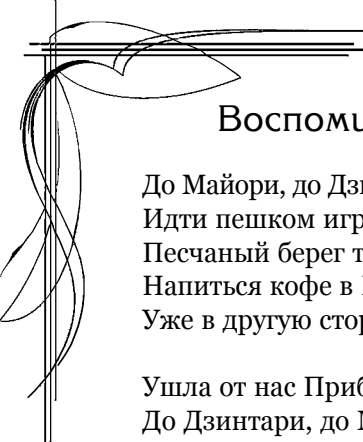
Собрала пасхальную поклажу
Мне жена — и осторожно с ней
Еду я. И под землёю даже
Радостно душе моей.

26.04.1997

* * *

Там поля весенние,
Там пруд, налитый всклень,
Там острова да остовы
Родимых деревень...
Там жаворонок вьющийся
Да заячьи кусты...
Там всё благословляют
Небесные Персты!

27.04.1997,
Пасха

Воспоминание о Прибалтике

До Майори, до Дзинтари, до Булдури... Под тучами
Идти пешком играючи, потом идти задумчиво.
Песчаный берег тянется дорожным полотном —
Напиться кофе в Булдури, и вновь идти потом
Уже в другую сторону. Идти, идти, идти...

Ушла от нас Прибалтика, а я ещё в пути
До Дзинтари, до Майори... песчаной полосой
По краю нашей Родины иду себе босой.

Конец апреля

Растворяется лёд в бочажине
Под весенним горячим огнём.
И берёзы стоят в крепдешине,
Изумрудно-прозрачном таком...

Начинаются чудных полгода —
Без морозов и грузных снегов,
И легка, и воздушна природа!
И — лебяжий полёт облаков!

* * *

Золотые кусты над речкою,
Золотое у речки дно...
Всё прекрасное. Всё не вечное,
Но прекрасное всё равно.

И багряный огонь акации,
И янтарный огонь травы...
И деревня — опора нации,
Исчезающая, увы.

* * *

Из белого облака — вижу — рождается белая бабочка,
Она полетела над клевером и над рекой.
Летай, и кружись, и садись, если хочешь, на лавочку,
Где я отдыхаю, земной созерцая покой.

Гляжу я на воду, на птиц, над водою мелькающих,
Во всём нахожу я отрадную светлую весть.
Не хочется думать о бедах страну постигающих,
Не хочется думать, что может быть хуже, чем есть...

* * *

«Поэзия должна быть глуповата», —
Сказал поэт великий и мудрец.
Поэзия должна быть глуповата —
Я тоже это понял наконец.

Она должна быть просто глуповата —
Как волны, травы, ветки, облака...
Про них не скажешь, что ума палата,
Зато без них — пустыня и тоска.

* * *

Стою перед огромным стогом,
И навевает строки он...
Зачем Канары, если Богом
Я послан в Бежецкий район.

И неуместен скучный ропот,
Где всё моё, где всё мне впрок.
Здесь я пророк, на этих тропах,
А в тропиках я не пророк.

* * *

Есть у меня аллея вдохновенья.
По ней брожу я часто. По утрам
Люблю на ней прохлады дуновенья
И предзакатное тепло по вечерам.

Аллея эта в поле над рекою.
Растут на ней деревья всех пород.
Она уходит длинною строкою,
И рифма на конце её — «вперёд».

Вперёд, вперёд — в поля, к реке и к рощам...
И только я ступаю на тропу,
Как сразу кто-то обо мне хлопочет
И посылает за строкой строку...

* * *

После смерти нет покаяния...
Это ясно как дважды два.
После смерти нет покаяния
И кончаются наши права.

Надо здесь нам во всём покаяться,
Чтобы там безнадежно не маяться.
За земные грехи, за привязанности
Предстоят нам большие обязанности.

В Бежецке

Порой я прихожу сюда с цветами,
Стою у низкой кованой ограды.
Нет на земле могилы Гумилёва,
За свой талант он был убит и скрыт.

Нет на земле могилы Гумилёва,
Но есть могила матери его —
Здесь можно постоять и поклониться
И матери, и сыну, и земле...

А впрочем, что могила? У поэта
Могилы нет, поскольку нет и смерти —
Есть жизнь в стихах. И век, и два, и столько,
Пока читает кто-нибудь стихи.

...Нет на земле могилы Гумилёва.
Себе он это явно напорочил:
Его стихотворенье «Завещание»
Прочтите — он могилы не хотел.

Он землю мёртвой называл, мечтая
Уйти из жизни не в неё, а в небо —
Хотел, чтоб «труп закутанный» подняли
На яркий «кипарисовый костёр»...

* * *

Эта речка простая, как рифма «река — облака».
Отражаются в речке коров чернобоких бока,
Отражается глиняный розово-красный обрыв,
Отражается некий, до времени скрытый, мотив.

Отражается в речке, наверное, Божья строка,
Что вмещает в себя и реку, и над ней облака,
Что вмещает в себя и деревни, и поле, и лес,
И великую тайну земных и небесных чудес.

Вот за этой строкой и пришёл я на берег реки,
Мне безрадостно в мире без этой зовущей строки.
Я хожу и надеюсь, плыву, и надеюсь, и жду —
Я без этой строки в буреломе тоски пропаду.

* * *

Облака словно пыль проскакавшего по небу всадника.
Уж пора проскакать и пора застучать в ворота —
Что на грешной земле перебор бесовского рассадника,
Что нельзя ничего изменить здесь уже без Христа.

Обещал ведь прийти — и Его обещание сбудется.
Только время томительно, словно больное, идёт.
Как над храмом порушенным, стая крикливая кружится
Над моими грехами... Господь покаяния ждёт.

* * *

Встаёт мой дед и говорит: «А где Россия?»
Встаёт мой прадед и опять: «А где Россия?»
И третий, и четвёртый: «Где Россия?»
«Россия где?» — мне предки говорят.

А я в ответ: «России больше нету».
А я в ответ: «Она осталась с вами».
А я в ответ «Её уже не будет.
России нету места на земле».

И дед, и прадед, третий, и четвёртый
Глядят в глаза мне. «Быть того не может!
Не может быть! Хоть что-нибудь осталось.
Ищите, мы поможем», — говорят.

Настанет год...

«Настанет год, России чёрный год...»
И это будет чёрный год последний —
Уже не царь, а сам народ падёт.
— Не верь, не повторяй ты этих бредней.

Настанет год, и там, где русский дух,
И русский мир и цвёл, и плодоносил,
Там будет скопище каких-то жадных мух,
Всё пожирающих — и стебли, и колосья...

Когда-то жили здесь богатыри
И жил народ, великий, добрый, смелый!
Настанет год... — Не верь, не говори.
Молись, чтоб не настал, и что-то делай.

Памяти Г.В. Свиридова

Смерть — это корень прекрасного слова
Б е с с м е р т и е.
Слушаю музыку, слушаю музыку я
И понимаю, что перед гробом
Больше сказать, чем она, невозможно.
В ней уже всё говорится — о жизни, о счастье,
О смерти...
И о бессмертии ангелы ясно поют.

* * *

На что вы дни!
Е. Баратынский

На что вы, дни? На то, чтоб оторваться
И отойти от всех своих грехов.
На то, чтоб измениться, попытаться, —
Хоть, кажется, не хватит и веков...

На то, чтоб измениться попытаться
И лучше стать, хотя б на склоне лет.
На что вы, дни? На то, чтобы собраться
В далёкий путь — и там держать ответ.

По Царской тропе

По Царской тропе мы идём.
Я царь, ты царица.
Под нами, сверкая огнём,
Чёрное море искрится!
Воздушно и солнечно тут,
Внизу реют птицы.
Навстречу нам тоже идут
Цари да царицы.
.....
Немало печалей в судьбе
И горя в отчизне.
И всё же, по Царской тропе
Проходим —
По жизни!

* * *

Огонь лампадки — тихий, милосердный,
Спасительной надежды огонёк.
В молитвах и постах я не усердный,
Усердный лишь в записыванье строк.

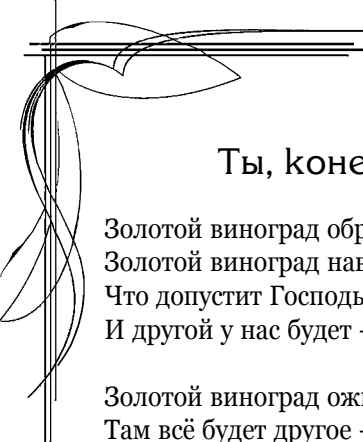
Как говорится, нас не приучали
К религии, и не втянулись мы...
Не Слово было всё-таки в начале,
Как повторяют гордые умы.

В начале был, конечно, Бог и будет
Всегда в начале, ну а мы, а мы
Всегда пребудем, грешные мы люди,
На огонёк глядящие из тьмы.

* * *

Помолчи, не говори, довольно,
Душу мне не надо беречь.
О России даже думать больно,
А не то что говорить.

За окном ликует день весенний,
Лучше о весне поговорим.
Неоткуда ждать пока спасенья.
Что без боя завтра отдадим?

Ты, конечно, права...

Золотой виноград обрамляет икону Спасителя.
Золотой виноград навевает мне мысли о том,
Что допустит Господь, и мы будем с тобой небожители,
И другой у нас будет — вполне удивительный — дом.

Золотой виноград оживёт на небесных плантациях.
Там всё будет другое — и мы позабудем с тобой
Разговоры о бедности, злую тоску оккупации
И желанье всё время в какой-нибудь броситься бой.

Там всё будет другое — не наше земное убожество.
...Ты глядишь на меня, словно совесть моя и вина.
Ты, конечно, права, что без боя сдаются ничтожества,
Что сдаваться нельзя, что Россия — не просто страна.

* * *

Молчит сомнительно Восток.
Ф.И. Тютчев

Молчит сомнительно Восток.
В тоске по райским эмиратам?
Он мог нам быть великим братом,
Но будет к нам, как враг, жесток.
Молчит сомнительно Восток.

Ослабла крепкая рука.
Рука державная повисла.
По длани, ставшей ненавистой,
Он ждёт — рубить наверняка.
Ослабла крепкая рука.

* * *

Земля рожать не устала,
И жить не устал человек,
Хотя чего-то не стало,
И что-то засыпал снег.

Но снова осень прекрасна,
И мягок, и ласков свет.
И кровь пролилась не напрасно,
Хотя и не видно побед.

* * *

Есть реки, которые вдруг пропадают из виду,
Уходят под землю и долго текут под землёй.
Россия — такая река, и теперь её ищут,
А где она выйдет, об этом не знает никто.

Плывут пароходы, и яхты плывут с катерами,
Рыбацкие лодки плывут по реке да баржи —
И всё пропадает под землю, плывёт под горами...
Плывут города и деревни, солнце во ржи...

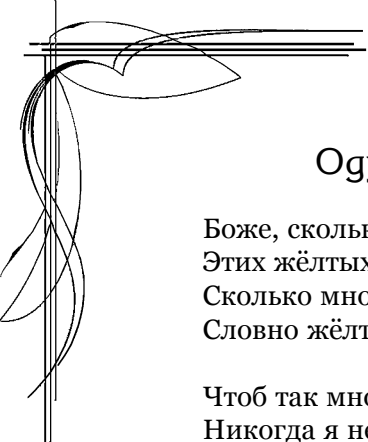

* * *

Сегодня Божьей Матери Успенье.
Она уснула, и был сладок сон...
Она уже бессмертною проснулась,
Царицей неба — и со всех сторон
Ей пели ангелы, ей пели серафимы!..
И Сын глядел, всё зная наперёд, —
Как будет хлопотать Она усердно
За человеческий неисправимый род.

* * *

Мы пишем стихи на последнем дыхании века.
Их, может быть, даже теперь и не стоит писать.
Пускай этот век до конца утомит человека,
А в новом столетье пускай всё начнётся опять...
Последние годы двадцатого века растают,
В нём нет уже места сиянию новой судьбы.
А там — новый Пушкин, пускай новый Блок начинают,
И новый Есенин придёт из духмяной избы.

Одуванчику

Боже, сколько цветёт одуванчиков,
Этих жёлтых цветов — миллион!
Сколько много цветёт одуванчиков —
Словно жёлтый мне видится сон.

Чтоб так много цвело одуванчиков —
Никогда я не видел, нигде.
Что ж так много цветёт одуванчиков?
Это к радости или к беде?

Говорят: ни к тому ни к другому —
Просто выпало много дождей...
Всё же это к чему-то такому,
Отчего на земле веселей.

Боже, сколько цветёт одуванчиков!
Боже, это Твои чудеса —
И к тебе полетят одуванчики
Белым пухом потом в небеса.

Сама узнает...

Ноги в тёплой пыли утопают,
Волны жара от спелой ржи...
Годы жизни моей убывают,
Прибывают они для души.

Утка в озере встала на цыпочки —
Плещет крыльями воду на грудь...
Отыграет весёлая скрипочка,
Никуда никому не свернуть.

Отпоёт, отыграет, отрадует,
Отпечалит — а что же потом?
Сердце в бездну незримую падает...
Ничего мы не знаем о том.

Ну и ладно. Что попусту спрашивать.
Мир прекрасен, и жизнь хороша
И дана, чтобы душу в ы н а ш и в а т ь...
Всё сама и узнает душа.

* * *

В сердце утомлённом затихает битва,
Только я ступаю на родимый путь.
Хорошо читается во поле молитва,
«Господи Иисусе...» — выдыхает грудь.

Этот путь привычный, этот путь не страшен —
Поле да кустарник, птичьи голоса...
Так бы вот и шёл я средь лугов и пашен
По холмам лучистым
Прямо в небеса.

Камыши мои...

Камыши мои, осока и торфяники.
На деревне жизнь у нас — просто пряники.
На деревне жизнь у нас — эх, медовая,
Если б только не тоска стопудовая.

Если только бы не глушь, не безлюдие,
Не разруха да чинов словоблудие.
Если только бы не та радиация...
Вот и думай: где народ, де же нация?

Камыши мои, осока и торфяники.
Мы не нация уже — только странники.
Мы блуждаем по земле, по своей отчине —
Оттирают нас другие к обочине...

* * *

В шершавую кору деревьев
Набился снег... Всю ночь пурга
Летала птицей по деревне,
Взбивая крыльями снега.

Я ночью вышел к этой птице,
Кругом взбивающей снега.
Я вышел, чтобы удивиться:
Такая снежная пурга!

Когда, восторженный и смелый,
Сошёл я с тихого крыльца,
Снег облепил меня — весь белый,
Я стал похожим на птенца...

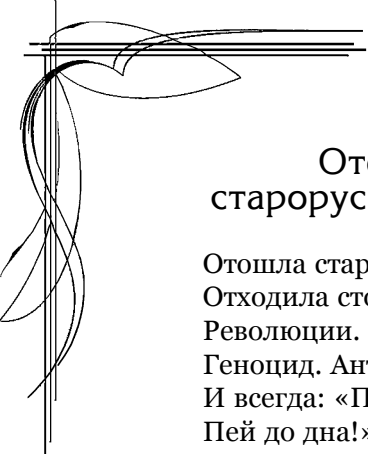
Свистело, ухало, шатало,
И тьма зияла за углом...
Но мать-пурга меня ласкала
Своим незябнущим крылом!

* * *

Россия — это не страна,
Не государство, не колония,
А диво дивное она,
Она картина и симфония...

Она, конечно, и страна,
И государство, и колония,
Но где-то в вечности она —
Моя любимая симфония.

Мои поля, холмы и мхи...
Неисчислимое наследие...
Мои любимые стихи.
Моя любимая трагедия.

Отошла
старорусская нация...

Отошла старорусская нация.
Отходила столетье она.
Революции. Кровь. Оккупация.
Геноцид. Антихристианизация.
И всегда: «Пей до дна!..
Пей до дна!»

Нарождается новая нация.
Правда, русская тоже она.
Потому не снята
Оккупация.
Геноцид. Антихристианизация.
Потому: «Пей до дна!..
Пей до дна!»

* * *

Свои сердца мы равнодушно студим:
День прожит, ну и ладно, новый день...
На ложах из огня в аду простёрты будем
За нашу праздность и за нашу лень.

...И мне лежать на ложе из огня,
И я Отчизне жертвую не много.
А многое зависит от меня
И от тебя,
А уж потом — от Бога.

Пророк

Небесный жертвенник пылает,
Стоит Исайя перед ним,
И уголь достаёт клещами
Из жертвенника серафим.

Горящий уголь он подносит
К устам Исайи — и уста
Целуют сами этот уголь.
«Теперь душа твоя чиста».

Так дар великий был получен,
Дана избраннику печать.
И повелел Господь пророку
Идти — пороки обличать.

Родной народ, забывший Бога
И нечестивого царя,
Повсюду обличал Исайю,
Огнём пророческим горя.

Он от царя претерпит муки,
Смерть примет жуткую пророк —
Пила орудьем смерти будет.
Царь заблудившийся жесток.

Но где тот царь? А вот Исайя
В веках прославлен и в раю!
...Господь, молю: пошли пророка
Теперь на родину мою.

Пусть обличит он нашу мерзость
И к покаянью призовет.
Кругом неслыханная дерзость
Распутства — и ослаб народ.

Пороки, смута и томленье,
И ясно, что идём ко дну.
Пошли, Господь, для вразумленья
Пророка в русскую страну.

В Санкт-Петербурге

1.

Брожу
И захожу то во дворец,
То в лабиринты утомленных улиц...
Могилы здесь бесчисленных сердец
Людей, что жили здесь, ушли
И не вернулись.

Здесь
Русского музея русский дух
И дух масонский Павловского замка.
Империя, развеянная в пух
И прах... И Летой смотрится
Фонтанка.

2. Прогулка

Проплываю с туристами,
Как в какой загранице,
Под мостами тенистыми...
Слева-справа гробницы.

Слева-справа надгробия,
Тени, призраки, лики...
Мы плывём по некрополю.
Вот он, город великий.

Всё дробится, меняется
С неизбежностью дерзкой...
Вот она, усыпальница
Той России,
Имперской.

3. В Александро-Невской лавре

Душа сегодня мечется, болит:
Что делать среди мерзости и срама?
«Быть русским! — говорит митрополит. —
Не отступать от веры и от храма».

Мы отошли, мы заблудились, мы,
Безумные, испили чашу яда —
И помрачались многие умы...
К себе самим
Теперь вернуться надо.

Опять народом православным стать.
.....
Господь зовём уныние отринуть
И о Руси Святой
Возревновать.

Друзьям

Милый Коля, милый Саша,
Отлетела юность наша.
И пришла такая зрелость,
Что погибнуть захотелось.

Милый Саша, милый Коля,
Где же радость, где же воля?
Где же нынче песни духа?
Как же петь, когда разруха...

Год за годом всё разруха.
Жизнь — как нищая старуха —
Побирается кругом.
Что старухе мы споём?..

Ложь, паскудство да измена.
Говорят, что это пена
И когда она сойдёт,
То опять вздохнёт народ.

Но покамест и покуда
Всем заведует иуда.
Потому нам не поётся,
Ждать и верить остаётся.

Милый Коля, милый Саша,
Отлетела юность наша.
И пришла такая зрелость,
Что погибнуть захотелось.

Милый Саша, милый Коля...
Но осталась к жизни воля.
Сердце в горьких чувствах бьётся,
Будет легче — распоётся.

Ну а коль нам жить рабами
И не будет всё просвета, —
Будем в стену биться лбами,
Это тоже путь поэта.

* * *

Говорил один священник —
С жалостью, а не надменно:
Сразу за порогом церкви
Разверзается геенна.

Это трудно понимать нам.
Трудно стать пасомым стадом.
Это трудно даже перед
Разверзающимся адом.

Из дневника

Причалил. Заскрипели сходни.
Вот хижина и вот еда...
Я в бухте Бедности сегодня.
Но, может быть, не навсегда.

Я плавал в море-океане
И путешествовал в горах,
Верблюдов видел я и ланей,
Сидел на царственных пирах...

И глупо мне роптать на Бога,
Который показал мне свет.
А то, что жизнь теперь убога, —
Так в этом тоже горя нет.

Она убога только внешне,
А так — вот книги, вот стило...
А на пустынном побережье
Не одиноко, а с в е т л о.

Настольный аметист

Аметист — это камень терпения.
Вот лежит на столе аметист.
Терпеливо я жду вдохновения —
Уж исписан, исчеркан весь лист.

Лист исписан, но без вдохновения,
Я по дружбе ладонью веду.
Аметист — это камень терпения,
Я с терпеньем сегодня в ладу.

Аметист — это камень терпения.
Излучается в душу мне свет.
Терпеливо я жду вдохновения —
Лишь тогда я, быть может, поэт.

А когда прилетит вдохновение
И слова станут чудно легки, —
Фиолетовый камень терпения
Уплывает из-под руки...

4 октября 1993 года

Мчатся тучи, выются тучи...
А.С. Пушкин. Бесы

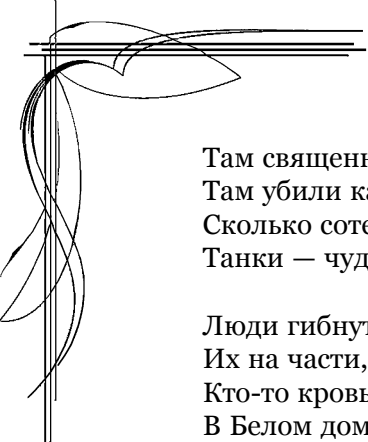
Мчатся тучи, выются тучи.
Но чтоб так? Страшится взгляд.
То летят не камни с кручи —
Убивает брата брат.
Вот ещё один снаряд.

Помутился, что ли, разум?
Покосились ли миры?
От кого идут приказы?
Уж не с Лысой ли горы?..

Это бесы? Им не больно?
Боже, что они творят!
Ну довольно вам, довольно!
А у них глаза горят...
Вот ещё один снаряд.

Мчатся тучи, выются тучи.
Закрутило, замело.
Мать, ребёнок... Бей до кучи!
На Москве гуляет зло.

Люди, прячьтесь, убегайте
И сидите в уголке —
И к иконам припадайте,
И к Матфею, и к Луке...

Там священника убили,
Там убили казака,
Сколько сотен уложили
Танки — чудо ВПК...

Люди гибнут, разрывает
Их на части, жжёт огнём.
Кто-то кровью истекает
В Белом доме белым днём.

День-то солнечный и ясный,
Но в глазах моих темно.
Крик о помощи напрасный.
Вот ещё снаряд — в окно...

То летят не камни с кручи.
Люди гибнут не в кино.
Мчатся тучи, вьются тучи,
Над Кремлём темным-темно.

Воспоминание о параде

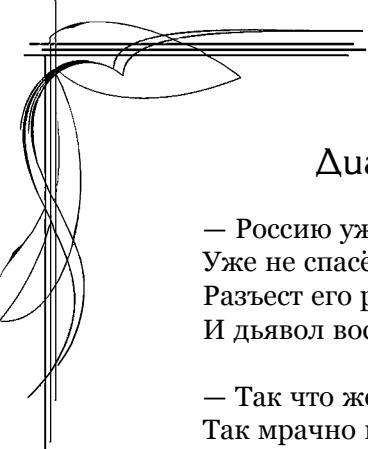
Как не заплакать, глядя на парад, —
Какие парни, сыновья Отчизны!
Как будто бы и не было утрат,
Таких утрат, что всё не кончим тризны.

Какие лица! Свет в них, и добро,
И мужество, и доблесть, и волнение!
Кто не готовил рабское тавро,
Кто не искал России униженья...

Враги и многочисленны, и злы,
И Русь не раз была огнём объята.
Идут! Чем не Суворова орлы!
Идут! Чем не Кутузова ребята!

За строем строй! А дальше танков дым,
Они всю площадь занимают с ходу...
Никто ещё не ведает, что им
Стрелять придётся скоро по народу.

Какие лица! Свет в них, и добро,
И мужество, и доблесть, и волнение!
Ещё на них не выжжено тавро
Трагического их паденья.

Диалог

— Россию уже не спасёшь.
Уже не спасёшь государство.
Разъест его разная вошь,
И дьявол воссядет на царство.

— Так что же нам делать, скажи?
Так мрачно кругом и тревожно.

— Живи для спасенья души,
Забудь о России, спеши...

— Но русскому
Так н е в о з м о ж н о!

* * *

Ястреб в небе свистит по-мышинному,
Зорко смотрит в полёгшие льны...
Вся ты здесь со своими крушинами,
Русь, Россия — в когтях сатаны.

Вся ты здесь — в деревнях обескровленных,
Бьётся сердце твоё средь полей.
Под угрюмыми бедными кровлями
Здесь не ждут никаких новостей.

Год от года всё хуже и гибельней,
Бьётся сердце неслышно почти.
Вот спасенье мелькнуло, увидели,
Но опять закрывают пути.

Ястреб в небе свистит ожидаючи.
Русь, Россия, на что уповать?
Колдуны заезжали тут давеча,
Им теперь на Руси благодать.

* * *

Ни тропаря, ни кондака не зная,
Стою стыдливо, слушаю, молюсь.
Я за тебя молюсь, родная Русь.
Не может стать бесовскою святая.
Я за тебя молюсь, святая Русь.

За обновленье русского народа.
Пусть наносное сгинет, отпадёт,
Пусть сохранится в Боге наш народ,
Лукавого пускай не ищет брода...
Да сохранится в Боге наш народ.

Пускай его рассеются враги.
Прошу: «России, Боже, помоги».

* * *

Соблазнили народ, соблазнили,
Заглушили сознание греха —
А потом же его и казнили...
И доньше в крови лемеха.
И в крови борозда и дорога,
И брусчатка, и стены в крови...

И теперь соблазнительей много,
Уводящих от горней любви.
Процветающих целою кликой,
Уводящих от праведных дней,
От России, доньше великой,
От забот сокровенных о ней.

Читая «Бесов»

Читаю «Бесов»... Верховенский,
Ставрогин, Шатов...
Боже мой,
На них какой-то мрак вселенский,
И души их объаты тьмой.

Что говорить — они ведь бесы,
И всё понятно с этой тьмой.
Но к ним немало интереса
У публики передовой...

Ах, публика передовая,
Ну почему всегда ты там,
Где ложь и наглость? Как слепая
За ними ходишь по пятам.

На Покров

На Покров Пресвятой Богородицы
Пал жемчужный туман, и окрест
Ничего не видать за околицей,
Всё в тумане — и скирды, и лес...

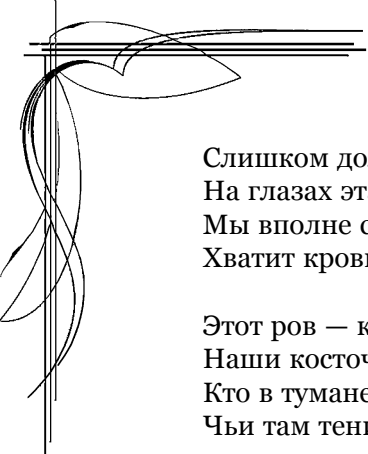
Ничего не видать за околицей.
И в селе ничего не видать...
На Покров Пресвятой Богородицы
К нам на землю сошла благодать.

Усмиряется всё, утишается.
Исцелит наши раны Покров.
Сердце верой опять утешается —
Мы засыплем погибельный ров...

Этот ров — котлован за околицей,
Наши косточки в этом во рву.
В нём за белою красная конница —
Все летели туда наяву.

Сколько кровушки там понамешано
Вместе с глиной и вместе с песком...
Всё туманом вокруг занавешено.
Совершается тайна кругом.

Совершается тайна нездешняя —
Над Россией великий Покров.
Не горюй, моя родина вешняя,
Мы засыплем погибельный ров.

Слишком долго мы в Бога не верили —
На глазах эта яма росла.
Мы вполне своё горе измерили.
Хватит крови, и горя, и зла...

Этот ров — котлован за околицей,
Наши косточки там вопиют.
Кто в тумане так вдумчиво молится?
Чьи там тени навстречу идут?

...Совершается тайна великая:
Оживает отеческий кров.
Встанет церковь потом белоликая,
Где зияет погибельный ров.

Снова жизнь православная примется,
Пробивая разруху и тлен.
Пусть не сразу, не скоро — поднимется
Наша Родина, встанет с колен.

На Покров Пресвятой Богородицы
Пал жемчужный туман, и окрест
Ничего не видать за околицей,
Всё в тумане — и скирды, и лес...

Поэзия как бы умолкла

Поэзия как бы умолкла.
Свои потеряла права.
Ягнёнок она перед волком,
Она перед бурей трава.

Поэзии как бы и нету.
Нелепо — и петь, и парить...
Но муза приходит к поэту,
И есть им о чём говорить.

* * *

Всё детективными завалено томами.
Поэзии в продаже не видать.
— Что делать нам с бессмертными стихами? —
Спросил поэт. Отвечу: — Издавать!

Без них кругом великая пропажа,
Без них на нас не сходит благодать.
Да, издавать бессмертные, и даже
Бессмертные не очень — издавать!

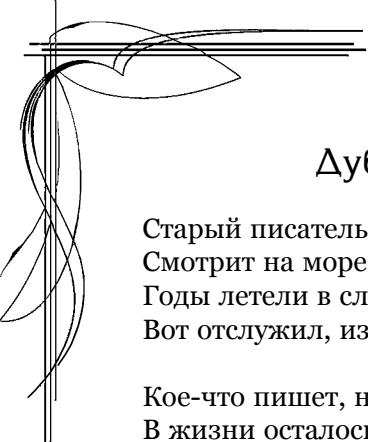
«Над русской Вильной...»

Есть исторические волны...
Опять витийствует Литва.
А Русь ослабла.
Русь безмолвна.
И власть — не власть, одни слова.

Летит как бы звездой падучей
Москва — злорадствует Литва.
А ведь писал когда-то Тютчев
Невероятные слова:

«Над русской Вильной стародавней
Родные теплятся кресты,
И звоном меди православной
Все огласились высоты».

Идёт отлив. Но за отливом
Пребудет полная вода.
Ещё нас встретят лучшим пивом,
Когда в их дом придёт беда.

Дубулты

Старый писатель сосёт больше часа сигару,
Смотрит на море с широкой тенистой скамьи.
Годы летели в служенье небесному дару —
Вот отслужил, израсходовал силы свои.

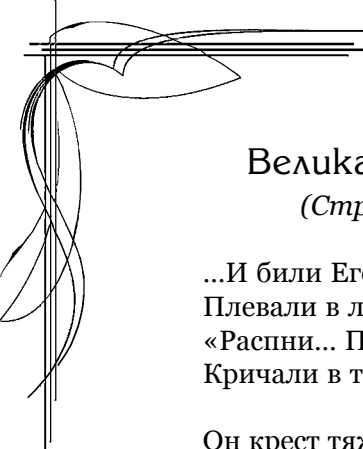
Кое-что пишет, но всё это так, мемуары.
В жизни осталось не много для сердца тепла —
Любит он море и толстые любит сигары,
Тихо гордится, что жизнь догорает д о т л а.

Великий четверг

(Моление о чаше)

В Гефсиманском саду Он упал на колени.
«Отче!» — Он говорил, как простой человек.
Обступали Его, как распятия, тени.
И в ответ ничего Ему Бог не изрек.

Эта чаша страданий Его не минует.
Значит, видимо, нету другого пути.
А иначе — великое зло торжествует.
А иначе — никак нас, людей, не спасти.

Великая пятница

(Страсти)

...И били Его по щекам,
Плевали в лицо, издевались.
«Распи... Пусть отмщение нам...» —
Кричали в толпе и смеялись.

Он крест тяжелейший понёс
И падал под тяжестью этой.
Как будто разбойник отпетый,
Распят был невинный Христос.

Но люди спасутся крестом.
С крестом — мы мудреем, добреем.
А что до отмщенья — о том
Известно не только евреям.

Примирение

Ветки елей осыпаны жёлтыми листьями,
И на чёрной, как дёготь, болотной воде,
Не просвеченной даже лучистыми высями,
Тоже листья; на тропах, на травах — везде.

Эта жертвенность листьев — как знак примирения...
Вот и я примиряюсь то с тем, то с другим,
И всё чаще в устах моих благодарение,
Что подлунный наш мир ещё Богом храним.

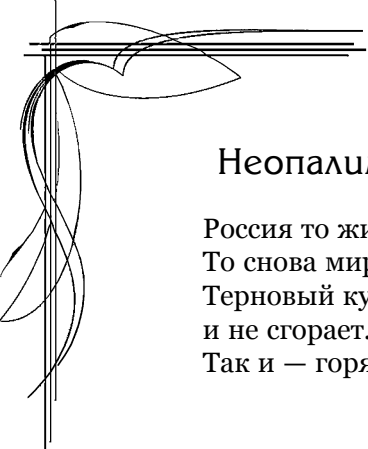
* * *

В мире много погибели, много уныния.
Но покуда живём, как не видеть вокруг
Жёлтых листьев и белого-белого инея!
Как не слышать, не видеть взлетающих выюг!

Как душой не сыграть на тропе припорошенной,
От избытка любви не запеть на ходу!
Как же не разглядеть человека хорошего!
Мы ещё на земле, мы ещё не в аду.

Вера

Много утрачено, но ещё главное живо:
Наша земля и заветы великих сынов...
Много фундаментов густо покрыла крапива,
Но не покрыла священных, нетленных основ.

Неопалимая купина

Россия то живёт, то умирает,
То снова миру слово говорит...
Терновый куст горит —
и не сгорает.
Так и — горя — Россия не сгорит...

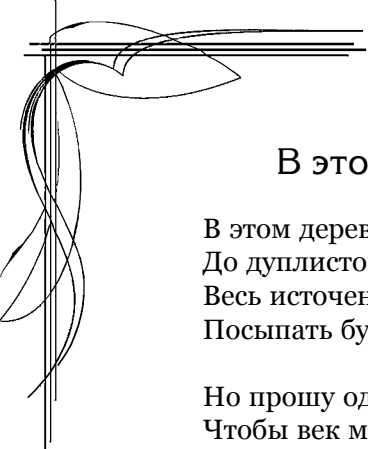
* * *

Осенний дождик льёт неторопливо,
С плаща стекает в жёлтую траву.
Отколосилась солнечная нива —
Как будто жизнь ушла, а я живу.

И даже чувства стали обострённей,
И даже мысли стали горячей...
Осенний мир — как мир потусторонний,
С туманами, с прорывами лучей...

Достольничать, дображничать, доплакать
И домолиться в ласковой тиши,
Благословить болотистую слякоть
И скудные сырые камыши...

Благословить земное это чудо...
И, устремляясь к новым чудесам, —
Уже с небес, неведомо откуда, —
Пропеть осанну пашням и лесам.

В этом дереве...

В этом дереве водятся пчёлы...
До дуплистого пня доживу —
Весь источенный и удрученный,
Посыпать буду прахом траву.

Но прошу одного я у Бога:
Чтобы век мой в тоске не затих,
Пчёлы-песни, хотя бы немного,
До конца жили в бортях моих.

* * *

Жёлуди падают с дуба
Как-то понятно и грубо,
А золотые листочки
Кружатся, как голубочки.

Всё откружилось, отпело,
Быстро так жизнь пролетела.
Да, вот такая картина —
Скоро женить буду сына.

Славная всё же картина:
Скоро женить буду сына!
Ах, золотые листочки,
Кружатся, как голубочки.

* * *

Я о Страшном суде прочитал по виденью монаха Григория.
Бог ему показал всё, что будет в конце этой временной жизни.
На Земле завершится тогда для народов земная история,
Будет час многослёзный, в великой нам быть укоризне.

Будет час многоскорбный и многоболезненный, жуткий,
До конца мы поймём, как ничтожны мы в нашем паденье —
Много думали мы о житейском, о похоти да о желудке.
Утопая в страстях... И не слушали райского пенья.

Вот Господь говорит: избирайте — иль Царство Небесное,
Или адская бездна, где будете в пламени жариться;
Надо только покаяться — будет прощенье чудесное...
Мы покаемся, Господи, но помоги нам исправиться.

* * *

Выхожу из храма. Лето под парами.
Ласточки мелькают и звенят: фьюить!
После полной службы в православном храме
Умереть нестрашно и нестрашно жить.

Всё понятно-ясно: что, куда, откуда,
Как нам жить сегодня, завтра и всегда.
Если б мы так жили — вот уж было б чудо,
Не было бы страха Страшного суда.

Я пошёл за город, где цветы и речка.
Всё прекрасно, даже этот нежный слизень!
Нагревает воду солнечная печка,
Торжествует милая временная жизнь.

Залив

1.

Потемнело. Сверканье и рокот.
Ниже тучи — и ближе набат.
И дождин по воде мерный цокот,
Превращающийся в водопад.

От грозы под навес я укрылся,
Под навесом сидел и глядел,
Как залив под грозой дымился,
Как огонь над водою летел...

А потом понемногу стихало,
И сверкало теперь уж вдали,
И отвесным дождём поливало
Проходившие там корабли.

2.

Вчера лил дождь, а нынче утро знойное,
Все вылезают из промокших нор,
И девушки проходят мимо стройные
В загаре цвета греческих амфор.

Прекрасна жизнь — и тем, что льются дождики,
Что зной потом и дождики опять...
И тем, что будут без конца художники
Песчаный этот берег рисовать.

* * *

Рыжий котёнок на фоне шиповника алого.
Весь палисадник шиповником алым зарос!
Радость великая здесь происходит из малого.
А почему? Потому что я в детстве тут рос.

Все позабылись из детства обиды и ссадины,
Всё обратилось в такую живую мечту.
В этих окрестностях, словно в большом палисаднике,
Всё мне родное, и я, как шиповник, цвету.

Этапы большого пути

Была большая перестройка
И переломка и пере-
Переворот и перемойка,
Перелопатка, перекройка,
И переполка, перегнойка,
Перепопойка, передойка...
И всё пере-, пере, пере-.
Куда «пере» — никто не ведал.
Уже бредём едва-едва.
Кто раньше каждый день обедал,
Теперь — в неделю раза два.

Когда же?..

Засыпан пышным снегом огород,
И снег переливается, блестит...
Сидит по избам малый мой народ,
Он топит печки да тепло хранит.

Сверкает платьем подвенечным снег.
Забыли тут, когда последний раз
Шумела свадьба в этот скорбный век.
...Всё меньше, меньше остаётся нас.

«Россия, Русь! Храни себя, храни!» —
Молил Рубцов. Но как нам сохраниться,
Когда кругом нагрянули они —
Чужие, ненавидящие л и ц а.

И не война как будто, а война.
Хоть командиры есть, а будто нету.
Когда же ты опомнишься, страна?
Сживут ведь нас, совсем сведут со свету.

* * *

Когда согласишь на статистику,
Как вымирает наш народ,
То поневоле станешь мистиком
Или совсем наоборот.

Пойдешь в какую-нибудь партию,
Где есть вожак лихой и злой,
Где первым делом будет в хартии:
«Долой!»

* * *

Трудилась жизнь, она во мне хотела
До срока душу отделить от тела.
Но я не смог помочь ей в этом деле,
Хотя не слишком хлопотал о теле.

Но — о душе я думал тоже редко.
Прости, душа, тебя я впутал крепко
В излишества земные, во грехи...
И в этом виноваты не стихи.

* * *

В слове «терпение» — пение, пение, пение.
Тернии? Да. Но и пение. Вот и пою.
Тернии? Да. Но летает сквозь них вдохновение
И окормляет печальную душу мою.

Живой

На крыше алтаря растут берёзы.
Полуразрушен храм, полузабыт.
На ликах иней в лютые морозы,
В дожди алтарь, как ямина, залит.

Храм Рождества Христова на пригорке.
Он весь разбит, скрипят крюки да створки.
Но даже в разрушении таком
Он не забыт, я думаю, Христом.

Поэтому-то шесть десятков лет
Он всё стоит, хотя в нём службы нет,
И несмотря на то, что службы нет,
Хранит людей его незримый свет.
И совесть пробуждается в ответ.

Вербное воскресенье

С детства мне в душу запали
Два этих слова. Они
Тайной меня волновали
В давние-давние дни.

Вербы росли в перелеске.
Я полюбил их тогда
Сердцем доверчиво-детским
И полюбил навсегда.

Словно сейчас это вижу:
Вербы принёс я домой —
Бабушка крестится, рада,
Мама довольная мной.

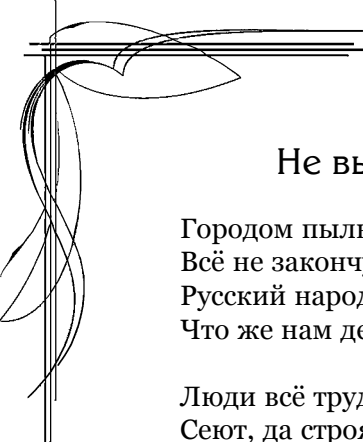
Вербы всегда на божнице
Были в деревне у нас...
Славили Господа Бога,
Славят Его и сейчас.

* * *

Разлилась река Молога
Перед вечным ликом Бога.

Всеми помыслами к Богу
Разлилась... Нашла дорогу.

Я брожу в тоске о Боге.
Ничего, что вязнут ноги.

Не вынуждайте...

Городом пыльным брожу я до темени,
Всё не закончу с собой разговор:
Русский народ — иготерпец до времени.
Что же нам делать? Опять за топор?

Люди всё трудятся, трудятся, трудятся.
Сеют, да строят, да ткут полотно...
Но всё равно упования не сбудутся,
Будем унижены мы всё равно.

Нищие, жалкие, вечно зависимы.
Кто нами правит, никак не поймёшь.
И никогда не добаться до истины:
Ложь отодвинешь — там новая ложь...

Жёны, и сёстры, и дети унижены.
Господи, кто же печётся о нас?
Что у нас есть? — комнатёнки да хижины,
Много терпенья у нас про запас...

Городом пыльным брожу я до темени,
Всё не закончу с собой разговор.
Русский народ — иготерпец до времени.
Не вынуждайте его на топор...

Слушая Василия Белова

Нет, не у всех продажным стало слово
И не у всех в речах одна вода.
Я слушаю Василия Белова,
В котором совесть говорит всегда.

Я слушаю Василия Белова.
Он говорит про мифы наших дней,
Что все мы жертвы хитрого улова,
Нас ловят наподобье окуней.

Привык народ к безвольному покою,
На всё ему как будто наплевать...
Василь Иваныч призывает к бою —
И сети рвать, и цепи тоже рвать!

Всё дело в телевиденье да в водке.
Само собой, во власти. Это так.
Проснёмся мы уже на сковородке,
Не докричится он до нас никак.

А если докричится? Докричится —
Тогда народ опомнится, тогда
Объединится он и о п о л ч и т с я...
и воссияет Русская звезда.

Но это всё мечты, мечты и звуки.
Всё видит, слышит, но молчит народ.
И в кулаки он не сжимает руки...
Он Сталина, а может, Бога ждёт.

Что будет с нами?

Что будет с нами да что будет с нами...
Если не будем себя защищать,
Нам не позволят быть даже рабами —
Нас убивать будут, не укрощать.

В нашей безвольной, безропотной стыни
Всё нам припомнят и всё нам зачтут:
Наши победы и наши святыни
Испепелят, изолгут и сотрут...

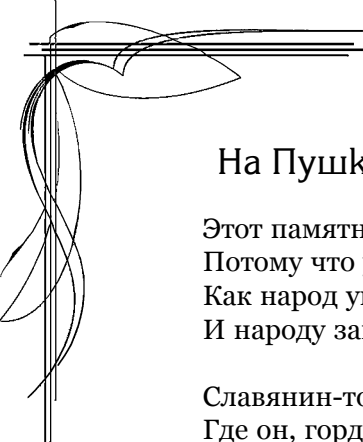
Хватимся вдруг, чтобы вырвать зубами,
Но будет поздно. И надо понять:
Нам не позволят быть даже рабами.
Так что не стоит об этом мечтать.

* * *

На первый план выходят комики.
На первый план выходят гномики.
На первый план выходят гомики.
Рыдай, великая страна.

А где Ильи твои с Добрынями,
Донские Дмитриии да Жуковы?
Где Сергии твои?
Все в Сербии?
Так с Сербии возьмём пример!

Чтоб эти комики и гномики
Скорей бежали в свои домики
И понимали, что не место им
На первом плане быть у нас.

На Пушкинской площади

Этот памятник Пушкину — грустный.
Потому что увидел поэт,
Как народ унижается русский
И народу защитника нет.

Славянин-то, написано, гордый.
Где он, гордый теперь славянин?
Обо всё его грохнули мордой,
Он стоит перед миром один.

Все гогочут, запрячь его рады
И погнать — и погнали уже...
Ах вы, сволочи, ах, конокрады,
Мы ещё не погибли в душе.

Не сдались, хоть уж к этому близко.
Будет час — мы вас так развернём,
Что не только посыплются искры,
Но и тошно вам станет кругом.

Этот памятник Пушкину — грустный,
Но я верю: увидит поэт,
Как народ улыбается русский
И в глазах — избавленье от бед.

Небольшой рассказ о 90-х

1.

Зелёные волны, зелёный огонь маяка,
На гребне нагорья тускнеющий пурпур заката.
Дыханье прохлады, вечерний полёт ветерка...
Стою и люблюсь величием неофрегата.

Из дальней Панамы пришёл этот белый фрегат,
Чернеют на нём негритянские лица матросов.
Забыл я все клятвы и, словно какой ренегат,
Подумал: уплыть бы, уплыть бы от русских вопросов...

Как жутко в стране, забрели мы в какой-то кошмар.
Одни обещают гражданской войны катастрофу,
Другие сбиваются в стаи, кричат уже: кар-р-р!
А в общем и целом — мы снова идём на Голгофу.

Куда уплывёшь? Позабудешь ли этот кошмар?
Куда уплывёшь от себя, на каком пароходе?
И надо сказать: это так, стихотворный угар, —
А плыть никуда и не хочется вроде.

Пусть будет что будет. Познали мы горький урок.
Возможно, теперь не дойдёт до такого раскола...
Ах, как освежает уже в темноте ветерок!
Как долго стоит на грани надёжного мола.

Ялта, 1990

2.

Из свежего тёса поставили будку на рынке,
А в будке два парня да яростный магнитофон.
Орёт о поручике он и о спившейся Нинке,
Орёт, создавая вполне перестроечный фон.

На фоне на этом торговля идёт кой-какая —
Ни мяса. Ни масла. Но в горках лучок и морковь.
Небритый кавказец, вставными зубами сверкая,
В придачу к арбузам свою предлагает любовь

Девицам проходим... А в общем всё пусто и голо.
Динамики чешут какой-то немислимый рок...
В душе моей грустное, горькое-горькое соло —
Я помню другим этот нищий теперь городок.

Я помню — ряды от обилия снеди ломились,
И город жил празднично, песни не слушал, а пел...
Теперь мы в каком-то голодном краю очутились,
А сам городок — прохудился, смирился, истлел.

Бежецк, 1991

3.

Болотная вода черна и золотиста.
Болотный край, болотная страна...
Осока под водою волокниста —
Утопленницей плавает она.

Болотный плен... Болотные туманы...
Крик ворона и карканье ворон.
Открылися скрываемые раны —
И боль, и плач, и крик со всех сторон.

Моя страна, как выходить из плена?
Творить какие гати и мостки?
То здесь, то там измена, и подмена,
И половодье гибельной тоски.

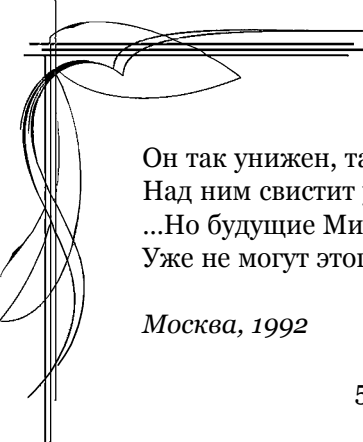
Как выходить...
Повсюду страх гнездится.
Туман растёт, как ядовитый дым.
И упыри хохочут в наши лица:
«Ведь с вами Бог — так пробивайтесь с Ним».

д. Трофимцево, 1991

4.

Москва теперь не русская столица,
Москва теперь блудливый Вавилон.
Чужие, дерзкие, бесчувственные лица.
От русского здесь только русский стон.

Москва теперь не русская столица,
И власть в Москве чужая, злая власть.
И русский о себе сказать боится,
Он лучше будет пьянствовать и красть...

Он так унижен, так от боли сжался —
Над ним свистит убийственная плеть.
...Но будущие Минин и Пожарский
Уже не могут этого терпеть.

Москва, 1992

5.

Переворот, ещё переворот,
Потом наоборот — недоворот...
Один урод, потом другой урод.
И с толку сбит, и мечется народ.

Ну что за невезенье, что за рок...
А где герой, где воин, где пророк?
Они являлись, только нам не впрок?
Они являлись. Но пока не срок.

Москва, 1993

6.

Я просыпаюсь — а в стране всё тот же
Бирюк, битюг... Всё тот же дуrolом.
Всё те же прихлебательствуют рожки...
И хочется мне врезать им колом.

Идёт распад страны, и облученье
От этого распада нас мертвит —
Мы забываем сущности, значенье,
Не слышим, что нам ближний говорит.

Идёт распад — а тут все эти рожки
Жуют, хохочут, мерзко говорят...
Они бесчеловечны, толстокожи.
Здесь на земле они построят ад.

1997

* * *

Поставили стражу у гроба Господня убийцы,
Ко гробу печати кругом приложили они,
Чтоб тело не выкрали, чтобы потом не сказали,
Мол, вот Он воскрес...
«Он не может воскреснуть вовек».

Россия родная, ты вся запечатана тоже.
Как трудно идёт возрождение к свету твоё,
И камень такой, что со скрежет тяжким, со скрипом
Он нам поддаётся...
Без Бога его не отнять.

Крым

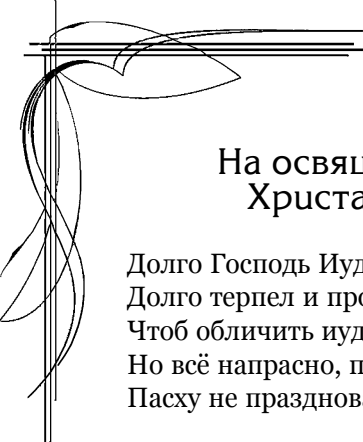
Был офицер почти что юн,
Не уплывающий за море, —
И был какой-то Бела Кун,
Несущий православным горе.

Казалось, хватит воевать,
Прошла кровавая горячка.
За сына радовалась мать,
Но крови жаждала Землячка.

Широк был жест большевика:
Придите с миром, хватит бойни.
...В подвалах ялтинской ЧК
Стал этот юноша — покойник.

И он, и тысячи других,
Обманутых, убиты были.
Стреляли их, глушили их
И с камнем на ногах топили.

Что знали мы из ваших схем?
...А Бела Кун сказал такое:
«Россия — кладбище большое,
Найдётся место русским всем».

На освящение храма Христа Спасителя

Долго Господь Иудейского царства пороки терпел,
Долго терпел и пророков своих посылал,
Чтоб обличить иудеев в нечестии, чтобы спасти, —
Но всё напрасно, пророков народ презирал,
Пасху не праздновал, множил и множил грехи.

Бог допустил — иудеев разбил Вавилон,
Храм Соломонов разрушил Навуходоносор.
Бог допустил — иудейский народ был пленён,
Семьдесят лет в вавилонском плену тяготился.

Семьдесят лет тяготился и русский народ.
В зорком плену у Христовых врагов находился.
Храмы порушены, реки большие гниют,
Люди побиты, и страх ощутимей, чем совесть.

С древних времён так идёт и так будет идти:
Бога забыли — и сразу бросаются бесы...
Что надо делать? Да храм надо строить Христа,
Заново строить Спасителя храм благодатный.
В храм возрождённый потом и войдёт Иисус!

.....

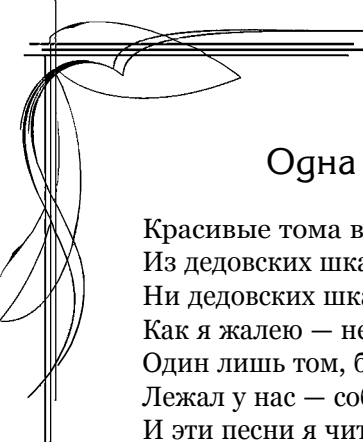
Выстроен храм. И сегодня его освященье!
Верю: отныне на Русь возвращается жизнь.
С нами Христос!
Он среди нас в этот праздник великий.
С нами встречает Он новую тысячу лет.

* * *

Деревенских старух
поздравляет Господь с Новым годом.
Ах, какие открытки прислал —
погляди на окно:
неземным серебром нарисованы виды природы,
виды местности той, что увидеть потом суждено...

Поздравляю и я вас, родимые.
Но не спешите.
Не спешите туда,
где, конечно же, лучше, чем тут.
Но и здесь вы нужны.
И — живите, живите, живите.
Хорошо, когда долго родимые люди живут.

*д. Трофимцево,
31.12.1995*

Огна книга

Красивые тома в старинных переплѣтах
Из дедовских шкафов я в детстве не читал.
Ни дедовских шкафов и ни томов старинных —
Как я жалею — не было в избе.
Один лишь том, большой и золотистый,
Лежал у нас — собранье русских песен;
И эти песни я читал на печке,
Откладывал, потом опять читал...

Наверное, так отрок православный,
Который с детства к Богу потянулся,
Относится к Священному Писанью.
Я вдумчиво, доверчиво читал
И многое из песен узнавал.
Я узнавал о трудной русской доле,
О казаках, гуляющих на воле,
Про армию и про пожар московский,
О Волге-матушке и о степи Моздокской...

Прошли года. Теперь я понимаю,
Что эта книга всё определила —
Через неё мне Родина открылась,
Поэзия открылась и душа.

Порой я даже думаю, что ангел-
хранитель эту книгу мне принёс.

Перечитывая Исаковского

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые гробы.

Не поют, а воют провода:
Мы такого не видали никогда.

Уж который год в народе недород —
Всё быстрее вымирает наш народ.

Нам такое не встречалось и во сне,
Чтоб такое было в нашей стороне.

Были здесь веселье и краса,
И завидовали людям небеса.

А теперь вот от избы и до избы
Зашагали торопливые гробы.

* * *

Теперь всё как бы утопает в иле,
Теперь здесь трудно даже тракторам.
Где крепкий берег? Где конец могиле?
Конечно, на холме, где Божий храм.

К нему идти, к нему душой стремиться —
Вот в чём спасенье, понял я вполне.
И ничего, что грязь всё длится, длится...
Дожди шли долго в нашей стороне.

* * *

Ковш Большой Медведицы над баней.
Отдышаться вышел я на снег...
Где-то должен после всех скитаний,
После всех исканий и метаний
Отдышаться в мире человек.

В деревенской бане, среди ночи...
Парься час, и два, да хоть и три.
Снег кругом, и звёзд сверкают очи...
Парься хоть до утренней зари.

Бежецк

1.

Этот славный православный городок!
Под ногами чуть заснеженный ледок.
А по крышам шелковистая пурга.
А за городом — равнинные снега.
Ах, сегодня-то святое Рождество!
Мало мрачных, а сердитых никого.
Очень многие — с весельем, с торжеством
Выговаривают снова: «С Рождеством!»

2.

Белеет поле, серебрясь
От снега лунного, густого.
А в храме служба началась
Во имя Рождества Христова.

Христос родился в эту ночь,
Чтоб людям на земле помочь.
Себя не можешь превозмочь?
Живёшь не так, как надо?
Христос родился в эту ночь!
Он выведет тебя из ада.

Дневник десятилетия

Э.Ф. Володину

1.

Сидит мужик и смотрит телевизор,
А в нём ему народный депутат
Твердит, что всё, не будет коммунизма, —
И депутат при этом очень рад.

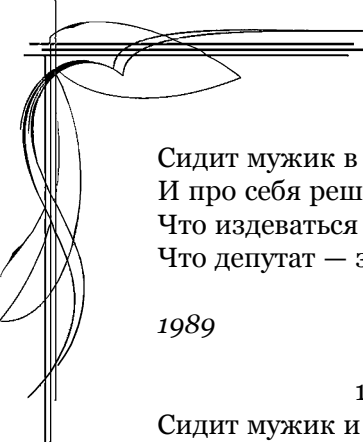
Мужик глядел, глядел на депутата,
На весь его ласкающий видок,
И пятернёй широкой, как лопата,
Велеречивый выключил поток.

Сидит мужик в своей родимой хате
И про себя решает наконец,
Что измываться над народом хватит,
Что депутат — законченный подлец.

2.

Сидит мужик и смотрит телевизор,
А в нём ему народный депутат
Твердит: не отойдём от коммунизма, —
И депутат при этом очень рад.

Мужик глядел, глядел на депутата,
На весь его торжественный видок,
И пятернёй широкой, как лопата,
Велеречивый выключил поток.

Сидит мужик в своей родимой хате
И про себя решает наконец,
Что издеваться над народом хватит,
Что депутат — законченный подлец.

1989

1.

Сидит мужик и смотрит телевизор,
А в нём ему опухший президент
Твердит, что выход из тоннеля близок,
Что трудный, мол, кончается момент.

Мужик глядел, глядел на президента,
На весь его бессмысленный видок,
И тошно ему стало от момента,
И он угрюмо выключил поток.

Сидит мужик в своей родимой хате
И про себя решает наконец,
Что издеваться над народом хватит,
Что президент, конечно... молодец.

2.

Сидит Борис и смотрит телевизор,
А в нём ему рассерженный мужик
Твердит, что крах всего довольно близок,
Что от надежд один остался пшик.

Что власть во всём, конечно, виновата,
Придётся ей ответить за итог...
Но пятернёй широкой, как лопата,
Борис холопий выключил поток.

Сидит Борис в своей роскошной хате
И про себя решает наконец,
Что либеральничать, наверное, уж хватит.
— А где Попцов — двурушник и подлец?

1995

1.

Сидит Господь и смотрит на Россию.
Он видит всё — и Кремль, и мужика.
В Кремле опять неплохо закусили,
А мужику не выдали пока

Зарплату за апрель, а нынче осень.
Придётся, видно, попустить дебош:
Пускай народ погромче их попросим,
Иначе ведь кремлёвских не проймёшь.

Сидит Господь, и смотрит Он печально.
Теперь в России долго будет бред.
Но всё же будет бреду окончанье.
Ещё в России просияет свет.

1997

2.

И все сидят. Все смотрят телевизор...

1999

* * *

Уходит русский экипаж.
Он отлетал своё на свете.
Уходит русский экипаж,
Его не будет на планете.

Планета будет без него —
Без доброты его, сноровки...
Планета будет без него
Кружить до полной остановки.

В Лахте

По лахтинским дачам, по лахтинской поздней сирени
Проходится дождик, на серый залив моросит.
Брожу я как будто вдоль блоковских стихотворений —
Вдоль улиц притихших. Здесь века начало сквозит.

Но что изменилось теперь, на исходе столетья?
Пожалуй, не много. Всё так же больны города,
Всё так же прекрасны и волны, и дождик, и ветер,
В кронштадтской дали — маяка или судна — звезда...

По лахтинским дачам, по зарослям белым жасмина
Проходится дождик, и белая ночь не светла.
Всё так же прекрасны — Прекрасная Дама, Фаина,
И улицей дачной вчера Незнакомка прошла.

Но что изменилось, так это тревожнее стало —
Что кончится век и Россия растает во мгле.
А та кобылица степная от нас ускакала,
И кто-то чужой угрожающе свищет в седле.

1997

* * *

Так много туч, так много чёрных туч,
Но всё-таки отчаиваться рано.
«На нас падёт пассионарный луч», —
Сказал мыслитель нам с телеэкрана.

Так много туч, так много чёрных туч,
Но кое-где уже сквозит и просинь.
На нас падёт пассионарный луч,
И будет Свет и Золотая Осень.

По всем приметам что-то началось —
Стремленье и попытка к возрождению.
И в лицах нечисти я вижу злость
И страсть к насилию и преступлению.

Декабрь

Каждый год я болен в декабре,
Не умею я без солнца жить.

Ф. Сологуб

Вот и снежный оркестр начинает мелодию вьюги —
Вот уже полетели пушистые хлопья в окно...
Возвращается всё на холодные зимние круги,
Будет греть нас не солнце теперь, а стихи да вино.

На пороге декабрь. На пороге как будто бы вечность —
Холод вечности, космоса в сумерках чуется мне.
В декабре кратковременность жизни, её быстротечность
Замирают, лежат на каком-нибудь илистом дне.

В декабре хорошо, если в доме тепло и семейно,
Если много в бумагах пришедших по осени строк...
И не то чтобы рюмку, а целую чашу глинтвейна
Выпиваешь с хозяйкой под жаркий, как солнце, пирог.

* * *

В эту пору весны, когда вёты роскошны, как розы,
В эту пору весны, когда гуси на север летят, —
Скучно мне от словесной, житейской и всяческой прозы,
На земле и на небе находит чудесное взгляд.

Народившихся листьев я слышу младенческий лепет,
Я гляжу на реку, где вода перешла берега...
Нынче трепетно всё, и в душе моей ласка и трепет,
Но в душе и растерянность есть и тоска, и тоска.

Оттого что ты видишь весеннюю силу творенья,
Но за ней не поспеть и в гармонии с нею не быть —
Нет силы в душе для ответного озаренья,
Будто я перестал эту землю родную любить.

Нет, люблю, и прекрасно, что в полдень весенний
Я брожу среди самых родимых на свете полей!
Да, люблю, но весна обнажает моё запустенье,
И печально, что я не могу соответствовать ей.

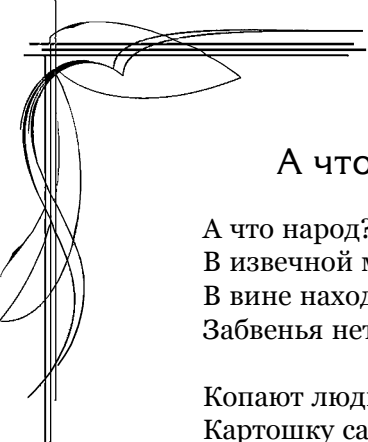
* * *

Полетела звезда, я фонариком ей посветил.
Ночь темна и прекрасна.
И Млечным Путём пробираясь,
Спутник, вижу, куда-то антенны свои наострил.
Я с фонариком тоже в ночи деревенской шатаюсь.

По низине туман, переходит дорогу мне ёж,
Для него захватил я немного подсохшего хлеба.
Ах, куда ни иди, в эту ночь никуда не уйдёшь
От желанья понять — как всегда — это звёздное небо.

Но понять невозможно — зачем это море светил,
Море звёзд, и планет, и чего там ещё, я не знаю.
Я фонариком только по ним поводил, посветил,
Но от них я в ответ прояснения не ожидаю.

Ах, прекрасная ночь! И не надо всё, видимо, знать.
Мир вращается, крутится — действует замысел Бога.
Бог замыслил, чтоб я в это время ложился бы спать,
А проснувшись, приветствовал новое утро с порога.

А что народ...

А что народ? Народ в терпенье,
В извечной муке и в труде.
В вине находит он забвеньё?
Забвенья нет ни в чём, нигде.

Копают люди огороды,
Картошку сажают — как всегда,
Как все нормальные народы.
Что до беды... Вся жизнь — беда.

* * *

Вот уже и вечер,
Вот уже и ночь...
И никто не может
Никому помочь.

Только сами, сами
Можем мы найти
То, что нам поможет
Всё-таки идти.

...Вот уже и утро,
Вот уже и свет.
И молитва в сердце,
Как на всё ответ.

* * *

После зимних ледяных щедрот
На природу я смотрю, как школьник...
Бабочек любовный треугольник
Полетел в соседний огород.

Птахи заливаются, лучится
Солнышком прогретый небосвод...
Надо жизни заново учиться,
Жизнь — она ведь только настаёт!

Как отрадна рукоять лопаты!
Как свежо копается гряда!
И лесные звонкие палаты
Хороши для песен и труда!

25.09.2005

* * *

Я отдаю себе отчёт,
Что я не в счёт и ты не в счёт...
Что наши слёзы и печали
Напрасно небу докучали.

Я отдаю себе отчёт,
Что избранных наперечёт
И мы не входим в их число.
И всё-таки нам повезло.

Нам повезло, что мы с тобой
Живём как бы одной душой
И что у нас пока не ад,
А небольшой цветущий сад.

25.09.2005

На выставке

*(У портретов М. Лобанова, Ю. Селезнёва,
В. Распутина...)*

Пророки наши с лицами повстанцев.
Я вас люблю за искренность души,
За ваше доблестное постоянство,
Что вы за Родину, а не за барыши...

Что вы не свыклись с отведённой ролью.
Идёт неотменимая борьба.
Не примирились вы с угрюмой болью —
Не свыклись, что России, мол, труба.

Беслан

1.

Они просили: «Пить!», они просили — жить.
Но зверь хотел, чтобы они страдали,
Чтоб медленно в мученьях умирали.
Они просили пить, они просили — жить.

Им в эти дни помочь не мог никто.
Я понимаю так и в это верю:
Господь им даст и пить, и жить,
И то,
То, что вовек недостижимо зверю.

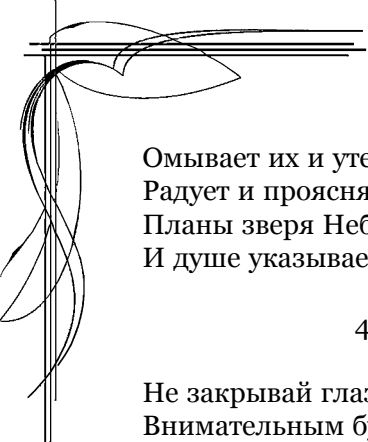
2.

В этом мире уже не осталось идей,
Только слёзы, и радость, и слёзы...
Дождь оплакал страданья людей —
Плакал дождик, деревья и розы...

Все цветы, и травинки, и весь небосвод...
Люди плакали с дождиком вместе.
Что-то новое здесь на земле настаёт,
И уже не земные нам слышатся вести.

3.

Были, были мученики, были.
И теперь — опять их череда.
Снова души по небу поплыли,
Их ласкает Божия вода,

Омывает их и утешает,
Радует и проясняет суть...
Планы зверя Небо нарушает
И душе указывает Путь.

4.

Не закрывай глаза и уши.
Внимательным будь, как в бою.
Бесланских мучеников души
Уже в раю, уже в раю.

И будет много ещё битвы —
Потерь, потерь, ещё потерь...
Но верь в горячие молитвы —
Отступит зверь.

4.09.2004

* * *

За окошком туман, желтизна
И осенняя слякоть.
Начинается день.
А потом начинается ночь.
...Дай мне силы, Господь,
Эту жизнь и воспеть, и оплакать.
Дай мне силы, Господь,
В этой жизни хоть ближним помочь.

25.09.2005

* * *

Господи, жить понемногу,
Жить среди гроз и бед...
Есть ли претензии к Богу?
К Богу претензий нет.

Только вот как — понемногу?
Как обрести покой,
Если всё время — в дорогу,
Если всё время — в тревогу,
Если так редко — к Богу?
Остановись, стой.

25.09.2005

* * *

Жена с утра воркует,
Воркует и поёт.
Жена с утра ликует
И завтрак подаёт.

А вы мне: жизнь напрасна.
А вы мне: жизнь пуста.
Я знаю: жизнь прекрасна,
Как ягода с куста!

* * *

Надо устать.
Надо устать.
Чтоб, наработавшись,
Лечь и не встать.

Чтоб не хотелось
Ни споров, ни дум,
Чтоб не тянуло
В обыденный шум.

Выспаться крепко.
А завтра опять
Много работать
И снова устать.

Не от метро,
Разговоров, людей...
От вдохновенья
И воли своей.

25.09.2005

* * *

Лежит человек исхудавший,
Разбитый параличом, —
В борении с Бахусом павший,
Прибитый его кирпичом.

И сколько лежат по России
Таких мужиков-бедалаг...
Нет, Бахуса мы не осилим.
И — хватит смертельных атак.

Эфир

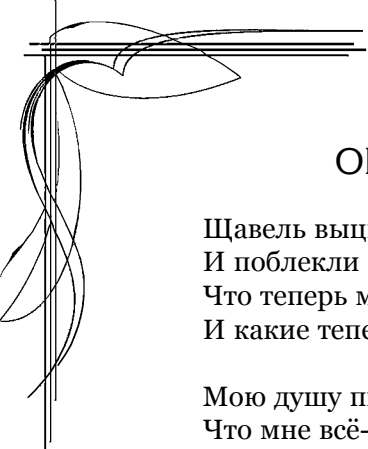
С душою русской нет в вас ладу,
И ваша власть — для нас беда.
Таким вот хохмачам в усладу
Давали наши города.

ЧК губернские, уезды
Таким давались шутникам —
Служителям великой бездны...
Не обещайте рая нам.

* * *

Когда не пишутся стихи
И даже нет на них намёка,
То вспоминаются грехи —
И в мире очень одиноко.

Зато когда идут стихи,
То забываются грехи.
И словно Бог тебя простил
И даже чем-то угостил.

Окно

Щавель выцвел. И жизнь выцветает,
И поблекли мои небеса...
Что теперь мою душу питает
И какие теперь чудеса?

Мою душу питает надежда,
Что мне всё-таки будет дано
Для стихов, для стихов неизбежных,
В этих суетных буднях о к н о.

* * *

Как тяжело бывает нам в пути,
Порой — тоска безвыходного плена.
Но сердце ждёт: должна произойти
Какая-то большая перемена...
И кончится гнетущая дорога
Животворящим обретеньем Бога.

Как это всё произойдёт, не знаю,
Но я без этой веры умираю.

5.08.2004

* * *

Дождь накапал полное корыто —
Мыться будем дождевой водой!
Радость эта здесь не позабыта,
Не забыт и ковшик расписной.

Здесь живёт затейливый крестьянин.
Оттого и мило на душе,
Что с любовью тут живёт хозяин,
Как живут немногие уже.

Он колодец выстроил, как терем,
Дом украсил тонкою резьбой...
У него не покосились двери,
И доволен жизнью домовой.

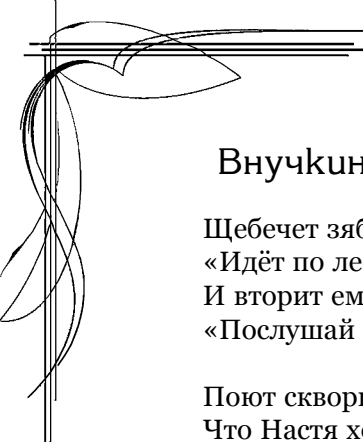
А душа распахнута по-русски.
Он не станет проклинать житьё.
И хозяйка выставит закуски
Явно в удовольствие своё!

* * *

Икона Всех Святых — как бабочек собрание...
Святых на ней — нельзя и сосчитать.
Сегодня я проснулся тихой ранью
И в храм пошёл, чтоб службу отстоять.

Сегодня праздник Всех Святых, и, кстати,
Мне ясно так увиделось сейчас,
Как высоко в небесной благодати
Отцы святые молятся о нас.

Мы просим их молиться и молиться...
Они же просят бесконечно нас —
В житейском море ко Христу прибиться,
Пока не пробил наш последний час.

Внучкина весна

Щебечет зяблик частенько:
«Идёт по лесу Настенька».
И вторит ему пеночка:
«Послушай меня, девочка».

Поют скворцы и горлинки,
Что Настя ходит скоренько,
Что Настя будет взрослая —
Разумная и рослая.

Поют овсянки разные
И звонкий соловей,
Что Настя очень классная
И классно всё на ней!

13.06.2003

В пустыне

Я помню, в песках Кара-Кума,
На ящериц глядя и вдаль,
Я думал: весь мир — только дума,
Весь мир — только Божья печаль.

Что нету песков Кара-Кума,
Что нету лесов и морей,
Что всё это вечная дума...
О, Господи, думай скорей!

* * *

Какой-то вьюн, гигантский вьюн,
Россию заглушает.
Летает птица Гамаюн
И гибель предвещает.

А вьюн идёт и вширь, и в рост,
От моря и до моря.
Во всю страну растёт погост.
И даль темна от горя.

На вьюн бросаются с мечом
И даже с автоматом.
Ему, однако, нипочём —
Он вездесущ, как атом.

Всё уменьшается народ,
Страдая, как в плену.
И всё же будет укорот
Драконьему вьюну.

Но только б не через войну...
Но только б не через войну.

Здесь...

Мужик измучался, устал,
Опух — как от водянки.
Крест вырезал и написал:
«Господь, спаси от пьянки».

Глядит на мужика Господь
И жалко мужичонка:
Душа слаба, воняет плоть,
Болит печёнка...

Господь поможет и ему,
Убережёт от ада —
Пускай страдает на дому,
Здесь, на земле, так надо.

Он будет в муках умирать,
И будут, будут в боли
Грехи целительно сгорать...
Всё в Божьей воле.

* * *

По Красной площади позёмка,
Позёмка белая метёт.
На этой площади так ёмко
Сама Россия предстаёт.

Теперь не тем, конечно, звоном
Куранты над страной бьют...
Но неким чудом и законом
Державы средоточье тут.

Каким-то чудом и законом
Россия держится моя.
Как будто здесь магнит закопан,
Соединяющий края.

Да, он слабеет и слабеет,
Притягивающий магнит.
А всё-таки надежда греет,
Что он Россию сохранит.

Метёт позёмка по брусчатке.
И по полям, и по лесам...
Я против всяческой взрывчатки.
Россия — Бог, Россия — храм!

Доярка

Деревенская грубая проза —
Каждый день у коров, у навоза...
Каждый день так вот годы и годы.
И ни равенства нет, ни свободы.

Поясница болит у доярки,
Ломота и в руках, и в плечах.
Ей на праздник давали подарки
И хвалили в районных речах.

Скотный двор индевеет в морозы,
И коровы — в морозном пару.
Застывали стеклярусом слёзы...
Что теперь вспоминать на миру.

И труды, и страданья, и слёзы,
И болезни одна за другой.
Деревенская грубая проза,
Ты была и осталась такой.

...Но тогда ещё радости были.
Были праздники, люди кругом!
А теперь уж и радости сплыли.
Не деревня, а мрак и погром...

* * *

Милые родные старушечки
При своей покорной амуниции...
Вам бы по какой-нибудь конвенции
В старости пожить, как за границей
Поживают седенькие сверстницы:
Тоже покатайся бы туристками,
Посмотреть на мир, хотя б с полмесяца,
Удивленьем поделиться с близкими.

Вам не прозябать бы в этой бедности,
В тягостном вымаливанье пенсии...
Сколько у властителей надменности,
Сколько чужеродности и спеси и
Сколько позабывчивости — помнят ли
Сколько вы работали, работали?
Это вы страну когда-то подняли
Жертвами своими и заботами.

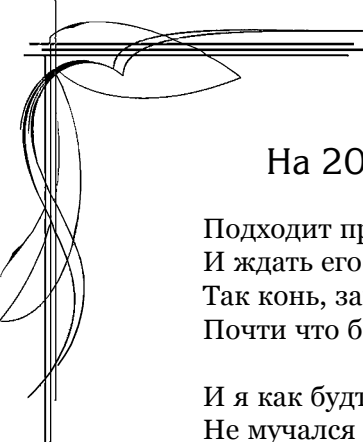
А теперь страна в вас не нуждается,
И не будет никакой конвенции.
Кто-то ест в три горла и не давится
Под халявный трёп интеллигенции.

* * *

Все мы, печальные Лели,
Карту бросаем не в масть.
То мы деревни жалели,
То вот — советскую власть...

В мире есть некая схема,
Это нетрудно узреть —
Будет нам новая тема:
Русскую душу жалеть.

5.01.2005

На 2005 год

Подходит праздник Новый год,
И ждать его так сладко.
Так конь, завидев дом, идёт
Почти что без устатку.

И я как будто не устал,
Не мучался в дороге,
Не резал губ моих металл,
Не подгибались ноги.

Засыпан снегом огород...
И огурцы на блюде...
Что принесёт нам новый год?
России, добрым людям...

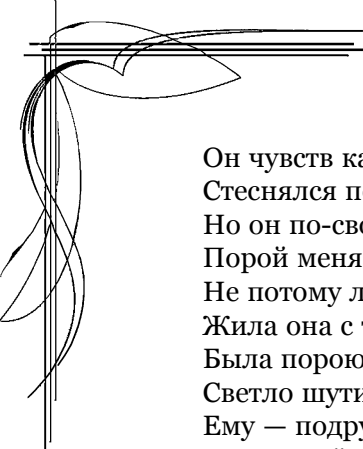
Что принесёт нам новый год,
Примерно знает каждый.
А всё равно — душа поёт.
Поёт, и это важно.

Отчим

Он мне звонил издалека.
И выпивши опять,
И снова — слёзы и тоска:
«В могиле наша мать...
В могиле matka. Не могу.
И мне бы умереть...
Не пожелаешь и врагу
Вот так осиротеть...»

Ведь это он её довёл
До гробовой доски,
Но без неё он нищ и гол,
Игралище тоски.
Из тех он русских мужиков,
Кто трезвый лишь хорош.
А пьяный? Пьяный, будь здоров,
Пристукнет не за грош.

Он, знаю, был и сам не рад,
Что пьяный дик и зол,
И проклинал себя стократ,
Когда наутро шёл
Он на работу в шумный порт
И там грузил суда.
Но снова пил. Какой там торт
Нам принести когда...

Он чувств как будто не имел —
Стеснялся показать.
Но он по-своему жалел
Порой меня и мать.
Не потому ли и жила,
Жила она с таким,
Была порою весела,
Светло шутила с ним...
Ему — подруга и раба,
А он напьётся вновь.
Не знаю, может быть, судьба,
А может быть, любовь.

Всегда я звал его «отец» —
Не мне его судить.
Он сам всё понял наконец,
Когда не изменить
Уж ничего. Да, наконец.
И плачет каждый раз...
Не забывать тебя, отец,
Был материн наказ.
Но я и так бы не забыл.
Ведь жили мы семьёй.
А то, что ты так часто пил,
То крест, быть может, твой.

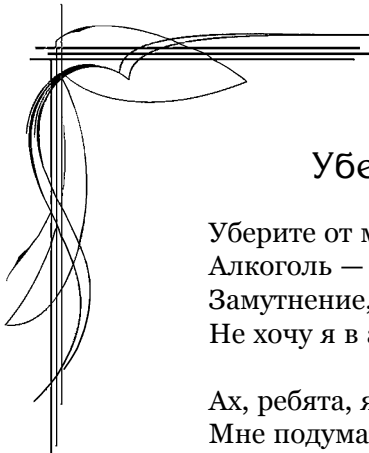
Теперь и ты ушёл туда,
Где бабушка и мать...
И в церкви буду я всегда
Вас вместе поминать.

* * *

Бараки рифмуются — драки,
Помойки, во льду туалет...
Бараки остались во мраке
Далёких мучительных лет.

Зимуют, не знаю где, раки,
Но скажут мне: жизнь повтори! —
Нет, только опять не в бараки,
Я в детстве их знал изнутри.

4.01.2005

Уберите!

Уберите от меня алкоголь!
Алкоголь — ведь это мука и боль.
Замутнение, усталость и грязь...
Не хочу я в алкоголе пропасть.

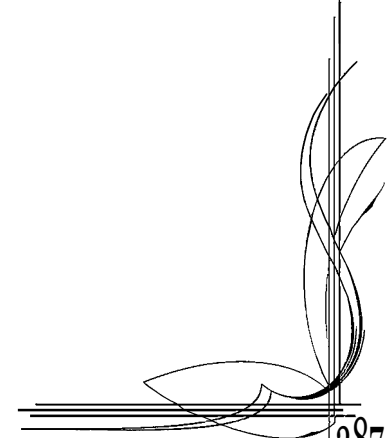
Ах, ребята, я не молод уже.
Мне подумать о душе по душе.
И подумать мне о многом пора
Непохмельной головою с утра.

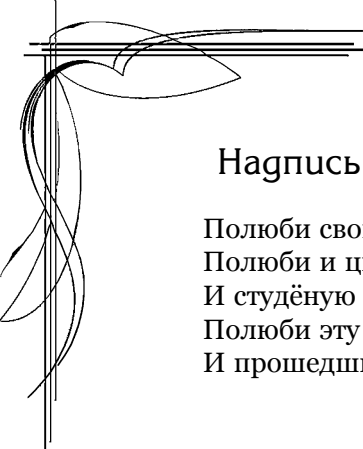
4.01.2005

Денису

Мир огромен, конечно, в нём много всего.
Кроме ближних, у нас только нет никого.
Надо ближних любить, помогать им, спасать.
С ними плакать, и петь, и прощать, и прощать...

Мир огромен, конечно, соблазны кругом,
Но теплей всего мира семейный твой дом.
Где жена твоя, дочка — и, крепко любя,
Где в четыре руки обнимают тебя!

Нагпись на книге

Полюби свою родину малую,
Полюби и цветы, и снега,
И студёную воду, и талую,
Полюби эту землю усталую
И прошедшие здесь века.

* * *

У меня от тоски загражденье
В три — не меньше — кольца.
И скажу я себе в день рожденья,
Что хранит меня Бог, подлеца.

Снова радуюсь марту родному,
Снова радуюсь новой весне...
От метро продвигаюсь я к дому.
Солнце в небе! Наталья в окне!

* * *

Добрый вечер, моя семья!
После дневного гула
Ночь уткнулась в щетину жнивья
И с улыбкой уснула...
Добрый вечер, моя жена!
Просто так — добрый вечер!
Не прошу я ни ужина, ни вина,
Обнимая за плечи.

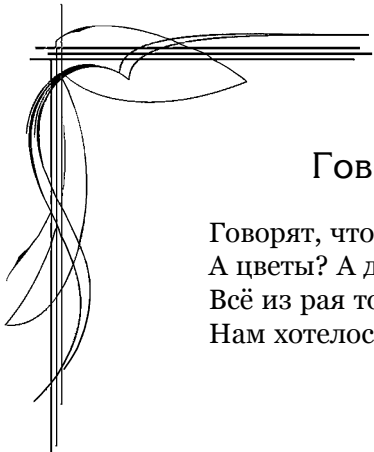
Так на душу мою нашло —
Всех родимых обнять за плечи.
Мне, родные, от вас светло.
Добрый вечер, сын, добрый вечер!
Я желаю семье твоей
И покоя, и света.
А ещё я желаю ей
Многая лета!

* * *

Горлинка горлит с берёзы,
Горлинка песню поёт.
В мире печали и прозы
Сердце моё устаёт.

Тоже бы петь мне почаще,
Выразить душу весны,
Неба, берёзовой чащи,
Солнцем согретой сосны...

Петь бы красиво и ясно.
Радость из песен творить.
Было бы это прекрасно.
Есть кому песни дарить!

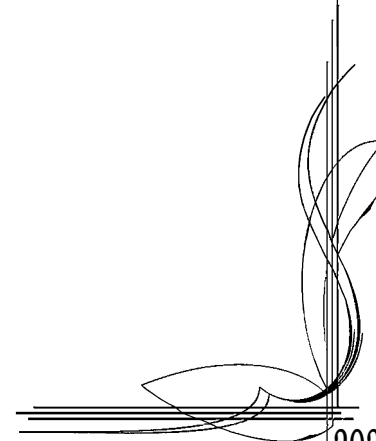
Говорят...

Говорят, что ласточки — из рая.
А цветы? А дождика вода?
Всё из рая то, что, умирая,
Нам хотелось видеть бы всегда.

Не унывай!

Всю ночь за окошком грозило,
Гремело, сверкало, лилось...
Какая-то мощная сила,
Какая-то, может быть, злость.

Но утро настало. Настало.
И солнце, сияя, взошло.
И мощная сила пропала,
И всё улетучилось зло.

Бабочки

Бабочки, как тряпочки, летают —
Настины цветные лоскутки.
Подлетают, будто бы играют —
Настиной касаются руки.

А лучи у солнца — золотые!
Всё кругом сияет, будто рай!
Бабочки как платьица цветные,
Как наряды — Настя, выбирай!

Бугем, как гети...

И темно, и морозно до стона.
Всё зима — как в кошмарном сне.
Как библейский пророк Иона —
Мы выходим на свет по весне.
А пока всё зима и морозы.
Всё зима, и зима, и зима...
Правда, дети пунцовы, как розы,
И зимою довольны весьма.

* * *

Вернулись солдаты со странной войны.
Со странной, но очень кровавой.
Их жизни там были Отчизне нужны,
Но смерть — не овеяна славой.

Росли-вырастали державы сыны
Совсем не для пули чечена.
Вернулись солдаты со странной войны,
Как будто вернулись из плена.

* * *

Избянные крюки допеты...

Н. Клюев

Избянные крюки допеты.
А теперь, что теперь нам петь?
Счастье русское, где ты, где ты?
Счастье русское — умереть?

Старики да бомжи по избам.
Где, Россия, твой алконост?
Нет ни рая, ни коммунизма —
Колея глубока на погост.

Остается одна лишь вера,
Что святые вымолят нас.
Ждет и нас небесная эра.
Милосерден к несчастным Спас.

*5.05.2002,
Пасха*

Этимология

В молитве и молчанье — корень м о л.
О мол молитвы и о мол молчанья
Стихия разбивается страстей.

2003

Мальчик в храме

Мальчик в храме совсем не смущен
Ни торжественной службой, ни ликами —
И глядит непосредственно он
На Христа и на стражников с пиками.

То Распятьем большим увлечен,
То Распятьем серебряным маленьким...
Позади всех молящихся он
Ходит тихо в рубашке и в валенках.

Впереди где-то бабушка здесь
Повторяет молитвы заученно...
Мальчик, службой овеванный весь,
Тихо ходит и смотрит задумчиво.

Что-то будет с ним в жизни большой?
Дай-то Бог ему истинной ясности,
Пусть останется чистым душой,
Проходя все земные опасности.

Дастархан

Опять восточный дастархан,
И на гостей идет атака —
Но из гостей никто не пьян,
Поскольку много бешбармака.

Пузатый чайник, словно хан,
На стол поставлен среди закуски.
Без чая что за дастархан —
Он разгоняет все нагрузки.

Восток, Восток, тебе хвала!
За пиалю — пиала!

Чай с молоком и с курагой,
С каким-то жиром и с вареньем,
С доисторическим твореньем —
С соленой, кажется, халвой...

Восток, Восток, тебе хвала!
За пиалю — пиала!
А дальше — новая атака,
Поскольку много бешбармака.

Восток, Восток, тебе хвала!

* * *

Мужик копает огород — а я гляжу.
Мужик сажает огород — а я гляжу.
Мужик готовится косить — а я гляжу.
Мужик надстраивает дом — а я гляжу.
Мужик снимает урожай — а я гляжу...

Ведь кто-то должен и глядеть —
И я гляжу.

* * *

Как много ругаются матом
Ребята, совсем малолетки.
И мат, как губительный атом,
Пронзает их юные клетки.

Им кажется, будто взрослеют.
Бахвалятся друг перед другом.
Грубеют, тупеют, темнеют —
И смотрит Россия с испугом.

* * *

Родился я среди полей открытых,
Среди ромашек белых, среди льна.
В краю проселочных дорог набитых
Моя отчизна и моя страна.

Я так люблю открытую равнину —
С холмами, с перелесками, с рекой.
И это все я завещаю сыну,
Когда пойду на вечный на покой.

А может быть, еще успею с внучкой
Там побродить под клики журавлей...
Пусть, пусть она помашет ручкой
Небесным стаям с дедовских полей.

На юге Ирана

Цвета серой пустыни иранские козы и овцы.
Их стада, как несчастные, ходят весь день по песку.
Жарит солнце, колючки клубками скатались, как змеи.
Есть трава кое-где, но довольно сухая трава.

Но зато рядом море такого блаженного цвета,
Что назвать его синим и даже лазурным нельзя!..
И коралловый берег — он чёрный от чёрных кораллов!
И само ощущение, что ты вот добрался сюда!
Это сладко и чудно, и что бы там ни говорили —
Хорошо видеть мир, хорошо этот мир узнавать!

В ресторане прибрежном попробовать местное блюдо;
Алкоголь запрещён, здесь живут по Корану кругом —
Я бы выпил немного, но слаще, но слаще не выпить,
В этом тоже есть радость — быть с миром окрестным
в ладу.

В ресторане протяжно играет иранец на таре —
Что-то вроде гитары старинный раздумчивый тар.
Пляшут волны прибоя. Пустыня, пустыня, пустыня...
Нет, весь мир не пустыня — в нём много оазисов есть!

Хафиз

На могилу Хафиза в прекрасном и древнем Ширазе
Приезжают, приходят за мудрым советом иранцы.
Продавец предлагает в конвертах цитаты поэта —
Покупай и читай и к себе самому примеряй.

Я гадать не люблю не по Пушкину, не по Хафизу,
Но сегодня Хафиза я взял и газели читал —
И подумалось мне, что для многих из нас, как и прежде,
Будут добрым советом такие поэта слова:

«На колесе судьбы, смотри, как много праха!
От алчности беги. Цени свой скудный хлеб».

Остров Киш

Пролетел попугай, как у нас воробьи пролетают.
Попугай здесь привычен, и пальмы привычны, и блеск
Океана привычен... Но не для меня из России,
Мне всё это в отраду, на всё я счастливый смотрю.

Я, конечно, забылся среди экзотических видов.
Мне, конечно, отрадны и пальмы, и розы, как сон...
Но молитву читаю с в о ю,
Дорогую, родную,
И на Север гляжу,
Где в России остался Христос.

* * *

Подсыхают пашни тёмные,
Розовеют на холмах,
И мальчишки, как бездомные, —
Днями целыми в полях.

Может быть, мальчишки во поле,
Нынешние огольцы,
Возродят, что мы прохлопали,
Их партейные отцы.

После венчания

Твои насоки и набег,
Твои обиды и тоска
Назойливы, как печенег...
Но ты мне радостно близка.

Зачем все эти выяснения,
Весь этот колкий шум и гам?
Какие могут быть сомнения?
Теперь я твой и здесь и там.

* * *

Небо всё лучами золотится,
И река лучистая светла.
Рядом с полем золотой пшеницы
Девушка разделась и легла.

Жаркий ветер марево колеблет,
И полям конца и края нет.
И лежит она одна под небом,
Словно бы одна на целый свет.

А вокруг на много километров
Тишина, лишь ястреб пролетел...
Лишь поля, качаемые ветром,
Красный клевер, жёлтый чистотел...

* * *

Так живёшь да живёшь, ходишь по полю,
Но однажды откроешь в себе,
Что в душе твоей бесы натопали
И подумать пора о судьбе.

Оказалось, не так уж всё благостно —
Совість вдруг обличает тебя:
Поступал ты и подло и пакостно...
Вот теперь и подумай, скорбя.

...И поблек целый мир, и без радости
Вдруг глядишь на поля, на цветы —
Не достоин их свежести, сладости,
Никакой не достоин мечты.

И в лесу, и во время купания,
И во время застолья — везде
Пред тобою встаёт понимание,
Что ты в самой великой беде.

Что покаяться надо, исправиться,
Что путей обходных не дано...
Что греховное не забывается —
Тянет камнем ужасным на дно.

* * *

Грешнику в раю невыносимо,
Грешник сам попросится туда,
Где жаровня, много-много дыма,
И бурлит вонючая вода...

И цветов, и ласточек там нету,
Там пустыня или царство льда...
О, как надо устремляться к свету
Здесь, теперь, сегодня и всегда!

* * *

Сегодня панихида по Рубцову,
И Дионисий говорит, монах,
Что было всё в судьбе его, но слово
Его с добром, и свет в его стихах.

Добро и свет не потерять из вида,
Не слушать унывающих гонцов.
Кругом зима, и в храме панихида,
И в небесах — возвышенный Рубцов.

*15.12.2005,
Спасо-Прилуцкий монастырь,
Вологда*

В новогоднюю ночь

Гармонистов не стало. А что значит Русь
без гармошки?
Удрученье, тоска и вообще омертвенье кругом.
Потому и глядят сиротливо родные окошки...
Где же наш Гармонист, чтобы Русь
задышала теплом?

* * *

Из пункта А — то бишь из ада,
До пункта Б — то бишь до Бога,
Проложена не автострада,
А вдрызг разбитая дорога.

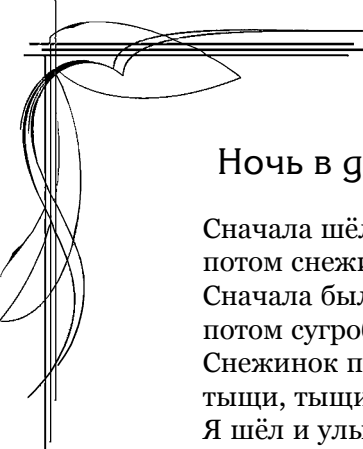
Прошел по твердому — и снова
Скользишь и падаешь, хоть плачь.
Но нет у нас пути иного,
И нет у нас других задач.

* * *

Мне нравится слово «народ».
Народ — он идёт не вперёд.
Народ — он идёт не назад.
Живёт он — и этому рад.

Бывает порой и не рад.
Бывает, что сам виноват.
Но главное то, что народ
Предателей переживёт.

8.06.2013

Ночь в деревне

Сначала шёл снежок,
потом снежище.
Сначала был сугроб,
потом сугробина!
Снежинок пронеслись
тыщи, тыщи...
Я шёл и улыбался:
это родина!

Я лица вспоминал
родных и близких.
Я вспоминал Есенина, Рубцова...
Я шёл средь изб,
таких печальных, низких,
но ждал я
укрепляющего слова.

Развал, разор
разруха — всё Россия...
Не находил спасительных я слов.
Огни погашены,
крестьянин обессилен,
и он уйти
на небеса готов.

Я улыбался,
а потом печалился...
Мы все, мы все уйдём на небеса.
Но грустно знать,
что родина кончается,
её тепло, любовь и чудеса...

И где ещё
смогу идти я запросто,
вот так, как тут,
и сердцем жить, любя...
Заколотили Родину
крест-накрест, и —
и невозможно думать
не скорбя.

Сначала шёл снежок,
потом снежище.
Сначала был сугроб,
потом сугробина.
Снежинок пронеслись
тыщи, тыщи...
Я шёл и плакал:
это моя родина.

8.01.2013

Николаю Дмитриеву

Эти стихи зацепились за русскую почву.
Эти стихи прорастут, будут жить и цвести...
Дмитриев Коля, скажу тебе нынче заочно
То, что при жизни тебе не сказал я, прости.

Строчки твои зацепились за русскую почву.
Книги твои говорят мне о жизни родной...
В книгах твоих открываются добрые почки,
Птицы поют, деревенскою веет весной.

Мы из деревни с тобой, и поэтому, Коля,
Зримей, понятней нам русской разрухи тоска.
Как хорошо ты рифмуешься — Коля и поля!
Каждая строчка твоя мне понятна, близка.

Вот у тебя уже вышла посмертная книга.
Я прочитал её — в ней всё острее и больней...
В общем, стихи твои, скажем так, высшая лига,
Хоть и не любят пускать в неё русских парней.

Ты поработал, талант свой ты выразил полно.
Как ты свободно и плакал и пел на земле!
Катятся, катятся, катятся вечности волны;
Как маяки, остаются поэты во мгле.

* * *

Таинственно и безбрежно
Шумит Мировой океан.
Земля — это берег надежды,
И он не случайно нам дан.

Мы здесь наполняемся верой,
Мы здесь открываем исток.
И сущим живя, не химерой, —
Ложимся лицом на восток.

Ложимся, закрыв свои вежды.
Проснёмся в хорах Отца.
Земля — это берег надежды.
Надейся и верь до конца...

11.11.2012

* * *

И этот, и другой хохочет,
Когда Россия так больна.
Их очень много, тех, кто хочет,
Чтоб гибла русская страна.

Чтобы не быть ей православной,
Державною не быть опять.
Тут замысел таится главный —
Чтобы у Бога Русь отнять.

Стрижи в Москве

Прилетели стрижи
покорять этажи.
Выше всех небоскрёбов летают.
Над Москвою — стрижи,
над Москвой — виражи!
И стрижиные звоны
витают...

«Надо жить! Надо жить!» —
слышу я у стрижей.
Это нам —
постояльцам
своих этажей.

21.05.2012

* * *

Николаю Старченко

Обогреть муравейник непросто
После долгой студёной зимы.
Но наверх муравьи-теплоносы
Выползают из мёрзлой тьмы.

Их работа — на солнце нагреться
И спускаться теплом в глубину.
Отогрели примёрзшую дверцу,
Отогрели каморку одну...

Отогрели каморку другую...
Теплоносы — прекрасен их труд!
Согревают обитель родную,
И других они к солнцу ведут.

20.05.2012

* * *

Камни стучали о камни.
Волны хлестали утёс...
Вспомнил я берег давний,
Где я у моря рос.

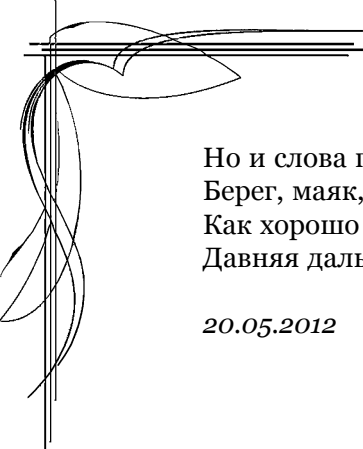
Вспомнил я лодки качку,
Быстрый пролёт гагар...
Вспомнил не как подачку,
Вспомнил как Божий дар.

Вспомнил морские дали.
Я уплывал туда...
Дали меня качали,
И волновала звезда

На горизонте где-то.
А это был маяк.
Север, морское лето...
Я уже вырос. Моряк.

Арктика наплывала
Зеленоватым льдом...
Всё, что душа искала,
Было в морях кругом.

Главное были — дали,
Волны и острова...
Годы прошли, миновали.
Только остались слова.

Но и слова прекрасны:
Берег, маяк, волна...
Как хорошо и ясно
Давняя даль видна.

20.05.2012

И снова – жизнь!

Белые хлопья каштанов цветущих
С розовым цветом внутри...
Мыслей не надо угрюмых, гнетущих.
Всё расцветает – смотри!

И одуванчиков жёлтые краски,
Зелень и листьев, и трав...
Все они сбросили снежные маски.
Всякий ликующий – прав!

Было безумно, но мы дотерпели.
Вот и наградою нам
Тонко, свирелисто птицы запели!
Сердце прильнуло к цветам!

Наша весна – это Божия милость.
Дивно в родной стороне.
Бог не оставил – и жизнь заструилась
В реках, в полях и во мне...

18.05.2012

* * *

Торопиться неохота,
Жизнь так хороша!
Поле, речка и болото —
Любит их душа.

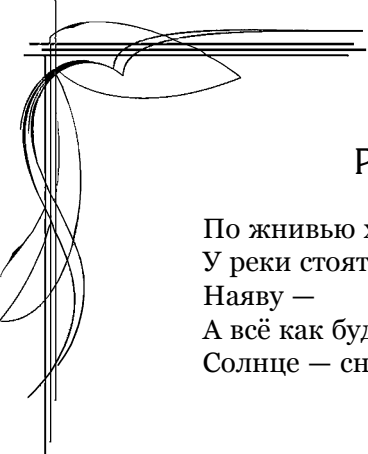
Любит ветер, дождь, и вьюгу,
И тепло в избе...
И лететь не надо к югу,
Как скворцам, тебе.

16.10.1994

* * *

За трудности свои держись:
Без них нельзя.
Иначе проморгаешь жизнь —
По ней скользя.

Всё трудности, безмерный труд...
И будь умней:
Отринешь эти — так придут
Ещё трудней.

Рогина

По жнивью ходить — не находиться,
У реки стоять — не настояться!
Наяву —
А всё как будто снится:
Солнце — снится, и деревни — снятся...

* * *

Ступням в пыли дорожной хорошо —
Она тепла, мучниста и легка.
Я до холма высокого дошёл,
И сразу ниже стали облака.

Кругами коршун поле сторожит,
Вдали — деревни, церковь и леса...
Внизу река между холмов кружит,
И блеск воды впивается в глаза.

Скворцы по небу катятся клубком,
И ласточки мелькают, и стрижи...
Люблю ходить на родине пешком,
Ходить без цели, просто для души.

В болотных кочках спрячутся грачи —
Стоит жара, всё в мареве жары.
Пересыхают на песке ручьи,
Кроты не вылезают из норы.

...Редка теперь тут радостная весть.
Но я хожу с отрадой, не спеша:
Родимый край, ещё ты в мире есть,
И тянется к тебе моя душа.

* * *

Такой был чемоданчик — патефон,
И это было чудо из чудес.
Теперь — айфон, мобильник и смартфон...
А вот восторг от техники исчез.

Стремителен технический прогресс,
А слово — медленно.
Не поспевает слово?
Вокруг такой индустриальный лес...
Но слово — это всё-таки основа.

Устаревают выдумки людей —
Идут в политехнический музей.
А вот обычное, казалось бы нам, слово
Жить и сиять всегда готово снова.

28.01.2012

Дрожжин и Рильке

В тверской деревеньке Низовке
Дрожжин Спиридон проживал.
Забыв о московской тусовке,
Здесь Рильке, в Низовке, бывал.

В восторге он был от деревни,
Душой полюбил Дрожжина,
Читал его стихотворенья
И переводил его на

Немецкий язык, и о Боге
Они говорили, бродя
По тихой пустынной дороге,
За птицами в небе следя...

Они выходили на Волгу,
И Рильке глядел и глядел
На русскую реку подолгу
И всё уезжать не хотел.

Потом будет Африка, много
В судьбе его будет дорог...
Но тёплого русского Бога
Забуть никогда он не мог.

То снилась поэту икона,
То вид на поля из окна...
И помнил всегда Спиридона
В Низовке своей Дрожжина.

4.12.2011

* * *

Те, кто ходит в храм,
будут и на том свете ходить в храм.
Те, кто ходит по аллеям или полям
и ждёт вдохновения,
будут и на том свете ходить по аллеям и полям...
Те, кто любит семью,
будут и на том свете со своими близкими...
Многие, по милости Божьей,
будут жить тем, чем живут здесь.
Но не все.
Ибо там не будет рыночной экономики,
шоу-бизнеса и политики...

23.10.2011

Возражение

В моей стране так мало света,
Царят в ней деньги и чины.
В моей стране мечта Поэта —
Наестся вдоволь ветчины.

Николай Зиновьев

Как много света — выйди в поле!
Какая дивная страна!
Не унижай поэтов, Коля.
Зачем поэту ветчина?

Ему Катулл, ему Конфуций,
Ему божественные сны.
Поэту мало конституций!..
Ну что ему до ветчины.

Поэты ходят по фуршетам
И по банкетам, но всегда
На них не по себе поэтам —
Еда она и есть еда.

Восхищение

Я прощаю вас, люди!..
Простите меня.
Если путь у вас труден,
Отдам вам коня.

Магомед Ахмедов

Прослышал я, что друг мой Магомед
Людей спасает от забот и бед.
И если у кого-то путь тяжёл,
Отдаст коня, чтобы пешком не шёл.

Какой ты добрый, щедрый, Магомед!
Я б так не смог. Коня к тому же нет.
А у тебя ведь тоже нет коня...
Но ты щедрее всё-таки меня.

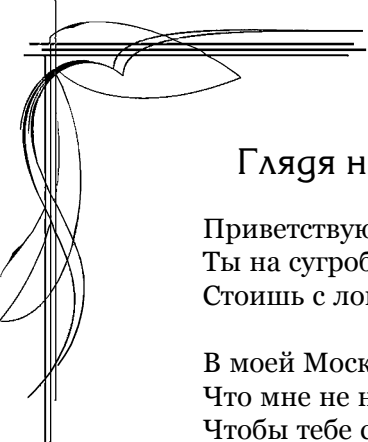
О мире

Я устал от тоски. Я не сплю.
Я стою у окна. Замерзаю.
Боже мой! Как я мир не люблю,
Как устройство его презираю!

Михаил Анищенко

Этого мира осталось, быть может, на годы,
Не на столетья осталось лесов и полей,
Птиц распевających, в сердце поэта свободы...
Не проклинай этот мир, а его пожалей.

Что, Михаил, мы о мире воистину знаем?
Мы в этом мире пичужки, песок и трава...
Мы о нём знаем немного, хоть много страдаем.
Выстрадай душу, а всё остальное — слова.

Глядя на дворника

Приветствую тебя, Таджикистан!
Ты на сугробе, как на постаменте,
Стоишь с лопатой под моим окном.

В моей Москве тебя теперь так много,
Что мне не надо ехать в Душанбе,
Чтобы тебе сказать: «Салам аллейкум!»

Приветствую тебя, Таджикистан!

3.04.2011

Про белого бычка

Что делают воры? Воруют.
Что делают власти? Хитрят.
И все олигархи жируют.
И умные все говорят.

Я умному слову внимаю,
И жду я победную весть...
Что будет с Россией, не знаю,
Но знаю, но знаю, что есть...

Я знаю, что воры воруют.
Я знаю, что власти хитрят.
И все олигархи жируют,
И умные все говорят...

13.03.2011

Анатолию Степанову

1.

Земляк мой дорогой, Степанов Анатолий,
Гуляешь ты сейчас среди родных раздолий.

В мобильный телефон поёшь мне о просторе,
О Высочке моём, о памятном угоре...

Ты дышишь во всю грудь, ты всем доволен, Толя.
Ты в натуральном, брат, а я в мобильном поле...

В мобильном поле нет ни травки, ни угора.
На родину пора. И я поеду скоро.

А ты мне говори, Степанов Анатолий,
Как хорошо тебе среди родных раздолий!

2.

Не тоскуй, Анатолий Степанов,
Если всем не хватает стаканов.
Приезжаем сюда мы не пить,
А родную сторонку любить.

Вот они Горни —
Где мои корни.

Вот они дали —
Где мои печали.

Вот она дорога
От земли до Бога.

Вот небеса —
Где главные чудеса.

Воздух родины льётся и льётся,
И душе безоглядно поётся!
Дорогой Анатолий Степанов,
Здесь и вовсе не надо стаканов.

*23.04.2011,
завтра Пасха*

* * *

Настя любит ездить в сад, бегать по траве.
И у Насти в том саду ветер в голове.
После школьных всех задач,
после всех трудов
хорошо среди полей и среди прудов!

Хорошо на крышу влезть
и увидеть даль!
Хорошо на велик сесть
да нажать педаль!..

31.03.2011

* * *

По жизни, как из окружения,
Порой, побитые, бредём...
Идём в своё расположение.
А где оно, мы не найдём.

Всё это, видно, испытанья.
Души проверка. Надо ждать.
Переживающим страданья
Господь дарует благодать.

За всякое благодеяние
Тебе, Господь, благодарение.
Душа хотела покаяния.
Душа хотела воспарения!

И всё, чего душа хотела,
Ты дал, Господь.
Идут года, дряхлеет тело —
земная плоть...

Идут года, дряхлеет тело...
И всё-таки,
Душа, ты не напрасно пела
среди тоски.

Среди тоски, среди печали
искала путь.
Нет на земле тебе причала...
Когда-нибудь

Отыщется причал и берег.
А там — лучи!..
Ты дал мне право в это верить
в любой ночи.

Декабрь 2010

Вижу сытых, каких ещё не было.
Вижу нищих, каких не видал.
Разве этого труженик требовал
И за это свой голос отдал?

Вижу сытых: не лица, а сёмужьи
Шелковистые брюха с икрой.
А страна переполнена бомжами.
Говорят, что меняется строй...

Говорят, мол, чего церемониться
С теми, кто в этот строй не идёт;
Кто с восторгом на сытых не молится —
Тот пускай отомрёт. Отомрёт.

И пошло, и пошло отмирание...
Но оно заведёт далеко:
Злобы бедных остры, как пирании, —
И сквозь вас пронесутся легко.

1994

* * *

Цветёт и пахнет буржуазия.
Размах широк.
Пожалуй, шире, чем вся Россия.
Такой вот рок.

А беднота ещё по-советски
Не ропщет, нет, —
С какой-то грустью, печально детской,
Глядит на свет.

Всё по спирали, всё по спирали.
И мы — нули.
Нас обманули, нас обыграли,
Всех провели.

А единицы — они в восторге,
Они в балах...
Хотя их тоже приемлют морги
Без всяких «ах!».

Цветёт и пахнет буржуазия,
Давя народ.
При этом кличут: «Вперёд, Россия!»
Куда вперёд?

Национальность

На вопрос: «Ты кто по национальности?» —
В Дагестане могут с юмором ответить:
— Я ещё не женат... —
Ибо давно заметил народ,
Что жена
Сильно влияет на национальные черты мужа.

Только ли на Кавказе так?
Сколько русских стало немцами,
Англосаксами, евреями...

И, к сожалению,
Очень редко это стало происходить
Наоборот.

13.09.2009

Птицы

На Кавказе в этот раз я не увидел ни одного орла.
Странно.

Мой друг Магомед сказал,
Что орлам стало противно смотреть
На нынешних горцев —
И они улетели...

Это, видимо, горькая шутка.
Но как-то не по себе делается,
Когда подумаешь,
Что вдруг птицы на самом деле
Поймут,
Что мы не достойны их чудесных песен,
Их стремительных и гордых полётов,
Их красоты, —
И покинут нас.

Нынешняя жизнь в России
Мало достойна прекрасных птиц.

13.09.2009

Воспоминание о Беслане

...И спецназовцы наши сегодня в раю.
За детей осетинских погибли в бою.
По-небесному, значит, за други своя,
Хоть у многих остались свои сыновья.

Беспощадная битва идёт на земле.
Мы, беспечные, тонем и гибнем во зле.
И так часто теперь за расслабленных нас
В городах и горах погибает спецназ.

Вечность

Когда-нибудь все кончатся туманности
И мы вернёмся к ясной первозданности.

Но после этой ясной первозданности
Ведь нам опять захочется туманности.

Но есть ли путь обратный — до туманности
Из той, обетованной, первозданности?

* * *

Кто попробовал воду из Нила,
Будет вечно стремиться в Каир.

Николай Гумилёв

По берегу Нила и я проходил.
Но воду из Нила не пил я, не пил.
А если бы выпил я воду из Нила,
Меня бы могила тогда приютила.

Из речки далёкой, родной, полевой
Могу ещё выпить стаканчик-другой.
Могу из Байкала — я пил из него.
Из Нила, о нет, — ни глотка одного.

Уж грязное очень течение Нила —
Хоть, может, прекрасное
для крокодила.

* * *

Мне говорит Фарух Шуша,
Поэт египетский большой,
Что главное для нас душа,
То, что в душе и за душой.

А за душой у нас одно —
Любовь к прекрасному родному.
На древний Нил его окно,
Моё — на поле и солому...

Теорий будет миллион
И всяких споров, конференций...
А победит — тот, кто влюблён
В дух красоты, не в скуку лекций.

Мне говорит Фарух Шуша,
И я во всём согласен с ним.
И у него поёт душа,
И у меня поёт душа —
И мы с ним х о р о ш о с и д и м.

Эх, ёлка моя...

Эх, ёлка моя
Да светёлка моя!
Да зажгутся на ёлке огни!
С Новым годом, друзья!
С Новым годом, друзья!
Ещё будут хорошие дни.

Вот кончается год.
И закончился век.
И кончается будто терпенье...
Не тоскуй, человек.
Помолись, человек.
И подбрось ещё в печку поленья.

Будем верить, друзья,
Что всё будет не так,
Как хотели б враги и кликуши, —
Эту полосу жути,
Болот и коряг
Мы пройдем и спасем наши души.

Эх, ёлка моя
Да светёлка моя!
К нам вернулись и снег, и мороз.
С Новым годом, друзья!
С новым счастьем, друзья!
За Россию и радость мой тост!

Декабрь 2006

* * *

Поэты мешаются под ногами.
Когда вокруг такое движение.
Такие реформы...
Когда крутятся такие деньги.
Когда так просто
Стать хозяином жизни...
Когда сброшены все приличия...

Поэты мешаются под ногами
И настаивают на вечных истинах.
Кто их слушает? Кто им платит?
Никто.

Но они всё равно мешаются под ногами.
И странным образом
Эти великаны,
У которых они мешаются под ногами,
Потом куда-то исчезают...
А те, кто мешается под ногами,
Растут, вырастают
В больших поэтов,
В национальную гордость и радость —
И с ними считаются
Подлинно великие люди.

И не важно, что нередко это происходит
Уже без самих поэтов.

16.12.2007

* * *

Архиепископ Мир Ликийских,
Святой угодник Николай,
Спасай людей в полях российских
И в городах спасай!

Ты видишь сам всё обстоянье
Упадка, гибели, тоски...
К России прояви вниманье,
Ведь были мы тебе близки

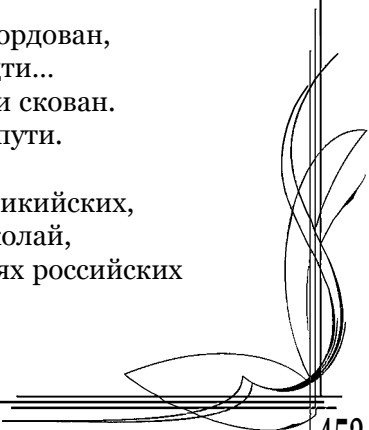
Во все века, твои иконы
Ты видел сам в любой избе...
Сегодня слышишь наши стоны? —
Кому помочь, как не тебе.

Молись о нас, святой заступник,
Прости за отступленье нас...
Народ — отчаявшийся путник,
Нет сил идти на этот раз.

Он весь забит и измордован,
Не знает он, куда идти...
Он словно бы навеки скован.
Спаси нас и открой пути.

Архиепископ Мир Ликийских,
Святой угодник Николай,
Спасай людей в полях российских
И в городах спасай!

19.01.2008

В Иркутске

Что мне Колчак? Пожалуй, ничего.
Вот памятник ему, вот крест на месте,
Где труп его под лёд спустили дружно.
Вот монастырь, где молятся о нём.

Сюда приходят, приезжают люди...
К легенде, может быть: мол, адмирал
Мог повернуть историю России...
Не повернул. И мог ли повернуть?

Всё дело в жертвенности. На Руси у нас
Всего превыше жертва за святое.
Борис и Глеб — начало всех начал.
Сама Россия — жертва за святое.

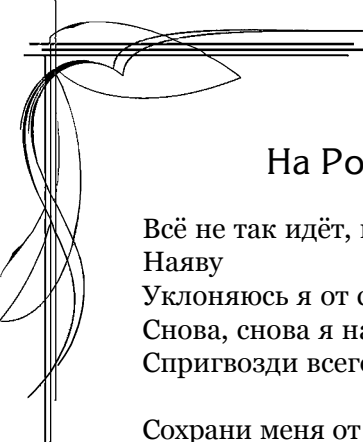
Что мне Колчак... Но вот стою, стою
Не берегу реки быстротекущей
И думаю об этом человеке:
Как смерть он принял здесь, на Ангаре.

Всё дело в жертвенности. На Руси у нас
Всего превыше жертва за святое...

А жертвы за святое — мужики,
Колчаковцы которых убивали?
И вырезали звёзды на груди...
Пожалуй, жертвы. Жертвы за святое.

Как много было жертв тогда, в те годы,
На многих русских реках и везде...
Они, быть может, были не напрасны.
По крайней мере, думается так.

15.04.2006

На Рождество

Всё не так идёт, как в мыслях.
Наяву
Уклоняюсь я от света во тьму.
Снова, снова я на помощь зову:
Спригвозди всего меня страху Твоему!

Сохрани меня от слова и от дела душетленного,
Вразуми и просвети!
Снег летит на купол храма древнего.
Снег — лети!

Нынче в храм людей приходит множество.
Тоже — торопись.
Снег — лети! Пой хор! В России Божеской
Ещё можно грешному спастись!

Страстная суббота

Тревожный день: Христос лежит во гробе.
Молчит природа, ангелы молчат.
Но Он во гробе — словно бы в утробе,
И трепещите, сатана и ад.

Тревожный день. Как будто бесконечный.
Но Воскресенье в нём уже сквозит,
Он вновь рождается, наш Спаситель вечный,
Воскреснет сам и мёртвых воскресит.

* * *

Падал снег, падал снег на дорогу,
Засыпал, засыпал колеи...
Люди шли, устремлённые к Богу,
Забывали заботы свои.

Это видели ангелы с неба,
И чтоб людям душевно помочь,
Подсыпали пушистого снега,
Падал снег день и ночь, день и ночь...

Падал снег никуда, ниоткуда...
Хоть лежал в колеях и в дупле,
Но казалось, что всё это чудо
Не на грешной печальной земле.

Словно всё это было на небе.
Люди шли, люди шли, люди шли...
Благодарственный пели молебен,
Покидая пределы земли.

11.11.2012

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Странник

Открылись двери — женщина вошла,
она сказала медленно и просто:
«Живи любя, живи, не помня зла.
Живи, чем жив, до самого погоста».

Никто не знал, что совершалось там,
в душе, — какие открывались дали.
А ветер за окном ветлу качал,
скрипел колодец, лошадь запрягали.

Он всё любил, что встретилось в пути:
свет городов, селения во мраке...
Хотя не знал, куда ему идти,
на тот ли путь он силы свои тратил.

Но он всё шёл как бы на некий свет,
и шли пред ним огни, вагоны, лица...
Он счастлив был — и через много лет
он не хотел нигде остановиться.

Родительская суббота

Помяни,
поставь свечу — и этот
огонёк перенесётся вмиг
в те края,
где мать твоя с рассвета
ожидает
знак твой, этот блик...
Я не объясню такое чудо,
только знаю:
матушка глядит —
не летит ли огонёк отсюда?

Что же он
так долго не летит?..

Свидетель

Я видел поэтическое дерево —
Я видел Соколова, Передреева,
И Кузнецова, Тряпкина, и Сухова...
Я видел их, и слышал, и любил.

Казанцева, Жигулина, Горбовского,
И Решетова, но березниковского...
Рубцова я не видел, но поистине
Он рядом, ближе многих ближних был.

Да, это было дерево так дерево.
Душа при нём жила, любила, верила.
Застал я время дивное в поэзии,
Чему я рад и по чему грущу.

И альманахи были интересные,
И вечера поэзии чудесные.
И много значили тогда для многих строки
В Москве, и в Питере, и во Владивостоке...

* * *

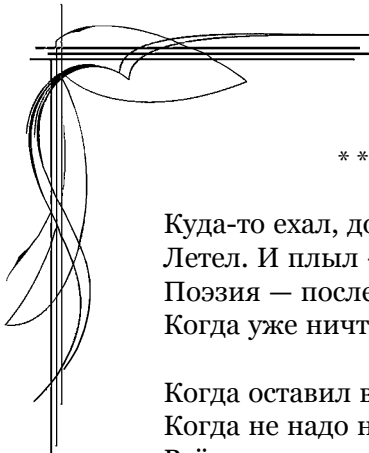
Глазницы изб и крыш проломы...
И редко где колодца звень.
Чтоб чьи-то выросли хоромы,
сгубили столько деревень.

Теперь не крепостное право
и не насильственный колхоз.
Теперь свобода —
как потрава,
и все деревни —
под откос...

Глазницы изб и крыш проломы...
Свистит невидимая плеть.
Чтоб чьи-то выросли хоромы,
Пришлось народу умереть.

Горит костёр...

Горит костёр на тёмном побережье.
Горит вдали от дома моего.
Я стал другим — ну разве мог я прежде
На расстоянье греться от него...

* * *

Куда-то ехал, до какой-то станции.
Летел. И плыл — и напрягал весло...
Поэзия — последняя инстанция.
Когда уже ничто не помогло.

Когда оставил все заботы, промыслы.
Когда не надо никуда бежать,
Всё позади — все поиски и полосы...
Тогда приходит эта благодать:

Стихи писать... Неторопливо, вдумчиво.
Стихи писать как главное из дел.
И радоваться по такому случаю,
Что день настал *такой* и ты успел...

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	3
«В этом мире хорошо и плохо...»	3
«Из жизни нашей стали исчезать...»	4
СОЛДАТ	5
ВЕТЕРАН	6
«И всё же за нас умирали...»	7
«Я русский, да. Но россиянин тоже...»	8
«Со мною разговаривает рожь...»	9
«Вот и Волги берег молчаливый...»	10
«Куда бегут все эти «мерседесы...»	11
«Я был ракетчиком когда-то...»	12
«Мне вспомнилась вдруг почему-то пилотка...»	13
«Америка — мерзкая, мерзкая...»	14
«В Германии хотелось мне увидеть один Рейхстаг...»	15
МАЙСКОЕ КИНО	16
«Кресты, кресты...»	17
«Не фрицы нынче сбрасывают бомбы...»	18
«Опять о мире и войне... И кто-то плачет...»	19
«Рок событий несёт нас к войне...»	20
«Донбасские Паблы Неруды...»	21
«Восходы! Закаты! Восходы! Закаты!» ..	22
«Я твержу себе снова и снова...»	23
«Держитесь, люди русские, держитесь!»	24

СТИХИ 2015—2019

МОЙ ТРИЛИСТНИК.....	26
«Кремлёвская стена кому-то плача стена...»	28
«Мы всем должны — и бабочкам, и пчёлам...»	29
«Для России открылся Господь в эти годы...»	30
«Всю ночь когда-то слушал Верстакова...»	31
«Там крестьянки лён прядут...»	32
ПРИВЫКАЕМ ЖИТЬ БЕЗ УКРАИНЫ.....	33
«Да, больше нету той страны...»	34
«Да, другие времена...»	35
«Почему-то тянет, тянет...»	36
«Много в мире всего симпатичного...»	37
«На пороге вечности, на Севере...»	38
«Что такое стихи, забываю...»	39
«Икона неба не всегда лучиста...»	40
«Листья падают, и корчатся...»	41
ТИМОНИХА.....	42
ОЛЬГЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ФОКИНОЙ	44
ДОРОГИ МОИ.....	45
ВОСПОМИНАНЬЕ О ХИБИНАХ.....	47
ТАК НЕЛЬЗЯ.....	48
«Листья падают сами собой...»	49
«Были чудом слова и улыбки...»	50
«Россия с нами говорит пейзажем...»	51
«Россия погибла, Россия в обвале...»	52
«Много, много бабочек летает!»	53
«Кот Васька ест осоку...»	54
«В День Павла и Петра...»	55
ПРОЩАНИЕ С РАСПУТИНЫМ	56

ВОСПОМИНАНИЕ О СОВЕЩАНИИ МОЛОДЫХ

ПИСАТЕЛЕЙ КРАЙНЕГО СЕВЕРА И ДАЛЬНЕГО

ВОСТОКА В МАГАДАНЕ.....	57
ПАМЯТИ НИКОЛАЯ КОЛЫЧЕВА.....	59
МОЛОДЫМ ПОЭТАМ.....	61
НИКОЛАЮ ТРЯПКИНУ	62
НА ПОХОРОНАХ Н.Л.	63
«Порой мне кажется — кругом идёт творенье...»	64
«Я не могу без родины моей...»	65
«Жизнь дарит многими дарами...»	66
«С горы Седло шла туча на Хунзах...»	67
«Друг Магомед, сложилось в жизни так...»	68
«Словно горец на крыше сакли...»	69
«В Гунибе — на небе!»	70
«Когда настанет время умирать...»	71
«Друзья звонить мне стали из больницы...»	72
«Где Чёрная речка впадает в Осинку...»	73
«Жили мы тяжело и горестно...»	74
«Я в гостях у Гумилёва...»	75
«У тебя миллионы просмотров...»	76
НАРОД	77
«Котлеты на стол подавали тазами...»	78
«Опять, опять пошли мы не к Отцу...»	79
РАСПЕВЫ ВАСИНА-МАКАРОВА.....	80
«Пряный запах флоксов увядающих...»	81
В ПОЕЗДЕ ВЛАДИВОСТОК — МОСКВА	82
«Самолёт, как рыбка...»	83
«Поэзия неотменима...»	85
Я ШАГАЮ ПО БЕЛОЙ ДОРОГЕ.....	86

СТИХИ, НАВЕЯННЫЕ ВЕРХНИМ ЧЕГЕМОМ.....	87
ЭТОЙ САКЛЕ МНОГО ЛЕТ.....	88
«Какая мягкая трава...»	89
О РОДИНЕ МОЕЙ.....	90
«Никуда пробиваться не надо...»	91
«Лес без ветра шумит к дождю...»	92
«Чёрно-белая пашня предзимняя...»	93
«Нотные волны на берег судьбы набегают...»	94
«Всё равно победят демагоги...»	95
«От слов пора бы к делу перейти...»	96
«Прожить всю жизнь, чтоб попросить прощенья...»	97
«Жёлтые листья, зелёная ряска...»	98
«Облака, словно белые кочки...»	99
«В Луховицах есть поэт...»	100
«Над миром свист летит разбойничий...»	101
«Я люблю эти горы Кавказские...»	102
«Была отрада — выйти в поле!»	103
«Когда-то на корме высокой...»	104
«Много Родиной прожито-пройдено...»	106
СИБИРЬ.....	107
«Сиреневые камни Каламона...»	108
ЦЕРКОВЬ СПАСА В БЕЖЕЦКЕ.....	109
«Мы стихи почитали...»	110
ОСЕНЬ И КИТАЙЦЫ.....	111
«О, сколько сёл и городов мелькнуло...»	112
«В закате облако плывёт подводной лодкой...»	113
«Во время поста начинает меня колбасить...»	114
«В той молитве говорится...»	115
«Как много теперь подозрительных...»	116
«Стоят леса в заснеженных тулупах...»	117

«Всё проблемы, проблемы да лица...»	118
В БАШКОРТОСТАН!	119
«Идти с утра на древний берег Дона!»	120
«Я знал, что будет старость, но не знал...»	121
«В мире этом плещут волны...»	122
«В высших слоях атмосферы...»	123
ТРИ ПОСВЯЩЕНИЯ БАТЫРАЮ	124
«Опять перечитал «Из Пиндемонта...».....	126

СТИХИ 1975—2014

«Всё начиналось очень просто...»	128
ДАЛЁКОЕ	129
НОЧНОЙ РАЗГОВОР.....	131
КОГДА ПОГАС НА ГОРИЗОНТЕ СВЕТ	132
«Как в тёмный лес отец своё дитя...»	133
«Смотрю — лубок с изображеньем рая...»	134
С ВЕТОК ПАДАЮТ СВЕТЛЫЕ КАПЛИ.....	135
СЛЕПНЕВО	136
«...И не надо никакой награды...»	137
«Когда-нибудь останутся стихи...»	138
ПЕСНЯ УТРЕННЕЙ ВОЛНЫ.....	139
«...Когда ты вышла из волны...»	140
СЧАСТЛИВАЯ.....	141
ПЛЫЛИ ЗВЕЗДЫ, КРУЖИЛА ДОРОГА.....	142
МОТИВ.....	143
«Поля зелёные, коричневые пашни...»	144
«Сиреневый клевер, сиреневый клевер!»	145
НА РОДИНЕ.....	146
РУБЦОВ	147
«Выйдет луна — всё светло до опушки...»	148

ОТРЫВОК.....	149
НИГДЕ НЕ ЗАСВЕТИТ ОКОШКО	150
ПРОЩАЛЬНОЕ.....	151
ОСЕНЬ.....	152
«Желтоклювые чайки кружат над зелёной водой...»	153
В АРКТИКЕ.....	154
«Или в ноздри песок, или деньги в карман...»	155
«Свистит, свистит норд-ост...»	156
В ЛУННОМ СВЕТЕ.....	157
«Серые обветренные тоны...»	158
НА МАЯКЕ.....	159
ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ	160
ГОРИТ КОСТЕР	161
«Это Север замёл все дороги...»	162
«Наш полуостров так качается...»	163
ПОМОРСКИЕ МОТИВЫ	164
«Костёр горит, и варится уха...»	166
«Жара. Твоё влажное тело...»	167
«Всё это быт, гнетущий и любимый...»	168
«Пять лет прошло. Как будто снег согнало...»	169
«Сонным полуденным зноем...»	170
ШАРОВАЯ МОЛНИЯ	171
«Давай, шаман, погромче в бубен бей...»	172
«То здесь, то там моя лопата...»	173
«Больше, чем покупные игрушки...»	174
ИСТИННЫЕ ЦЕННОСТИ.....	175
«Жизнь прекрасна, удивительна...»	176
ТРАГЕДИЯ.....	177
«Нехлюдов Книгу открывает снова...»	178
«В той комнате, где на заре столетья...»	179
«Старинный дом многооконный...»	180

«Уже темно, а жаворонок звонкий...»	181
«Волны Охотского моря...»	182
«Поэзия принадлежит земле...»	183
ОЖИДАНИЕ	184
ПАМЯТЬ	185
«Судьба — суд Бога». Пересвет...»	186
«Говорят, за звёздными огнями...»	187
«Безбожество будет разбито...»	188
ОБЫЧАЙ	189
ДИВО.....	190
«Снег вышел в полшестого и пошёл...»	191
«Опять твердишь Екклезиаста...»	192
«Подстроенная радость — это глупо...»	193
ВОРОНА.....	194
СТАРИК	195
СТРОКА.....	196
«Как пойду я по тем по лужочкам...»	197
«Как пустынно без церкви кладбище...»	198
«Луна, то белая, как снег...»	199
«Родина... Свет за окошком...»	200
РУССКИЙ ФИЛОСОФ	201
«На усадьбе присяду на камень...»	202
ЛОДКИ.....	203
«Горячий полдень, в полной силе...»	204
СТРЕКОЗА.....	205
«Столбы телеграфные будто распятыя стоят...»	206
РЕКА ТЕКЛА...	207
ВПЕРВЫЕ.....	208
«О разрухе... Опять о разрухе...»	209
«Нет, они ни в чём не виноваты...»	210
«Ты говоришь о вечном и простом...»	211

«Соблазнили народ, соблазнили...»	212
«Небо русское в инее звёздном...»	213
БЕЖЕЦК. ИЗ ДЕТСТВА.....	214
НА НИКОЛУ	215
НА ПАСХУ	216
«Все наши дни куда-то канут...»	217
«Опять всё смутною затянуто...»	218
«Стекло иконы лобызает...»	219
«В моей родимой стороне.....»	220
«Эх, тверские, брянские, рязанские...»	222
«Одни говорят, что антихрист идёт...»	223
«Бог на земле — не только в небесах...»	224
«С утра благодарю я утро...»	225
«О, если бы один, а то большая свора...»	226
«Россия — не та, никого не спасёт и себя не спасёт...» ..	227
«Россия много насолила...»	228
«Была Россия — нет России...»	229
«Понять, что происходит...»	230
МОЛЕБЕН	231
«Уньные — грех... Не лучше ли очнуться?»	233
ЖАРКИЕ ДНИ	234
«О чем писать, когда достигнешь рая?»	235
«Васильки ещё есть, ещё есть колокольчики...»	236
«Дикие голуби сыто рокочут во ржи...»	237
«Днём по полям я брожу, где тропинки, как нити...»	238
ПЕРВЫЙ СПАС.....	239
«Сегодня стрекозы устроили тушинский праздник...» ..	240
«Окропи меня, батюшка, грешника...»	241
«Ткацкие фабрики осени трудятся...»	242
«Октябрь с золотым чемоданом...»	243

РОЖДЕСТВО.....	244
ВЕЧЕР В ЯНВАРЕ.....	245
ЛАЗАРЕВА СУББОТА.....	246
«Вот и осталась неделя...»	247
«Началась неделя Страстная...»	248
«Я не могу как следует поститься...»	249
«Завтра Пасха, завтра Воскресение...»	250
«Там поля весенние...»	251
ВОСПОМИНАНИЕ О ПРИБАЛТИКЕ.....	252
КОНЕЦ АПРЕЛЯ	253
«Золотые кусты над речкою...»	254
«Из белого облака — вижу — рождается белая бабочка...»	255
«Поэзия должна быть глуповата...»	256
«Стою перед огромным стогом...»	257
«Есть у меня аллея вдохновенья...»	258
«После смерти нет покаяния...»	259
В БЕЖЕЦКЕ	260
«Эта речка простая, как рифма «река-облака»...»	261
«Облака словно пыль проскакавшего по небу всадника...»	262
«Встаёт мой дед и говорит: «А где Россия?»	263
НАСТАНЕТ ГОД.....	264
ПАМЯТИ Г.В. СВИРИДОВА.....	265
«На что вы, дни? На то, чтоб оторваться...»	266
ПО ЦАРСКОЙ ТРОПЕ.....	267
«Огонь лампадки — тихий, милосердный...»	268
«Помолчи, не говори, довольно...»	269
ТЫ, КОНЕЧНО, ПРАВА.....	270
«Молчит сомнительно Восток...»	271
«Земля рожать не устала...»	272

«Есть реки, которые вдруг пропадают из виду...»	273
«Сегодня Божьей Матери Успенье...»	274
«Мы пишем стихи на последнем дыхании века»	273
ОДУВАНЧИКИ	276
САМА УЗНАЕТ.....	277
«В сердце утомлённом затихает битва...»	278
КАМЫШИ МОИ.....	279
«В шершавую кору деревьев...»	280
«Россия — это не страна...»	281
ОТОШЛА СТАРОРУССКАЯ НАЦИЯ.....	282
«Свои сердца мы равнодушно студим...»	283
ПРОРОК.....	284
В САНТ-ПЕТЕРБУРГЕ.....	286
ДРУЗЬЯМ	288
«Говорил один священник...»	290
ИЗ ДНЕВНИКА.....	291
НАСТОЛЬНЫЙ АМЕТИСТ	292
4 ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА	293
ВОСПОМИНАНИЕ О ПАРАДЕ.....	295
ДИАЛОГ.....	296
«Ястреб в небе свистит по-мышинному...»	297
«Ни тропаря, ни кондака не зная...»	298
«Соблазнили народ, соблазнили...»	299
ЧИТАЯ «БЕСОВ».....	300
НА ПОКРОВ	301
ПОЭЗИЯ КАК БЫ УМОЛКЛА.....	303
«Всё детективными завалено томами...»	304
«НАД РУССКОЙ ВИЛЬНОЙ...»	305
ДУБУЛТЫ.....	306
ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ.....	307
ВЕЛИКАЯ ПЯТНИЦА.....	308

ПРИМИРЕНИЕ.....	309
«В мире много погибели, много уныния»	310
ВЕРА.....	311
НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА.....	312
«Осенний дождик льёт неторопливо...»	313
В ЭТОМ ДЕРЕВЕ.....	314
«Жёлуди падают с дуба...»	315
«Я о Страшном суде прочитал по виденью монаха Григория...»	316
«Выхожу из храма. Лето под парами...»	317
ЗАЛИВ.....	318
«Рыжий котёнок на фоне шиповника алого...»	319
ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ	320
КОГДА ЖЕ?.....	321
«Когда помотришь на статистику...»	322
«Трудилась жизнь, она во мне хотела...»	323
«В слове «терпение» — пение, пение, пение...»	324
ЖИВОЙ.....	325
ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ.....	326
«Разлилась река Молога...»	327
НЕ ВЫНУЖДАЙТЕ.....	328
СЛУШАЯ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА.....	329
ЧТО БУДЕТ С НАМИ?.....	330
«На первый план выходят комиксы...»	331
НА ПУШКИНСКОЙ ПЛОЩАДИ	332
НЕБОЛЬШОЙ РАССКАЗ О 90-Х	333
«Поставили стражу у гроба Господня убийцы...»	338
КРЫМ.....	339
НА ОСВЯЩЕНИЕ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ.....	340
«Деревенских старух...»	341
ОДНА КНИГА	342

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ИСАКОВСКОГО	343
«Теперь всё как бы утопает в иле...»	344
«Ковши Большой Медведицы над баней...»	345
БЕЖЕЦК	346
ДНЕВНИК ДЕСЯТИЛЕТИЯ	347
«Уходит русский экипаж...»	350
В ЛАХТЕ.....	351
«Так много туч, так много чёрных туч...»	352
ДЕКАБРЬ	353
«В эту пору весны, когда вётлы роскошны, как розы...»	354
«Полетела звезда, я фонариком ей посветил...»	355
А ЧТО НАРОД...	356
«Вот уже и вечер...»	357
«После зимних ледяных щедрот...»	358
«Я отдаю себе отчёт...»	359
НА ВЫСТАВКЕ.....	360
БЕСЛАН	361
«За окошком туман, желтизна...»	363
«Господи, жить понемногу...»	364
«Жена с утра воркует...»	365
«Надо устать...»	366
«Лежит человек исхудавший...»	367
ЭФИР	368
«Когда не пишутся стихи...»	369
ОКНО	370
«Как тяжело бывает нам в пути...»	371
«Дождь накапал полное корыто...»	372
«Икона Всех Святых — как бабочек собрание...»	373
ВНУЧКИНА ВЕСНА	374
В ПУСТЫНЕ	375
«Какой-то вьюн, гигантский вьюн...»	376

ЗДЕСЬ...	377
«По Красной площади позёмка...»	378
ДОЯРКА	379
«Милые родные старушенщи...»	380
«Все мы, печальные Лели...»	381
НА 2005 ГОД.....	382
ОТЧИМ	383
«Бараки рифмуются — драки...»	385
УБЕРИТЕ!	386
ДЕНИСУ.....	387
НАДПИСЬ НА КНИГЕ	388
«У меня от тоски заграждение...»	389
«Добрый вечер, моя семья!»	390
«Горлинка горлит с берёзы...»	391
ГОВОРЯТ...	392
НЕ УНЫВАЙ!	393
БАБОЧКИ	394
БУДЕМ, КАК ДЕТИ...	395
«Вернулись солдаты со странной войны...»	396
«Избяные крюки допеты...»	397
ЭТИМОЛОГИЯ	398
МАЛЬЧИК В ХРАМЕ.....	399
ДАСТАРХАН.....	400
«Мужик копает огород — а я гляжу...»	401
«Как много ругаются матом...»	402
«Родился я среди полей открытых...»	403
НА ЮГЕ ИРАНА	404
ХАФИЗ	405
ОСТРОВ КИШ	406
«Подсыхают пашни тёмные...»	407
ПОСЛЕ ВЕНЧАНИЯ	408

«Небо всё лучами золотится...»	409
«Так живёшь да живёшь, ходишь по полю...»	410
«Грешнику в раю невыносимо...»	411
«Сегодня панихида по Рубцову...»	412
В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ	413
«Из пункта А — то бишь из ада...»	414
«Мне нравится слово «народ»...»	415
НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ.....	416
НИКОЛАЮ ДМИТРИЕВУ	418
«Таинственно и безбрежно...»	419
«И этот, и другой хохочет...»	420
СТРИЖИ В МОСКВЕ.....	421
«Обогреть муравейник непросто...»	422
«Камни стучали о камни...»	423
И СНОВА — ЖИЗНЬ!.....	425
«Торопиться неохота...»	426
«За трудности свои держись...»	427
РОДИНА	428
«Ступням в пыли дорожной хорошо...»	429
«Такой был чемоданчик — патефон...»	430
ДРОЖЖИН И РИЛЬКЕ	431
«Те, кто ходит в храм...»	432
ВОЗРАЖЕНИЕ.....	433
ВОСХИЩЕНИЕ	434
О МИРЕ.....	435
ГЛЯДЯ НА ДВОРНИКА	436
ПРО БЕЛОГО БЫЧКА.....	437
АНАТОЛИЮ СТЕПАНОВУ.....	438
«Настя любит ездить в сад, бегать по траве...»	440
«По жизни, как из окружения...»	441
«За всякое благодаяние...»	442

«Вижу сытых, каких ещё не было...»	443
«Цветёт и пахнет буржуазия...»	444
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ.....	445
ПТИЦЫ.....	446
ВОСПОМИНАНИЕ О БЕСЛАНЕ	447
ВЕЧНОСТЬ	448
«По берегу Нила и я проходил...»	449
«Мне говорит Фарух Шуша...»	450
ЭХ, ЕЛКА МОЯ.....	451
«Поэты мешаются под ногами...»	452
«Архиепископ Мир Ликийских...»	453
В ИРКУТСКЕ	454
НА РОЖДЕСТВО	456
СТРАСТНАЯ СУББОТА	457
«Падал снег, падал снег на дорогу...»	458

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

СТРАННИК	459
РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА.....	460
СВИДЕТЕЛЬ.....	461
«Глазницы изб и крыши проломы...»	462
ГОРИТ КОСТЕР... ..	463
«Куда-то ехал, до какой-то станции...»	464

Литературно-художественное издание

Иванов Геннадий Викторович

НАДО ЖИТЬ

Избранные стихотворения

Корректор *О.Б. Бубликова*

Верстка *И.В. Хренов*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 24.01.2020. Формат 84 × 108¹/₃₂.

Гарнитура «Georgia». Бумага офсетная.

Печ. л. 15. Тираж 500 экз. Заказ .